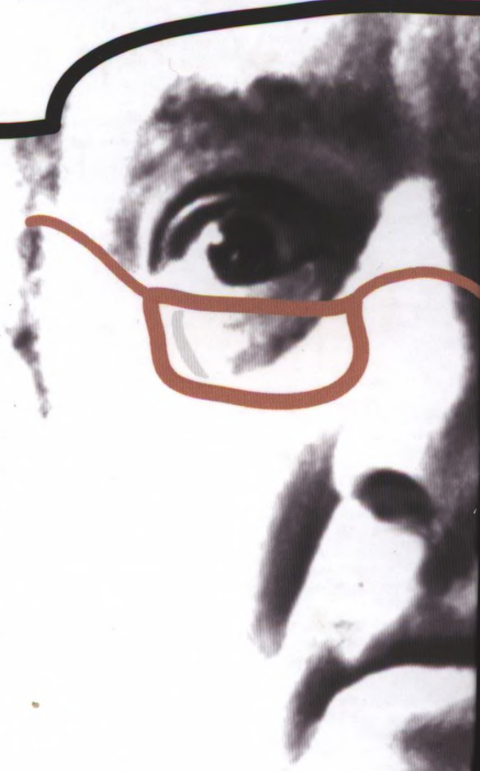

Евгений
Весник

Абра-
кага-
бры

Евгений
Зесник

Дра-
кага-
Бры

Москва ЗАРУС

Художник — Борис Миролюбов

Весник Е.Я.

В 38 Абракадабры / Евгений Весник. — М.: ВАГРИУС, 2007. — 304 с.

ISBN 978-5-9697-0340-7

Новая книга известного и всеми любимого актера Евгения Весника названа весело и непринужденно — «Абракадабры». Искрометный юмор соседствует в ней с философскими рассуждениями, воспоминания о «делах давно минувших дней» с точными афористичными зарисовками, портреты коллег по цеху, будь то актеры или писатели, с проникновенными рассказами о «братьях наших меньших» — с ними у автора сложилось в течение его долгой жизни полное взаимопонимание...

УДК 882-94

ББК 84-4

Охраняется Законом РФ об авторском праве

ISBN 978-5-9697-0340-7

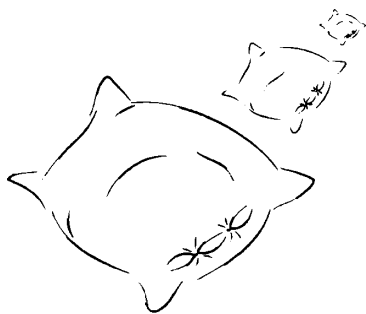
© Весник Е.Я., 2007

© Оформление. ЗАО «Вагриус», 2007

Только для субъектов,
находящихся в бодрствующем
состоянии, Мир один и тот же!
Каждый же спящий человек
вращается в своем собственном мире!

Гераклит Эфесский
(древнегреческий философ)

Сны

О! Как я вращался!!!

Это были удивительно полезные вращения, так как во сне я становлюсь более раскованным, смелым, откровенным, нежели днем. Я не боюсь ни цензуры, ни органов устрашения, не боюсь быть вызванным на допрос, быть обысканным и так далее. Во сне я дышу чистейшим воздухом, очищенным от газов, соли, бюрократизма и прочих гарниров цивилизации. Чуть ли не в каждом сне я цитирую на память слова Фридриха Ницше: «Снится или ничего, или что-то интересное». Нужно учиться и бодрствовать так же: или никак, или интересно.*

Мне — свыше — были дарованы феноменально интересные сновидения, и очень обидно, что, как правило, часы дневного бодрствования несколько заземляли чудесный настрой ночных «вращений» души, «вращений», даривших мне мир фантастических абракадабр и общений с давно ушедшими в мир иной мудрецами, — заземляли и превращали дневное бодрствование — во «вращение по привычному, рутинному кругу», лишённому фантазии и духовных радостей... То ли дело сон!!! Сон, переносящий тебя в «твой мир», мир, свободный от послушания и подслушивания, зависти, интриг, преследований, наказаний и подчинений...

* «Цитата не есть выписка. Цитата — цикада. Неумолкаемость ей свойственна» (О. Мандельштам).

СОН ПЕРВЫЙ

...Идет заседание. Какое? Кто заседает, где, что говорят — ничего не ясно! Происходит оно на сцене какого-то театра.

Во время выступления ораторов на трибуне медленно движется круг сцены, поэтому выступающий то скрывается от взоров сидящих в зрительном зале, то вновь появляется. Вот он выезжает... Жестами просит кого-то выйти на сцену... На полке засветилось огромное табло, точь-в-точь такое же, как на стадионе, и я прочел: «Господ Николая Бердяева из прошлого, а из настоящего Евгения Весника просим на сцену!»

Не могу проснуться, ну никак не могу, поэтому иду... Рядом со мной крутолобый, с бородкой и с усами, гениальный философ. Он легко поднимается на подмостки, оратор уступает ему место.

— Господа! — громко звучит голос Бердяева. — Ожидание чуда — одна из слабостей русского народа, один из самых больших его соблазнов...

Я тоже робко поднимаюсь на сцену, но крут увозит всех нас долой с глаз людских.

— Позвольте добавить кое-что к вашему коротенькому выступлению? — спрашиваю я у гения.

— Валяйте, — разрешает он.

Крут вывозит нас на люди...

— Ожидание чуда есть чудо русского народа! Это правильно. А чуда как такового нет и нет. Время идет и идет — бдительность притупляется, разваливаются экология, душа и без того слабые народная самоорганизованность и национальная гордость. И что самое плохое — слабеет вера в способность самостоятельно править самим собой!

— Правильно, правильно, — выкрикнул кто-то из зала.

Мы все ахнули: у третьего микрофона в глубине зала стоял... Александр Герцен.

— Правильно, правильно, хотя бы потому, что я вижу слишком много освободителей и не вижу свободных людей!

Из всех щелей зрительного зала появились вооруженные спецназовцы, омоновцы и государственные сыщики, прокуроры и следователи. Их появилось больше, чем зрителей! Кто они, эти зрители, — непонятно, да и поведения странного. Вот чертов сон!

Один из них бегал по залу как на стометровке, четыре раза туда-сюда по 25 метров. Бабуля во втором ряду торговала белыми семечками и французской туалетной водой «Ваня». Человек с виноватой улыбкой поочередно кричал то «да», то «нет», то снимал с сидений пустых кресел какие-то листочки бумаги-брошюры, то ими прикрывал дру-

гие — и всё бегом, весь, бедный, в мыле, явно за большие барыши. Какие-то респектабельные не очень русские люди меняли литровые бутылки с этикетками «Виски Жириноводские» на две поллитровые «Мадера Рубинштейна» и коньяк «Атаман Дзендзипер» у людей курносых, русых и не очень трезвых...

Трибуна на круге медленно уплывала в темноту, на сцене появились две группы коротко стриженных и в длинных пальто женщин... В середине каждой группы в наручниках и с висящими на шее вместо галстуков утюгами сидели и мило улыбались два старика: очевидно, ветераны Отечественной войны, потому как были совершенно одинаково одеты и по-стариковски молодежavo выглядели из-за того, что явно были больше чем «чуть-чуть навеселе»...

Милые женщины нараспев хором произнесли следующее:

— Левый заложник — двести тысяч монгольских тугриков, правый — один миллион старыми банкнотами СССР!

Кто-то истерично выкрикнул «караул!» и «обдираловка». И никто не купил заложников. Крут увез всех в темноту закулисной организованной деятельности... На появившейся трибуне стоял «исполняющий обязанности» в форме. На сцену бесшумно выполз огромный танк. Пушка его медленно поворачивалась, прицеливаясь к «форме».

— Возбужденно осужденных сто двадцать плюс три тысячи один, — начал доклад «форма», — но все амнистированы!

Пушка наехала на «форму» и прикоснулась к его голове, которая смотрелась теперь как застывшее

в стволе ядро. На сцену вдруг выбежали два мальчика шести и девяти лет и мгновенно сожгли огромный танк посредством миниатюрных, но очень коварных дамских зажигалочек, произведенных в явно значительно удаленных на юго-север от 181-й средней школы имени «Кавказской пленницы» шахтах по добыче какого-то засекреченного фиолетового «берберилия — 927/4 плюс твердый знак минус А», в чем мужественно признался младший малец.

Голова оратора оказалась огнеупорной — с танком не сторела, а напротив, ожила, осмелела и громко закончила речь: «Ха-ха-ха! Амнистия еще не значит амнистия! А вот принципиальность и законность, я вам доложу со всей ответственностью...» Голове не дали договорить, так как вместе с мыслями и «со всей ответственностью» она была увезена в сумерки закулисного «светлого будущего»!

...Финал был великолепен! Состоялась презентация всем известного, очень высокоподнятого чиновника, но не живого, а куклы — его бесподобной копии! Жена при кукле была натуральная... Столы ломились от лангустов и живых пчел... Подъехало еще несколько кукол с семьями. Тосты, крики «ура», звон бокалов звучали беспрерывно. Речи кукол были как никогда искренними и смелыми: обещали, что на 2 процента будет! Будет, обязательно будет! И на 1,3 процента обязательно сделать намного лучше. Во всяком случае — не хуже. Слегка опьяневший гражданин в модных очках то снимал, то надевал бородку, крича в 4-й микрофон: «Нельзя так, нельзя, так нельзя, братцы! Этак мы... Черт-те

что наделаем с народом... Это что же такое деется — я видел, как образованный, красивый молодой человек пускал в нос своей собаке дым, пускал, пускал, все говорил ей: консенсус, консенсус, а она возьми да откуси у него нос! Вот вам и консенсус! Этак нам тоже! Этак мы...»

Хохотали все, все, все, да так сильно, что разлетелись все пчелы и все время звенела люстра из бананов, а одна кукла до того досмеялась, что превратилась в свой оригинал и вылила в карман рассказчика с бородкой рюмку коньяка «Атаман Дзендзипер» и положила туда же ломтик обсосанного лимона.

Никто не понял смысл рассказа о потерянном носе курильщика, но это не важно и не имеет решающего значения для ближайших перспективных катаклизмов, так как вообще в этом сборище в целом почему-то СМЫСЛ никакой роли не играл, и именно в этом, очевидно, был весь смак, или шарм, или шик... Очевидно, так — во всяком случае, я так думаю... А может быть... Кто его знает? Может быть, в этом-то и был частично, но достаточно... ощутимый... Господи! Всели в нас — не в нос, а в нас — ВЕРУ В СМЫСЛ!

«Возмужавшие» мальцы привели двух священнослужителей, те освятили помещение — всё, всё, и все сгнули куда-то. Мгновенно! Прилетели ангелы и стали подметать пол вениками из огромных ромашек и васильков... Вернулись пчелы, где-то близко-близко запел соловей, а где-то далеко-далеко — заколоколилась церквушка, за ней другая, третья... Появившиеся священнослужители погладили мальчиков по уже поседевшим головкам, отняли у них страшной силы зажигалочки и подарили

им по самой мудрой книге — Библии и сказали им: «Учитесь добру, учитесь у Бога!»

И я вернулся из сна на грешную землю. Грешную, трагическую, но родную и с огромными залежами смешного и доброго, особенно в шахтах будущего...

Самое важное — не затупить отбойные молотки на делах тщетных, авральных и глупых!!!

P.S. «Блаженны те, которые соблюдают заповеди Его, чтобы иметь им право на древо жизни и войти в город воротами.

А вне — псы, и чародеи, и любодеи, и убийцы, и идолослужители, и всякий любящий и делающий неправду» (*Откровение Иоанна Богослова, глава 22, стихи 14—15*).

СОН ВТОРОЙ: ТРЕХСЕРИЙНЫЙ

На экране — первая серия.

Разносортные руководители в рубищах и с фонарями в руках, но живущие в золотых бочках... На вопрос «Как ваша фамилия?» все отвечают: «Диогеновы мы!»

На экране — вторая серия.

Все Диогеновы — их очень много (наверное, половина всех живущих на Земле) — собрались в пустыне. Над ними огромный транспарант — в высоту до Марса, а в длину — до горизонта и далее вокруг Земли: «Воскресают Мертвые! Живущим сделать это очень сложно!» (почти по Ежи Лецу).

На экране — третья серия.

Крупным планом — писатель, воскресший Юлий Даниэль: «Взорвали Бога, а взрывной волной ранило и контузило человека!»

Титры. Конец.

Звучит на органе поп-музыка, звучит так громко, что еще живые мысли съезживаются, — они беззащитны... перед барабанами, комиссиями,

Сны

президиумами и «мерседесами» с электронными деньгами, живыми электрогитарами с натянутыми недоучками из «мопсов», «такс» и «макак» вместо... струн.

СОН ТРЕТИЙ: «ГАВ-ГАВ!..»

Запорожье. Я в гостях у однополчанина — фронтовика в отставке. На столе огромная сковорода с остатками яичницы на сале, миска с луком и свежими помидорами. И то, «шо в бутылках».

Однополчанин. Ну, шо? Ще трошки?

Я. Не-е-ет, брат... Хватит, не могу больше.

Однополчанин (*берет с пола миску, вываливает в нее все, что есть на сковороде и на столе, выливает туда же остатки того, «шо в бутылках»*). Борочка! Борочка! (*Свистит.*) Иды, малэнька, иды сюды... Иды до мэнэ...

Появляется мрачный, солидного возраста большой пес охотничьей породы. Причмокивая, слопал и вылакал все содержимое миски, облизался, преданными, влажными, с красноватыми веками глазами посмотрел на хозяина, два раза хрипловатобасовито гавкнул — поблагодарил, что ли? — и, чуть шатаясь, побрел в другую комнату.

Я (*пораженный увиденным*). Хороша собачка!

Однополчанин. Да-а-а! Собачка хороший!

Я. На охоту берешь ее с собой?

Однополчанин. Не... сам хожу... без Борочки.

Я. Почему без Борочки?

Однополчанин. Ну, куда его? Нюха ниякого нэма... Спился собака... Борочка спилась! Псина был замечательный! Я ее подобрал на улице! Как она радовалась! А знаешь, почему она радовалась? Потому шо я развеял его сомнение в том, шо человек — благодарная штука. А сомнения посеял тот, кто его бросил!

...Я подумал тогда, что единственная глупость, которую совершают животные, — чрезмерное доверие к человеку!

...Ночью снилось, будто сижу за столом в шикарном ресторане и чокаюсь с Борочкой, одетым в военный костюм, с пилоткой на голове, со значком гвардейским и... в очках!

Борочка спросил: «Ще будэмо? Гав-гав?»

— Не-е-ет, дорогой мой, хватит, — ответил я, еле-еле дыша.

Борочка вылил недопитую водку в вазу для фруктов, туда же положил остатки икры, огурцов, масла, лука, картошки и хлеба. Громко свистнул... На четвереньках приполз мой однополчанин, вылакал полную вазу мешанины, облизался, гавкнул, забрался на стол и... превратился в майонез.

Борочка пролаял: «Спился хозяин! Гав-гав! У-у-у, собака нехороший! Гав-гав-гав!!!»

А оркестр заиграл что-то знакомое, современное и очень громко. Люди, сидевшие за столиками, не слышали друг друга, поэтому почти кричали и лаяли. Создавалось впечатление, что ты на псарне перед охотой.

Я тоже громко залаял и почувствовал, что виляю хвостом.

Проснулся в холодном поту и кинулся к зеркалу... Убедился, что хвоста у меня нет, и понемногу пришел в себя...

СОН ЧЕТВЕРТЫЙ: СЕРИАЛ «СВИСТУНЫ»

*Свиньи, склонные к бесчинству,
На земле, конечно, есть.
Но уверен я, что свинству
Человечества не съесть.*

Самуил Маршак

СЕРИЯ ПЕРВАЯ

Лежит огромная свинья... Громадная! Ее сосет несметное количество поросят и... человек с портфелями и со складными переносными трибунами.

СЕРИЯ ВТОРАЯ

Человеки съедают свинью, поросят и... получают повышения. Все! Портфели худеют — трибуны увеличиваются. Их надувают! Насосами разных мнений...

СЕРИЯ ТРЕТЬЯ

Нескончаемые ряды трибун, уходящие вдаль, и вглубь, и ввысь, и вширь... Но все — в никуда!

В трибуны навечно вмонтированы ораторы. Все говорят одновременно, об одном и том же, но и в разных темпах. С постоянным употреблением одних и тех же выражений, что создает впечатление очень сплоченного общества ГЛУБОКО понимающих и ПРИНЦИПИАЛЬНО ненавидящих друг друга мыслителей. Расходясь в сроках — от двадцати двух часов до семи лет, а в поголовье — от 11 миллионов до 3 триллионов рогов, тем не менее все требуют друг от друга категорически и бесповоротно, а главное, ДОСТАТОЧНО смело и ПОЛУДОСТАТОЧНО резко УВЕЛИЧИТЬ и опять, со всей ответственностью, УВЕЛИЧИВАТЬ и УВЕЛИЧИВАТЬ количество свиноматок на душу свинодеток и наоборот — свинодеток на душу свиноматок...

СЕРИЯ ЧЕТВЕРТАЯ

Повсюду «очень, очень, очень достаточно» много свиней, но почему-то вместо сосков у них портфельчики, а поросятки (их значительно ДОСТАТОЧНО больше свиней, но ненамного), тоже непонятно почему, только мордочкой и хвостиком ДОСТАТОЧНО похожи на самих себя, потому что все остальное в их облике — плохая копия современных и ДОСТАТОЧНО плохо собранных автомобилей, но почему-то на свиных ножках вместо колес!..

СЕРИЯ ПЯТАЯ

Открытие памятника в честь создания нового рода свиней! Очень ДОСТАТОЧНО красиво был прохрюкан «Туш свинг»... Покрывало спало. Перед очами электората предстала огромнейшая денеж-

ная купюра с головой свиноматки и множеством сосков, которые буквально грызут поросята, туловища которых — портфельчики...

СЕРИЯ ПОСЛЕДНЯЯ

Свинарник... Очень большой, длинный — конца не видно! Свиной натуральной — нет. Во всех отсеках, стойлах, углях — везде не то люди, не то не люди, но с портфелями и на трибунах. Все говорят непрерывно, хрюкая и почесываясь об углы трибун, о портфели и даже друг о друга... Много охранников — ДОСТАТОЧНО диких кабанов с клыками. Их больше, чем трибун. Они все в масках и потому видят ДОСТАТОЧНО не очень хорошо, но при дополнительной оплате в цель попадают — и ДОСТАТОЧНО нередко...

Вдруг началась ДОСТАТОЧНО странная пальба из... клыков! Кто-то не хотел продать часть своего свинарника, что ДОСТАТОЧНО естественно привело к забвению консенсуса и немедленному торжеству плюрализма. Трупов было ДОСТАТОЧНО много... Похоронить их не представлялось возможным, так как процесс и ритуал похорон был временно отложен, да и ДОСТАТОЧНО подзабыт... Ограничились транспарантами над каждым трупом. «Не трогать! ШВАЙН».

Я застонал, закричал: «ДОСТАТОЧНО!» Завизжал и... проснулся! Убедился, что я не в свинарнике, подошел к зеркалу, посмотрел — похож (на себя). Обрадовался!

СОН ПЯТЫЙ: «РОДИНА»

...Черное море. Теплоход «Спи спокойно». Круиз «Пустыня Сахара — Калмыкия — Гольфстрим — Эссентуки — Монако — Крым».

Команда: «Свистать всех наверх!» Бегу... Тороплюсь... Виден берег. Это Ялта! О! Это какая-то непередаваемая, не поддающаяся описанию сложночувственная вибрация всего, что в тебе есть: радости, страха и надежды, предчувствия чего-то...

«Часто, чтобы увидеть профиль эпохи (и Родины тоже. — *Е.В.*), надо отойти в сторону» (Станислав Ежи Лец).

Всматриваюсь в родной берег (теперь не родной). Желание одно: скорее, скорее ступить на землю и... Но что такое? Не спектаклем ли нас встречает Ялта?

Неужели не только мы фантазируем в нашем Театре на небесах и в других любых местах, неужели не только наш Театр умеет мгновенно бросаться в прошлое и столь же быстро — в выдуманное буду-

щее... Кажется, нам подражают... Точно... Знакомый берег превращается в вопросительный знак! Он растет и растет. Приближается...

Швартуемся к огромному, на сто лет растянутому в будущее вопросительному знаку... Вокруг огромного знака — тысячи маленьких... Они очень разные по размерам, а летают точкой вперед... Создается такое впечатление, как будто загогуля гонится за точкой-целью! И тщетно гонится, потому что догнать ее ну никак нельзя. А если, предположим, цель, то есть точка, резко остановится, то все равно ей — погибнуть, так как загогуля ее сомнет, и даже если нерезко остановится, все равно быть ей с изъяном, вмятиной или дырой, то есть целью несовершенной. А те знаки, которые на земле, стоят точкой вверх! Очень забавно, но и страшновато! На бортах летающих вопросительных знаков надписи: «Единение», «Доброта», «Совесть», «Не убий», «Не укради», «Люби ближнего», «Мечи на орало»!

Видны целые цепочки летающих вопросительных знаков, а на них натянута длинная-длинная лента-транспаранты... «Всё в руках человека! Поэтому их надо как можно чаще мыть!»; «Нет новых направлений, есть одно: от человека к человеку» (Станислав Ежи Лец).

Родина! Милая моя! Вся в вопросительных знаках! Это, наверное, хорошо! Сплошные восклицательные — это обман, сплошные вопросительные — это хаос надежд! Но — надежд! Восклицательные — итог. Вопросительные — поиск. Поэтому на душе хорошо, когда видишь над и в магазинах, над и в санаториях, над набережной Ялты: над церк-

вами, над головами и в головах продавцов, народных целителей, над портретами в газетах — простых и придуманно не простых, обыкновенных и «необыкновенных», «богатых» и «бедных», преступивших закон и пока не преступивших, и над теми, которым кажется, что они никогда не преступят его, — ЗНАКИ ВОПРОСОВ! ЗНАКИ ОЖИДАНИЯ ОТВЕТА! На душе хорошо! Раз столько вопросов, обязательно будет лучше всем!.. Ой! Что это? Сошел с трапа и... чувствую, как сам в восклицательный знак превращаюсь! Ах, как интересно! Из сердца вылетают короткие телеграммы и письма по самым разным адресам. И все — с одними и теми же словами: «Ответьте!», «Ответьте!» или «Подайте пример!»

«Все ждут примеров... Люди, не мешайте их подавать!»

СНЫ СЕДЬМОЙ — ВОСЬМОЙ — ДЕВЯТЫЙ

Данте Алигьери приснилось, будто потерянная глава из XXXIII песни «Божественной комедии» лежит в том месте, которое подсказал явившийся ему отец. Сбылось! Нашел! Мне постоянно снится, что я пишу книгу за книгой и их издают издательства мира! Не сбывается.

* * *

Во сне я понял, что так называемая «сцена объяснения в любви» в «Ревизоре» Гоголя вовсе не любовная сцена, а шалости «петербургской штучки», когда нет отца, способного надавать ему по попе!

Приемы речи употребляемые Хлестаковым в «объяснениях» дочери и ее маме, он подсмотрел и услышал в петербургских театрах оперетты и кабаре.

В «Ревизоре» в этих сценах он творит!!! Он «Станиславский»!

* * *

Во сне я увидел своего Городничего (которого играл на сцене Малого театра чуть ли не двадцать лет), плачущего в монологе 5-го акта на словах: «Как я, старый дурак, выжил, глупый баран, из ума?» Плачущего, а не рычащего солдафона!

* * *

Во сне мольеровский Скапен сказал мне: «Я их всех воспитываю и приобщаю к добру. Я вовсе не раб!»... Сон подарил мне оригинальное решение спектакля «Проделки Скапена».

Малеевка для философа

Справка: В давнем прошлом у графа Боронцова
купил землю купец Малеев, а у него
в 1886 году - редактор и издатель журнала
"Русская мысль" Э.М. Лавров, который
построил дом, развел сад и навсегда переехал
сюда из Москвы
Здесь гостили Мамин-Сибиряк,
Мельников-Печерский, часто бывали
А.П. Чехов и Достоевский.
"Писательским уголком" звали его в Москве,
а в полиции - "Поднадзорным уголком".
В 1927 г. на хуторе был создан Дом творчества
Московских Литераторов.
Гостями были А.Н. Толстой, Вересаев, Гайдар,
Новиков-Прибой и другие.
В войну деревянная усадьба сгорела,
и в 1956 году было построено новое здание
в стиле дворянских домов, которое было
передано Союзу писателей СССР

СТОЛ... БУМАГА... КАРАНДАШ...

Сейчас, в начале XXI века, хозяева Малеевки, этого чудесного уголка, меняются, как всё в загадочной России, но постоянна притягательная сила этого уголка — ведь дело не в том, кому он принадлежит, а в том, что его посещают очень талантливые, удивительно не похожие друг на друга художники не только слова, но и создатели своей собственной жизни, своего мировоззрения, своего неповторимого обаяния! Этим, только этим красна Малеевка, а не теми, кто ее «стрижет» под общепринятый уклад современной российской жизни, — то есть не красна она разными организациями, ею «владеющими», меняющимися в зависимости от того, куда «дует ветер», — он обязательно дует в сторону сладкого «деньго-рождения».

Союзу же писателей «владельцы» разрешают — пока! — пользоваться 15—20 процентами этого расчудесного уголка!!!

Ночь. Июль 2001

Не спится!

Вспоминаю всех знакомых женщин!.. Ну, тут уж, конечно, не до сна! Вспоминаю обещания вождей!.. Улыбаюсь...

Вспоминаю 1937 год!

Вскакиваю... Выпиваю рюмку коньяка... Мысленно смотрю на памятник отцу, расстрелянному в 1937-м, — в 2001-м в его честь в городе Кривой Рог установлен памятник!

Вспоминаю текст своей телеграммы:

«Украина. Кривой Рог. Администрации города.

Счастлив! Памятники ставят убиенным, а не убивавшим! Спасибо за присвоение одной из улиц города имени отца».

Ул. Якова Весника (первого директора «Криворожстали»).

Какой там сон!!

Читаю... Очень трудно дается «Улисс» Джойса... Не читается (нужны другое настроение и свежая голова)... Слипаются глаза. Сосед за стеной слева — замечательный литератор-критик-исследователь Станислав Рассадин — не переставая стучит и стучит, стучит и стучит по клавишам пишущей машинки... Завидую такому трудолюбию! Вспоминаю его замечательную исследовательскую работу «Расплюевщина»... Как жаль, что не был с ней знаком во время работы над образом Расплюева! (Малый театр. Филиал. Постановка Леонида Хейфеца, 80-е годы. Ввод на роль Расплюева — после Игоря Владимировича Ильинского. Ему в силу возраста стало нелегко играть эту очень сложную роль).

...Что, о чем пишет сосед с таким усердием? Завидую!..

2 часа ночи!! Вдруг: что, если дописать сейчас, здесь, ночью недавно начатый рассказ?! Желанный сон, словно молния, сверкнул на прощание и... Исчез! Стол... Бумага... Карандаш... Кофе в термосе. Машинка соседа дразнит: «тук-тук-тук-тук»... А я карандашом... точно так же: буква за буквой, как тук-тук-тук. Рассказ вроде как бы ни к селу, ни к городу здесь, в Малеевке! Он про собаку и чело­веков... Нет бы спать! Это «тук-тук-тук» берedit душу!.. Зовет к столу!..

МИХАЛЫЧ

*...участь сынов человеческих
и участь животных — участь огня:
как те умирают, так умирают и эти,
и одно дыхание у всех, и нет у человека
преимущества пред скотом,
потому что всё — суета!
Екклезиаст, глава 3, стих 19*

В начале 1984 года в цирке города N гастролировала группа московских артистов. Любимица руководителя группы акробатов Ивана Крамского, немецкая овчарка по кличке Белая (у нее на груди красовалось беловатое пятно), подарила собачьему миру и на радость добрым людям шестерых расчуднейших щенков.

Через три недели они выглядели настолько обаятельными и контактными (конечно, с разрешения мамы), что переходили из рук в руки всех, кто находился по долгу службы за кулисами цирка.

Через месяц все артисты цирка должны были покинуть город N и отправиться в другие города по плану циркового «конвейера».

Крамской не решался на то, чтобы в трудных условиях цирковой кочевой жизни содержать нескольких собак, а потому оставил себе одного, самого крепенького «мужчинку», и назвал его Рыжий — не по цвету, а в соответствии с классическими функциями клоунских пар: «Белый» и «Рыжий». Тем временем восьмилетняя овчарка Белая неизвестно по каким причинам отошла в мир иной, и с разрешения Ивана Крамского самые заядлые собачники из местных выбрали себе по щенку, поместили каждый своего, кто ленточкой на шее, кто ниточкой на лапке, а кто даже краской на хвосте, и вскоре всех пятерых щенков увезли по своим домам.

А Рыжий цирковой экзамен (гастроли по разным городам СССР и зарубежья) сдал «на отлично» и стал... артистом группы акробатов под управлением Ивана Крамского.

Весной 1986 года неподалеку от Москвы, у одного из полустанков южной железной дороги, произошло столкновение поездов... Три дня шли ремонтные работы по восстановлению движения и ликвидации катастрофы, в которой больше всех пострадали пассажиры головного вагона № 16, в котором находились акробаты группы Крамского.

Раненых и погибших увезли в санитарных машинах, а собака, чудом оставшаяся невредимой, вплоть до окончания ремонтных работ испуганно бегала среди людей и кого-то искала, искала, искала...

Начальнику полустанка, как оказалось, никакого отношения к причинам аварии не имевшему, приглянулся молодой, крепкий, красивый кобелек; он его три дня подкармливал, поил водичкой, а затем пригласил в свой дом — добротный сруб, стоявший рядом со служебным помещением. «Фамилии, имени и отчества» кобеля он не знал, а потому, недолго думая, назвал его Гудком.

На новое имя пес реагировал мгновенно, отвечая поворотом головы и внимательным взглядом умных, красивых глаз. Если он сидел или лежал, тут же вскакивал на все четыре лапы и показывал всем своим видом: «Это я, Гудок, что делать — приказывайте!»

После удивительно яркой цирковой жизни, в которой уже в годовалом, с хвостиком, возрасте приходилось ежевечерне, а иногда и по несколько раз за день выходить на арену, слушать шумные аплодисменты и громкие бодрые марши, исполнявшиеся невидимым для него, где-то высоко и далеко сидевшим оркестром, жизнь на полустанке была весьма непривычна, но пришлось кстати, так как перенесенные псом кошмары во время аварии в поезде требовали покоя и тишины.

Улегшись на свой коврик, в углу большой комнаты бревенчатого дома, в полной тишине собака вспомнила картинки цирковых будней.

...Вот он, Рыжий, стоит за кулисами в ожидании команды «ремень!», чтобы стремглав, с ремнем в зубах, выскочить на арену и отдать его Крамскому... Тот опоясывает им поясницу, прикрепляет замок лонжи (страховочный канат) для безопасности исполнения сложного номера...

...Вот смирененько садится в стороне и внимательно наблюдает за поднимающимся вверх, под самый купол цирка, хозяином, а затем и за выполнением, под дробь барабанов, его коронного номера — шлягера, на двух летающих трапециях!.. Когда Крамской опускался на арену, раздавалась овация зрителей (и даже униформистов цирка), и тут же взрывался марш, бойкий и бодрящий.

Пес вспоминал, как хозяин отстегивал ремень и отдавал ему... Все артисты-акробаты исполнением кульбитов, сальто-мортале и ходьбой на руках прощались с публикой, а он — Рыжий — стоял на задних лапах с ремнем в зубах и ждал ухода артистов за кулисы, чтобы последним уйти за ними — так же, как они, на «двух ногах»!.. Аплодисменты гремели, словно в награду за его отличную выучку и послушание...

Теперь мелькание света в окнах проходивших поездов заменяло ему радостно-праздничную световую партитуру циркового представления, поэтому не было случая, чтобы Рыжий (теперь уже Гудок) не выходил бы вместе с начальником полустанка, державшим в руках сигнальный флажок, на встречу и проводы железнодорожных составов; музыкой служил стук колес, а аплодисменты заменяла ласка нового хозяина.

Однажды начальник полустанка испытал полнейшее недоумение: Гудок спокойно возлежал на своем мягком тюфячке и внимательно смотрел телепередачу, в которой Юрий Никулин рассказывал о старом московском цирке на Цветном бульваре. Вдруг зазвучал мощный «выходной марш» композитора Исаака Дунаевского из фильма «Цирк». Гудок встал на задние лапы и стал, виляя хвостиком, крутиться вокруг самого себя. Хозяин опешил!

— Ты что, Гудок?.. Иди ко мне, хороший, иди...
Гудочек, ну иди!

Собака опустилась на четыре лапы, покорно подошла и положила голову на колени хозяина.

Начальник полустанка рассказал об этом случае друзьям, и они вспомнили день железнодорожного крушения и что в развалинах 16-го вагона нашлось много разных предметов странного назначения. Тут-то все и поняли: в газетных сообщениях говорилось о том, что больше всех пострадал вагон, в котором ехала группа артистов цирка. Стало ясно: Гудок был цирковым псом!

Время бежало быстро (мудрый Соломон утверждал: бежим мы, а не время; время, говорил он, стоит на месте)...

Гудку, как утверждали знакомые опытные собачники, годков пять-шесть уже стукнуло.

Хозяин все чаще и чаще стал прихварывать: то кашель мучил, доводя до хрипоты, то задыхался, то хватался за сердце... Гудок словно переживал недуги и страдания вместе с ним, часто облизывал его руки, а когда было уже совсем плохо — осторожно, даже и лицо, при этом тихонечко сострадательно вздыхал. Хозяин в такие минуты чувствовал некоторое облегчение и умиротворенно улыбался...

Раз в неделю отшельников посещала женщина лет семидесяти из соседней с полустанком деревеньки — вдова друга. Она приносила постиранное белье, молочка, сметанки, маслица; иногда одаривала десятком яиц и самодельным хлебушком. Взамен получала от хозяина картошку, помидоры, редиску, лучок, чесночок, яблоки, груши, сливы и даже ягоды — в зависимости от времени года. Трудно у же

стало возиться на своем огороде — ей хватало хлопот с живностью: коровой, курами да петухами.

Гудок научился громко лаять, когда в служебном помещении раздавался дребезжащий сигнал, извещавший о приближении железнодорожного состава, помогал на маленькой колясочке возить из леса дрова и хворост, подружился с приятелями хозяина, приезжавшими на дрезине поболтать часок-другой. Привозили они из районного центра заранее заказанную колбаску, консервы, иногда и пивка в бутылках с разными этикетками. Всегда угощали Гудка чем-нибудь вкусненьким, а однажды попробовали напоить: вылили в миску стакан пива... Пес понюхал жидкость, начал было ее лакать да вдруг как чихнул, всем телом встряхнулся, еще раз чихнул, осудительно посмотрел на гостей, зло гав-гавкнул и залез под стул, на котором сидел хозяин. С тех пор, стоило ему увидеть бутылку со знакомыми этикетками, он зло лаял, даже рычал и уходил от греха подальше...

...Начальник полустанка скончался. Вскоре после случившейся беды у дома пожилой женщины, приходившей к покойнику, появился понурый, тяжело дышавший пес (он прекрасно знал путь к дому женщины, так как неоднократно, по команде хозяина, носил в деревню авоську, наполненную подарками. А для того, чтобы идти назад, команды не требовалось. Как только женщина освобождала его от ноши, он получал от нее лакомый кусочек — больше всего любил овсяное печенье — и, благодарственно гав-гавкнув, как стрела летел домой, где при встрече с хозяином, опять же гав-гавками, но уже в новой аранжировке, «докладывал» о соде-

янным). Так вот, прибежал он в деревню и настойчивым лаем заставил женщину выйти из деревенского, осевшего от старости дома... Гудок скулил, и она поняла — случилась беда...

По лесным тропам собака шла, часто оборачиваясь и поскуливая, — проверяла, поспевает ли за ней женщина. Пришли они очень кстати: на полустанке раздался дребезжащий сигнал! Гудок залаял и подал в зубах женщине палочку-флажок, с которой хозяин встречал и провожал поезда... Женщина, проводив поезд, сообщила по телефону о случившемся, и вскоре приехал на дрезине новый начальник полустанка.

Прежнего похоронили около дома, потому как знали, что он вдовец и бездетный.

В деревне, где жила пожилая женщина, в «живых-жилых» осталось дома три-четыре, но некоторые оживали каждое лето, когда приезжали родственники умерших хозяев домов — дачники.

Гудок уже третий год жил у новой хозяйки и помогал чем мог: таскал в зубах ведра с водой, правда, не полные и с деревянной ручкой; ходил с ней по грибы; иной раз находил большой гриб и громко лаял, извещая хозяйку о находке; таскал, запряженный в лямки, старые детские саночки с наваленным на них постиранным в реке бельем. Он, можно сказать, заменял в доме мужчину и очень этим гордился — это было заметно! Женщина не могла нарадоваться на своего квартиранта и чувствовала себя «защищенной» от всех напастей — «как цельным полком стражников», так она говорила.

На то, чтобы как следует кормить Гудка — крупного, тяжелого, красивого, сильного пса, — денег

у нее не хватало, а молочного он не ел! Она стала замечать, что шубка на Гудке стала как-то вянуть, сникать, линять. Забеспокоилась и решила пристроить своего защитника к кому-либо из богатых приезжих. Один «отдыханец» (так она называла дачников) согласился взять пса и отвезти его на дачу к богато и широко живущему брату.

...И вот наш герой сидит на стальной цепи за трехметровым забором и боится забираться в собачью будку, сделанную из разноцветных кафельных плит, внутри которой двумя-тремя слоями из старых одеял и поношенных дорогих шуб выложено ложе для «любимой» собачки! Весь этот комфорт несколько не соответствовал тому, как обращались с «любимой» собачкой люди, населявшие трехэтажный, огромный дом, в который, кстати, пса не пускали. От человек, живших в доме, часто несло ненавистным запахом пива и водочным перегаром, они очень обижались на нашего героя за то, что он рычал на них и даже лаял, называли его «Пёс Барбос». Хозяева швыряли в него камнями, пустыми банками из-под ненавистного пива и даже, дразня его, подражали собачьему рычанию и «лаяли» на него, гогоча при этом во все горло, да так громко, что в хозяйской конюшне волновались лошади, ржали и били копытами...

Гудок несколько успокаивался, когда подходили к нему детишки — шестилетняя девчушка и восьмилетний хлопчик; они еще не научились пить пиво и гоготать на всю округу и поэтому жалели его, понимали, что нельзя так безобразно обращаться с собакой. Гудок как-то странно то ли урчал, то ли попискивал и пытался положить свои мощные ла-

пы на плечики ребятни и облизать их. Они обнимали и целовали его, а он замирал от счастья, превращаясь в очень смешного, покорного, обаятельного и глупого пса.

Ему плохо спалось, потому что почти каждую ночь в большом доме стоял страшный шум, звенела в ушах музыка, совсем не похожая на ту, что звучала в цирке. Музыка вызывала в собаке чувство ненависти и желание ее... укусить; да вот слышать он ее слышал, но увидеть не мог!

Неприязнь к хозяевам дома росла и перешла в ненависть: при приближении кого-нибудь из них он скалил зубы и рычал. Толстый человек (очевидно, самый главный из всей шумной компании) однажды ударил Гудка палкой, пользуясь тем, что собака на цепи. Гудок натягивал до предела душившую его цепь, вставал на задние лапы и всеми имеющимися в его репертуаре средствами выказывал предельную ненависть!

Как-то вечером солидно хмельной Толстяк велел увести детей в дом, а челяди своей — садовнику, телохранителю и шоферу шикарного «мерседеса» — приказал прибить «бешеного пса» и выбросить через забор в глубокий овраг. Челядь приступила к исполнению приказа. Выскочивший из конюшни конюх попытался защитить собаку, встав между живодерами и псом. Толстяк ударил его длинной палкой, обругал самыми «ласковыми» русскими кабацкими словами и, смеясь, заехал защитнику по физиономии. К тому времени пес, по мнению избивавших, был «готов», и его незамедлительно перебросили через забор.

Когда все разошлись, конюх тихонечко вышел из ворот и побрел в овраг. Нашел пса... и, к великой радости своей, убедился, что он еле-еле, но... жив!!! Быстро приволок тачку, на которой вывозил навоз из конюшни, погрузил в нее совсем обмякшего пса и отвез его к своим дружкам, сторожам санатория «Дружба», в двух километрах от дома Толстяка. Услышав, что произошло за забором шикарного дома новых русских богачей, люди приволокли соломы, устроили уютное ложе за своей сторожкой, уложили псину, вызвали дежурного врача и медсестру...

Три часа медики возились с собакой. К полуночи под фонарем на соломенной постели можно было увидеть «нечто» в бинтах, со смазанными зеленкой боками; ноги этого «нечто» были закованы в гипс. Это «нечто» приподняли на руках, и в таком висячем положении «оно» попило водички и даже осторожно сжевало кусочек рубленого мяса. «Нечто» снова уложили на солому, «оно» успокоилось и заснуло, не без помощи снотворного.

Узнав, что компания Толстяка Мерседесовича кликала пса унижительным «Пёс Барбос», совет из медиков, охранников и конюха решил присвоить избитому пациенту имя Михалыч, в честь старого охранника — Владимира Михайловича, добровольно взявшего на себя роль попечителя больного.

Первое распоряжение нового «папы» Михалыча было следующим:

1. Обращаться к псу только по-новому имени — Михалыч!
2. перевязки делать под местным наркозом.
3. Согласиться с медиками и производить ежедневные уколы витаминов и глюкозы.

Прошло всего три дня, и стало ясно — новое имя собакой принято: услышав «Михалыч», раненый реагировал и ушами (вернее, одним ухом, другое было заклеено пластырем и перевязано липкой лентой), и легким движением хвоста, и, конечно, поворотом головы в сторону произносившего его имя.

Итак, Рыжий, Гудок, Пёс Барбос, он же Михалыч, попав в «семью» добрых людей в возрасте девяти лет (этот факт был установлен опытным ветеринаром), зажил новой, сытой, светлой жизнью, проявляя при этом все свои лучшие собачьи качества: преданность, дисциплину, послушание, готовность быть полезным во всех человеческих деяниях.

Однажды рыли ямки для установления низенького металлического заборчика, чтобы прекратить движение автомобилей по территории санатория «Дружба», так Михалыч по своей инициативе начал лапами вырывать ямки, правда, не там, где нужно. Но! Творчество важнее какого-то заборчика! Он не признавал и избегал компании бродячих собак-попрошак у дверей жилых корпусов и столовой; ходил повсюду, в любое время дня и ночи, за Владимиром Михайловичем — новым «папой», помогая ему что-нибудь носить, вплоть до тяжелой лопаты. Когда приезжал или уезжал санаторный автобус с работниками, Михалыч всякий раз встречал его, радостно виляя хвостом. Он прекрасно знал машину главного врача и «скорой помощи», так же радостно помахивал хвостом по пыльному асфальту, приветствуя и их, но как только к воротам подъезжала незнакомая машина или подходи-

ли посторонние люди, Михалыч подавал охране сигнал тревоги: «гав, гав, гав»...

Шли годы... Санаторий «Дружба» (бывший «Красного Креста»), как правило, принимал в свои добрые, внимательные, очень хорошо технически оснащенные физиотерапевтические, а также вкусные поварские «объятия» людей стареньких, хворых, плохо, с палочкой, передвигающихся, и часто, из года в год, одних и тех же.

Михалыч, перенесший несколько операций на ушах, боках и на задних лапах, уже плоховато слушавшихся, был чем-то похож на беззащитных стариков и старушек, лечащихся в санатории, и очень к ним тянулся, привыкал и каждого просил поиграть с ним в «шишечки». Эта игра стала для него непременным ежедневным занятием: он в зубах подносил сосновую шишку, предлагал ее взять в руки и бросить как можно дальше. Пес кидался за ней, но уже не с прежней прытью, и обязательно приносил «игрушку» обратно. Иногда пожилые женщины, не в первый и не во второй раз приехавшие в санаторий, прихватывали с собой шишки: а вдруг их не окажется на территории санатория! Как Михалыч встречал этих старушек! О! Это зрелище дорогого стоило; люди и собака объединялись в незатейливой игре, но и в красивом, добром порыве души! Редко встретишь такое среди людей! Редко! Пес поскуливал от счастья, облизывал руки старых знакомых — благодарил за то, что его — Михалыча — помнят! Помнят его любимую игру! В глазах современного, цивилизованного человека не увидишь столько радостных,

благодарственных искринок — они словно фейерверки в небе!

В 2001 году в марте мы с женой приехали на десять дней в любимый санаторий, посигналили. Ворота открыл Владимир Михайлович.

— А где же Михалыч?

— Нет его, Михалыча нет! Во-он там, за беседкой, за клумбами... вдали... там... он... холмик... там!..

«Папа» Михалыча как-то странно махнул одной, а затем и другой рукой и ушел в служебное помещение.

На холмике — памятник: две глубоко закопанные бамбуковые палки с прибитой табличкой. Масляной белой краской написано:

МИХАЛЫЧ

Любимец санатория «Дружба».

Возраст предположительно 12 лет.

Национальность — немецкая овчарка.

P.S. Нам рассказали, что в день смерти собаки был арестован Толстяк.

* * *

Летние дни, месяцы, проведенные в 2001 году в Малеевке, — бальзам для души, бальзам, настоящий на общении с людьми, достойными во всех отношениях. Млеешь в обстановке творческого тупого безделья, радуешься воздуху чистому, каждому цветочку, каждой выловленной рыбке в условиях настоящей войны с комарьем, радуешься возможности свести к минимуму утомляющие общения с людьми, тебе неинтересными, и т.д. и т.д. И вдруг

в это тихое уединение незаметно впархивают люди-человеки, отодвигающие на второй план все прелести Малеевки и овладевающие твоим вниманием, а оно — внимание — рождает желание общаться с ними, говорить, проверять свои мысли и чаяния на их мнениях и суждениях.

...Обаяние, несуетность, глаза-магниты Лидии Борисовны Либединской-Толстой; завидное жизнелюбие Елены Матвеевны Николаевской, несмотря на разного рода болячки и солидный возраст позволяющее держать себя в прекрасной душевной и физической форме, которая дает возможность ежедневно купаться, плавать в озере и писать замечательные стихи... Все эти впорхнувшие в размеренно-нудно-томную «отдыханскую», размеченную по часам жизнь крупные личности (каждый — Алмаз!) расшевелили прикорнувшие уж было мозг, чувства и любопытство.

Говорят, актеру просто необходимы аплодисменты: по ним, дескать, он определяет успех или неуспех своих выступлений. Это так, но... Часто хлопают безвкусице, по инерции, и точно определить, золотые это аплодисменты или оловянные, трудновато... Это зависит от зрителей и от актера. Я был рад получить аплодисменты от Елены Матвеевны и Лидии Борисовны после моего творческого вечера в одном из санаториев Рузского района — и особенно был рад услышать одобрение моего наконец-то законченного рассказа «Михалыч», прочитанного со сцены... Мало того, что я гордился комплиментами Николаевской и Либединской, я набрался мужества и... написал еще один... Вернее, переложил на бумагу счастливый сон! Счастливый потому, что он не улетучился с пробуждением!!

СОЙКА «МАРГАРИТА»

*И подлинно: спроси у скота,
и научит тебя, — у птицы небесной,
и возвестит тебе.*

Книга Иова, глава 12, стих 7

Во сне я беседовал с Сойкой, которую вот уже месяц подкармливал хлебушком.

Я живу на втором этаже Дома творчества Союза писателей «Малеевка», что в 114 км от столицы. Окна моего номера (слава администрации!) выходят не на частенько людную и шумноватую площадку перед главным входом, всю в зелени и цветах, а на противоположную сторону — тихую. Взору моему открываются смешанный лес, разросшийся кустарник и высокая трава, а по сторонам обрамляют сказочную панораму густые заросли еще не до конца сбросившего с себя летние одеяния иван-чая!

Разноголосый, разнокрылый, разноцветный мир птиц, чудо как хорошо поющий сольные и хоровые партии, гениально импровизирует направления своих полетов то на малых, то на больших высотах, с которых открывается невидимый двуногим вертикалам (возомнившим себя пупом Земли) мир природы, ее разнообразие, но видны и ее раны, нанесенные зазнавшимися вертикалами...

Маргарита, посетившая меня во сне (я так называл Сойку, почему — не знаю!), утром, днем и вечером строго по расписанию склевывала всё, что я оставлял ей на двух столбиках, по краям балкона. Когда насытившаяся Маргарита улетала, на столбики устремлялось целое полчище синичек, пигалиц, трясогузок и еще каких-то неизвестных мне

птичек, и, ссорясь друг с другом, пугая соперника вздыбленными перышками, они склеивали все оставшиеся крошки.

Бывали случаи, когда я забывал накрошить хлеб-бушка... О! Какой же возмущенный, на разные голоса, птичий гвалт раздавался в мой адрес! Это была бесподобная лесная симфония! Выделялся чей-то настырный голосок, напоминавший то ли крик охрипшего ребенка, то ли писк мышонка, попавшего в мышеловку...

Как только я начинал крошить куски хлеба (белого, черный не признавался!), весь птичий оркестр замолкал! Очевидно, предвкушение вкусного угощения порождало сильное слюноотделение и не позволяло петь, ворчать, пищать и кричать... Так же и у человека: покажи певцу из оркестровой ямы нарезанные ломтики лимона — он не сможет петь!

Итак: Сойка Маргарита ночью во сне влетела в мою комнату, села на письменный стол и стала перебирать клювом листы исписанной бумаги; затем, проинспектировав все медикаменты, стоявшие на полках и на холодильнике, села на тумбочку, продегустировала холодный чай, настой мать-и-мачехи и в конце концов сосредоточила свое внимание на красном сухом вине «Каберне», оставшемся в большой рюмке, недопитой после ужина...

— Позволяешь себе? — спросила птица.

— Редко... мало... К сожалению, староват уж... побаливаю. А ты зачем прилетела?

— Слышу, похрапываешь... Показалось, что мое имя называешь... «Хррр... Мархррр-гарррриита»... Вот я и заглянула... Что тебе, человеку, нужно?

— Ну, раз прилетела, давай поговорим, почирикаем.

— А вино есть еще?

— Есть.

— Налей в рюмочку... Из нее удобно попивать... Не то что из лужи!

Я налил ей полную рюмку и себе полстакана. Чокнулись.

Она очень ловко держала рюмку коготками, за талию...

— Ну, начинай, — сказала птица.

— У вас театр есть?

— Еще какой! Наши предсвадебные танцы — это прекрасное зрелище... Танцы бывают на ветках — это интимные танцевальные «па»; бывают в воздухе — это особый «балет в полете»: он догоняет ее, чтобы ласково клюнуть и отлететь — и снова гнаться за ней; она кокетливо при сближении выдергивает перышко из «одеяния» жениха и отпускает его в свободное плавание по волнам ветра. Парочка догоняет перышко, подбрасывает вверх, чтобы продолжить игру. Иной раз он или она схватывают перышко клювом и доставляют его на большую высоту с той же целью. Ну, а то, что наши хоры не уступают вашим, которые я слышу из окон ваших гнезд, — неоспоримо! В наших песнях есть музыкальные темпы, красота мелодий, которые у вас, теперешних вертикалов, в музыке отсутствуют. У вас — крик, ор, какофония, грохот барабанов и ужасно примитивные тексты, похожие на однообразное кукование кукушки или постоянное бление овец... Я часто заглядываю в окна ваших гнезд — их очень много в вашем огромном мире человек...

Мне нравится, когда я вижу целующихся или когда вы катаете в разных машинках на колесиках своих младенцев-птенчиков; я восторгаюсь вашими заботами о наших крылатых братьях, живущих в ваших гнездах в клетках, как вы любовно кормите их, обеспечиваете чистой водичкой! Прекрасно! Но я не понимаю, зачем ваши братья и сестры бьют друг друга, режут ножами, стреляют друг в друга из ненавидимых нами пугачей? Я это вижу в светящихся квадратах, стоящих на ножках в ваших гнездах, да и с высоты полета мы тоже часто видим подобные кошмары. Я очень хорошо знаю здешние места: с высоты нам видно больше и дальше, чем вам, медленно топающим по земле! Вот ответ мне, вертикал: почему у нас есть незыблемое правило — держать свои гнезда в абсолютной чистоте? Если, например, при кормежке птенцов останется лишняя, ненужная крошка или кусок, мы вычищаем все до блеска! А вы (я это годами наблюдаю) гнезда свои оставляете неубранными, и где бы вы ни находились, оставляете за собой мусор, который превращается в кучи гнили. На кучи эти слетаются мухи, жуки, слепни, осы, воробьи, галки, вороны, хищники крылатые — наши враги: ястребы, орланы; приползают ежи, змеи, ящерицы и прочая крысино-мышинная погань... Потом эта братия отравляет всю округу на расстоянии двух-трехчасового облета! Я облетаю стороной эти кучи, но их становится все больше и больше, зловонные запахи становятся все пагубнее и пагубнее... Я решила не отлучаться от озера рядом с твоим строением и леса, окружающего его. Признаюсь, привыкла я к тебе, двуногий вертикал! Добрый ты! Налей еще вина, если не жалко.

— Не опьянеешь?

— А вдруг человеком сделаюсь?

— Не нужно тебе этого. Сейчас многие из нашего бескрылого брата с удовольствием в соек превратились бы... Ей-ей! Самостоятельности и дисциплине вашей завидуют. У вас, очевидно, миллионы лет тому назад кто-то прокричал вашу конституцию, и она до сих пор крепка и незыблема. А у нас, подруга ты моя летучая, за один век этих конституций даже не помню сколько было написано-понапереписано, и всякую из них, в спорах до драк, под страхом оказаться в клетке или быть зарытым в общей могиле, принимали за «вечную основу»! Причем называется этот прием голосованием. Слышишь? Голосование! Рукосование — вот так это называется. Очевидно, замена рукосования на голосование — это неуверенность в законности того, за что не рукосовали, а голосовали! А самых передовых человек, которые хотели за конституции голосовать, — попросили оставить «высшее общество» и убираться вон, но не самому, а куда прикажут: или поселиться надолго в большие клетки, или следовать далеко-далеко в рудники, в шахты или на тот свет...

Вдруг в комнату влетела компания соек и сообщила Маргарите (она потом перевела мне), что пять минут тому назад птичий парламент избрал ее главным докладчиком на конгресс пернатых всей округи и что сейчас же необходимо отправляться в путь. Почти все уже слетелись! Маргарита предложила мне поехать с ней.

— Я сяду на нос твоей игрушки на четырех колесах, а ты внимательно следи: куда я поворачиваю клюв — туда и поезжай.

Мы очутились на заросшей травой и кустарником просеке в густом, неухоженном лесу.

— Спрячься в этих кустах, отсюда ты все услышишь и увидишь. Я оставляю с тобой сестренку свою младшую, она будет тебе речь мою переводить с птичьего языка на ваш. Пока! Чик-чирик!

Маргарита улетела и устроилась на ветке самого высокого дерева, чтобы быть в поле зрения всех делегатов конгресса.

— Коллеги по перу и по независимому, самостоятельному существованию! — начала Маргарита. — Совсем не важно, где обитаем мы — в воздухе, на ветках ли, на воде или на чердаках, в подвалах человеческих хижин! Мы с вами существуем в суровом мире, где волею Создателя поедание одних другими, третьими четвертых и т.д. узаконено, но и строго сбалансировано — не то, что творится в стране двуногих вертикалов, вообразивших себя наследниками Создателя и творящих во вред самим себе и нашему миру неопишуемые смертоносные безобразия, холодящие кровь одних из нас и вводящие в дрожь других. Так не будем же подражать зазнавшимся пупам Земли! — Дружное, на разные голоса — «Не будем!», словно фейерверк в небе, разлетелось по лесу. — Однако, коллеги, будем честны: наш разноперый мир иногда уж слишком усердствует в своих правах свободной жизни! Мы подражаем вертикалам и всяческими проступками нарушаем логику и сбалансированность данной нам природы! Правильно я говорю?

Все делегаты дружно: «Правильно-о-о-о-о!»

— Я в лесу нашла обрывок газеты. На нем были нарисованы Заяц и Муха. Я к Сове — «Прочти, по-

жалуйста, мудрейшая!» Читает: «Пушкин верил в разные приметы. Ехал он в город — главный, Петербургом называется (так, по-моему, она прочла), — чтобы присоединиться к каким-то (не помню точно) декабристам, что ли, и вдруг дорогу ему перебежал Заяц! Пушкин взял да и повернул обратно домой. А тех, к кому он ехал, куда-то очень далеко, на каторгу выслали!» Вот это Заяц! Побольше бы таких справедливых среди нас, крылатых, появилось, которые пример благородства вертикалам бы показывали. И еще Сова про Муху прочла: «Императрица Елизавета Петровна написала приказ начать войну с... (опять точно не помню, как государство называлось, далеко оно от Рузы, Малеевки и Тучкова расположилось. О! Вспомнила: «Прус-с-сия!» — вот какое!) Написала приказ и красиво вывела свою подпись. Задумалась... Вдруг Муха на приказ села и... подпись размазала по всей странице, чернила-то еще не высохли! Царица «ох!» да «ах!». Сочла этот казус за предзнаменование и разорвала приказ о войне!» Вот это Муха!!!

— Ура! — грянуло птичье. — Пи-п-пи-ура-а-а-а!

— Побольше бы таких смелых, мудрых, спасающих тысячи беспомощных, заблудших вертикалов! ЗА СОЮЗ С ВЕРТИКАЛАМИ! Ура! — Тишина. — Ура-а-а... — Тишина.

...Зловещая тишина (я почувствовал, что она — затишье перед бурей), прерываемая чистыми, невинными звуками летающих и разговаривающих между собой стрекоз да еле-еле слышным шуршанием листьев на деревьях, была грубо нарушена хриплым, прерывистым не то бурчанием, не то кашлем

большущего, с мощными крыльями ястреба, бросившегося, как молния с неба, на Маргариту. Схватив ее своими когтями-закорючками, он поднял ее ввысь и, уже бездыханную, бросил на траву лесной поляны...

Неизвестно откуда взявшаяся банда черных воронов в темных очках и с красными шапочками на головах накинулась на задушенную Сойку и в считанные секунды разорвала ее на мелкие кусочки...

...Я завопил истошным голосом и... проснулся! Я часто дышал, руки тряслись, сердце билось так, словно хотело вырваться из груди... Глянул на балкон: Маргарита поклевывала хлебушек, оставленный мною ночью... Успокоился, задумался, и вскоре на меня, словно больно бьющие по голове крупные градины, свалились ассоциации, ассоциации, ассоциации...

СОСЕД ЗА СТЕНОЙ СПРАВА

«Если бы на Земле все было превосходно, то не было бы ничего превосходного» (Д. Дидро). А если в стране все далекое от превосходного выдается «официозом» за «превосходное», то все то, что могло стать превосходным, утрачивает силу своего потенциального превосходства.

Мой сосед справа за стеной — скромнейший человек, но стоит познакомиться с его глубочайшим пониманием России со всеми ее, не сравнимыми ни с одним государством на планете, загадками (трагическими и комическими, но до слез), с его объяснениями сути и причины этих загадок делается радостно, что за скромностью этого человека стоит крупнейшая, титанической интеллектуальной мощи ЛИЧНОСТЬ!

Мои впечатления от людей, встречавшихся мне на моем ухабистом, а потому интересном (и очень!) жизненном пути, ассоциируются с длинным частоколом красивого разноцветного забора, держащимся на нескольких крепких опорах.

Первая опора — мама и папа!

Вторая опора — учительница по литературе, праправнучка поэта Тютчева Анна Дмитриевна Тютчева, помогавшая мне, четырнадцатилетнему, оставшемуся без родителей, окончить среднюю школу № 15 и поступить в театральное училище им. Щепкина.

Третья опора — Отечественная война, именно тогда я сформировался в сознательное существо, но не лишенное чувства Иронии! (на которой «зидается мир», как сказал английский писатель Голсуорси).

Четвертая опора — народный артист СССР Алексей Денисович Дикий, великий артист и режиссер, руководитель моего становления (его самого начала) как актера (это был путь с коварными «поворотами», а иной раз и с негодными «шпалами») в театральном училище при Малом театре — Великом театре, о служении в котором я мечтал с юных лет! Он научил меня обходить опасные повороты и поставил на путь с хорошими «шпалами».

Пятая опора — женщины, которых я любил. Самой крепкой опорой оказалась моя жена Нонна, с которой вот уже скоро сорок лет мы делим радости и печали.

Шестая опора — преданная любовь к М.Е. Салтыкову-Щедрину и Мишелю Монтеню! Это очень крепкая, пропитанная дегтем и смолою вечная опора!!!

И вот проглядывается пока не до конца выстроенная седьмая опора — сосед за стеной справа!!!

Я не люблю перечислять награды на лацканах пиджаков, я не люблю чиновничества, тем более

в родной России, где почти невозможно понять, что собой представляет Чин! Опора ли он или «липа» в частоколе человеческих наивных и чистых надежд?.. Но...

Достижения интеллекта человека, чистого сердцем, честного перед самим собой, народом, наукой, перед Родиной, неспособного быть лживым; заслуги *такого* человека, достижения его в области самостоятельного мышления, не зависящего ни от каких бы то ни было — ни злых, ни сладко-ангельских — сил, — все это достойно того, чтобы перечислить его звания, потому как один только перечень их — уже пример! Пример всего богоугодного! Пример, стоящий высоко-высоко над «суею сует!»

В книжку «Культура как фактор национальной безопасности России», выпущенную в 2001 году издательством «Дружба народов», впился я, как дитя в материнскую грудь. Автор ее, человек чрезвычайного обаяния, родился в 1924 году в семье пастуха, зовут его Петр Алексеевич Николаев. Участник Великой Отечественной войны, член-корреспондент Российской Академии наук и действующий член Академии российской словесности, видный ученый-филолог, главный редактор журнала «Филологические науки» и энциклопедического словаря «Русские писатели»... От себя добавлю: еще и нынешний консультант сильных мира сего, нуждающихся в изучении родного языка, истории литературы — то есть в углубленном восприятии великой русской культуры для освещения дел государственных.

Я попросил у автора разрешения написать диалог мой с... книжицей, так как на знакомство и «переваривание» ее простого и в то же время глубочайшего смысла ушло много времени, да так много, что незаметно подкрался день отъезда Петра Алексеевича Николаева из Малеевки...

И вот я наедине с его трудом. Книжка и я. Так и обозначу действующих лиц диалога: Н. и В.

В. Хочу начать с того, что абсолютно с вами согласен: КУЛЬТУРА — высокая и низкая, так или иначе, имеет прямое отношение к национальной безопасности любой страны, России особенно. Самостоятельно сформулировать это интуитивное согласие мне затруднительно, а потому прошу вас помочь мне поглубже вникнуть во взаимосвязь КУЛЬТУРЫ и БЕЗОПАСНОСТИ.

Н. Культура — понятие универсальное. Возможно, нет более универсальной формы жизни, чем культура, как нет более универсальной формы познания жизни!

Потому и типы ее связей с тем, что названо национальной безопасностью, чрезвычайно многосторонни и всеобъемлющи. Я в своей брошюре-книжечке веду речь преимущественно о художественной культуре. Такая постановка проблемы может показаться неожиданной: обычно под фактором национальной, или государственной, безопасности подразумевается нечто другое. Иногда кажется, что люди, ответственные за крупные решения, сознательно, а чаще всего неосознанно, или по причине исторической неосведомленности, или интеллектуальной пассивности, лишь запутывают проблему.

В. О! Это трагедия России! Особенно той России, которая сменила свой старый строй, традиционный облик на облик национальных надежд и ничем не оправданных скоропалительных обещаний!

Я много общаюсь с разными людьми — от более или менее интеллигентных (хотя сейчас трудно определить, кто может считаться интеллигентом) до самых простых, милых моему сердцу трудяг и мудрых «бездельников». Ни один из них не может толком понять, что сейчас происходит в России. Ведь если и находится у нас какой-нибудь «руководитель», который решается все объяснить на цифрах, «оптом» — «в общем и целом», как говорит наш президент, — то никто в конце концов в общем и в целом ничего не понимает, а потому недоверчив к обещаниям. Как вы это объясните?

Н. То, о чем вы говорите, называется искусственным усложнением проблемы, а это, в свою очередь, означает, что такого рода усложнение *антидемократично*: за ним скрывается нежелание обращаться к опыту и разуму большинства, составляющего общество, якобы всегда менее осведомленного, элементарно (упрощенно) мыслящего по сравнению с властью имущими. Это особенно относится к новейшему периоду Российской империи, к XX столетию.

Пример: замечательный философ В. Асмус в свое время писал: «Почитая — в духе всей передовой русской культуры — исполнение воинского долга, Л. Толстой осуждал власть, которая паразитировала на чувстве патриотизма, часто вовлекая народ в войну». Андрей — русский князь — накануне Бородинского сражения говорит: «Сойдуться...

на убийство друг друга, перебьют, покалечат десятки тысяч людей, а потом будут служить благодарственные молебны за то, что побили много людей... И провозглашают победу, полагая, чем больше побито людей, тем больше заслуга. Как Бог оттуда смотрит и слушает их!?» А Толстой рассуждает так: человек — лицо универсальное, относящееся ко всем сторонам жизни. Человек самоценен, признание этого — великая заслуга культуры.

В. Государство нынче смотрит на эту проблему совсем по-другому и, очевидно, поэтому позволяет себе говорить с людьми на казенном, малопонятном языке. Однако при шатком положении дел руководитель объявляет референдум и надеется на поддержку большинства граждан страны.

Н. Государство относится к человеку функционально, и оно само функциональное образование, не более того.

Культура, как правило, утверждает приоритет человека перед государством. И безопасность последнего, по логике культуры, в значительной мере зависит от всеобщего признания такой *приоритетности*.

В. Какие там, к черту, приоритеты, когда чиновничий, начальствующий и депутатский миры занимают удобные, хлебные места после «*приоритетного*», «*всемирного*» двадцатипятипроцентного голосования граждан в большинстве административных образований. Да еще из этих 25 процентов вычисляют голоса, поданные за каждого из претендентов на «кресла»! Звучит «убедительно»: 51 процент за победителя! Ура! Туш! Банкет!!! Но 51 процент — от 25... Все равно — Ура! Победа! Туш! Банкет!!!

Арифметика обывателя: в городе N голосующих — три миллиона граждан. Проголосовало 25 процентов от трех миллионов, то есть 750 000 человек. Победил набравший 51 процент от 750 000, то есть — 382 500 голосов. А то, бывает, победитель, набравший простое большинство! Фарс! Оперетта! Что же это получается? Где «приоритет»? Кто такие 2 250 500? Где они, эти 75 процентов неголосующих? Где их народное приоритетное мнение? Отвечают уже севшие в кресла: «Это несознательные граждане, бездельники, пьяницы, хулиганы и т.д. и т.д. Слышите? 2 250 000 из трех миллионов — несознательные! Караул!

Н. Боль каждого человека должна стать болью всей страны. Таков нравственный императив КУЛЬТУРЫ! И это не случайная прерогатива нашего времени: гуманистическая идея опирается на многовековую традицию. Лучшие умы прошлого пытались убедить правителей решать судьбы войны и мира вместе со всем рядовым населением государства. В XVI веке, когда войны были заурядным делом, великие деятели Реформации предостерегали монархов от деспотического своеволия в вопросах войны! Эразм Роттердамский заявлял, что уж если необходимо вести войну, то на это должна быть коллективная воля правителя и народа. Подумать только: в конце XX века власть так часто не достигает политического уровня мыслителей XVI века! Временами кажется, что КУЛЬТУРА лучше понимает проблему национальной безопасности, чем политики и военные! Она всегда предлагала поверять военную политику и отношения между государствами — интересами простого человека...

Культ денег, культ обогащения, присутствующий в атмосфере современной жизни, НИКОГДА не будет принят искусством — оно лишь обогатится образами, не уступающими бальзаковским растиньякам и гобсекам. Культура поддерживает и возвышает человека.

Это сильная основа духовной и иной безопасности человека, общества, государства!

Сделаю маленькое отступление от диалога и выпишу *для себя*, чтобы помнить всегда и везде, замечательные слова Мишеля Монтеня (XVI в.):

«Уменье достойно проявить себя в своей природной сущности есть признак совершенства и качество почти божественное. Мы стремимся быть чем-то иным, не желая вникнуть в свое существо, выходим за свои естественные границы, не зная, к чему мы по-настоящему способны. Незачем вставать на ходули, ибо и на ходулях надо передвигаться с помощью своих ног. И даже на самом высоком из земных престолов сидим мы на своем заду.

Самой, на мой взгляд, прекрасной жизнью живут те люди, которые равняются по общечеловеческой мерке, в духе разума, но без всяких чудес и необычайностей».

* * *

А теперь по существу нашего диалога.

В. Петр Алексеевич, я очень прошу вас поделиться со мной впечатлением о словах Монтеня: «Лживость — постыдный порок. Только слово делает нас людьми, только слово дает возможность общаться между собой. И если бы мы сознавали всю

мерзость и тяжесть упомянутого порока, то карали бы его сожжением на костре с большим основанием, чем что-либо другое... И как только язык свернул на путь лжи, прямо удивительно, до чего трудно вернуть его к правде! ...Насколько же лживый язык как средство общения хуже молчания!»

Н. Отвечу формулой Декарта: «Определяйте значение слов, и вы избавите мир от половины заблуждений».

В. Блистательный ответ. Теперь я позволю себе предложить вам фразы реально существующих людей и попросить высказать свое отношение к услышанному. И как эпиграф приведу такие слова В.И. Даля: «Пришла пора подорожить народным языком и выработать из него язык образованный».

Так вот, когда есть возможность, слушаю передачи одной радиостанции. Нравится мне ее коллектив — задорный, раскованный, остроумный, работающий, ищущий! Одним словом, коллектив-радователь! Но — всякое бывает...

Как-то болел, сидел дома... Слушал радователя. И вдруг... Ведущий сделал несколько неправильных ударений в родных словах — и конечно же в слове «принять». Введенное с высоких трибун «принять», по-моему, теперь неистребимо, оно, как колорадский жук в картошку, въелось в родную речь. Объявили фамилию артиста, который в образе недоучки-дегенерата бойко пересказывал содержание шекспировской трагедии «Отелло», нарочито коверкая русскую речь. По вкусу это «мероприятие» выглядело ниже уровня старых, грубых анекдотов, а по логике звучащего текстового материала было пародией на ведущего, который до появления

в эфире «шекспироведа» сам допустил серьезные языковые оплошности...

Как страшно, когда даже ученые, писатели (!), комментаторы на радио и телевидении нет-нет да и выпустят на волю «колорадских жучков»:

обеспечение
углубить
хочут
изобретение
ложить
начать
договор
вы правы
звонит
квартал
поехайте
ехайте
блага.

И несть числа этим «жучкам»! Вот когда уместно вспомнить пословицу: «Язык мой — враг мой, прежде ума глаголит».

Все эти «колорадские жучки» навели меня на мысль, как обеспечить чистоту русского языка. Изобрели же люди сигнализацию при попытке угнать автомобиль. Такой же сигнал мог бы предотвратить угон русского языка. Каким образом? Стоит говорящему неправильно произнести русское слово — срабатывает сигнализация и не перестает выть, пищать, рычать и т.д. до тех пор, пока говорящий не исправит вслух свою ошибку. Прогрессивнейшее было бы изобретение!

В старом Малом театре во время гоголевского «Ревизора» артист Дурново, исполнявший роль Земляники, оговорился: вместо «все, как мухи... выздоравливают» сказал «все выздоравливают... как мухи». И этого было достаточно, чтобы художественное руководство императорского театра отнеслось к текстовой накладке (с современной точки зрения — невинной) как к чрезвычайному происшествию, как к поводу для экстренного собрания членов кружка любителей и охранителей классического русского языка.

Сколько времени смогли бы эти охранители оставаться в своем уме, если бы воскресли и послушали, что и как в наше время говорят?

...Ученый-гуманитарий в доказательство своей правоты приводит зрителям с экрана всем известную цитату из «Ревизора», но в своей интерпретации: «Над кем... или над чем смеетесь? Над собой смеетесь». Но, заглянув в книгу, он неожиданно для себя прочел бы слова, написанные дорогим Николаем Васильевичем: «Чему смеетесь? Над собой смеетесь!»

Высокопоставленный чиновник, ведающий культурой, вернее, ее хозяйственной частью, на мой вопрос: «Что сейчас читаете?» — горделиво, с видом замотанного делами человека обрисовал мне сложность своей работы и общественного положения. А закончил свою тираду следующим образом:

— Дорогой мой! Где взять время, чтобы углубиться в серьезное чтение. Тут как-то начал читать Хлебникова и... ничего не понял:

*Леса обезлиси́ли
Леса обезлоси́ли.*

Я сделал ему замечание по поводу неправильных ударений. На это он спокойно возразил:

— Ладно валять дурака! Люди повыше меня, — он штампованно продырявил воздух большим пальцем снизу вверх, — поумнее, пообразованнее, говорят, как я говорю, и всё нормально! Поня́л?

Не желая обострять отношения, я покорно ответил: «Поня́л, поня́л». И, улыбаясь, процитировал отрывочек из диалога Баяна и Присыпкина из «Клопа», не называя пьесы:

« — Товарищ Баян! Я за свои деньги требую, чтобы была красная свадьба и никаких богов. Поня́л?

— Да что вы, товарищ Скрипкин, не то что поня́л, а силой, согласно Плеханову, позволенного марксистам воображения я как бы сквозь призму вижу ваше классовое, возвышенное, изящное и упоительное торжество!»

Мой собеседник похлопал меня по плечу и сказал:

— Молодец! Сумасшедшая у тебя память! Завидую! Это откуда цитата?

Я без промедления ответил:

— Из «Бани».

— Безыменского, кажется?

— Нет. Это Маяко...

— А-а-а! Да-да! Извини! Конечно, Маяковский! Вот видишь, до чего Министерство культуры довело! Затурканный я совсем... Ну, конечно, «Баня»!..

В беседе с другими деятелями культуры — это было в доме отдыха «Руза» Союза театральных деятелей — я привел цитату из текста Городничего: «О, тонкая штучка! Эк куда метнул! Какого туману напустил! Разбери кто хочет! Не знаешь, с какой стороны приняться! Ну, да уж попробовать не куды пошло! Что будет, то будет, попробовать, на авось!» И спросил — откуда эти слова!

Один деятель, не задумываясь, сказал:

— Раз там сказано «не куды пошло», это, конечно, Островский.

Другой возразил ему:

— Да вы с ума сошли! Это текст Городничего из второго акта «Ревизора». Но готов поспорить, что у Гоголя написано «не куды пошло», а не «не куды».

Пришлось идти в библиотеку. Там «Ревизора» не оказалось. Достали дома у лечащего врача и прочли — «не куды пошло».

Я понимаю полезность усилий при ликвидации стены, разделявшей две Германии; понимаю необходимость и неизбежность разрушений во время войны разных укреплений, дзотов, дотов и прочих сооружений во имя подавления врага. Но где и кто враг, когда разрушается родной русский язык? Не те ли, кто его разрушает, и есть враги?

Я представляю себе выступление любого (за малым исключением) теперешнего нашего депутата в собрании старой русской Думы или в Дворянском собрании. Вот есть где разгуляться фантазии! Представьте себе: выходит наш депутат на трибуну и, обращаясь к седовласым заседателям, произносит речь о бедах или о светлом будущем России, употребляя при этом замечательные русские слова,

но с новыми, «революционными» ударениями. Такого оратора наверняка или освистали бы, согнали с трибуны (если в старой Думе умели свистеть; в нашей же, новой, и не то могут), или вызвали бы врача-психиатра...

У нас же никто не обращает внимания на эту свистопляску неграмотности, никто не делает ораторам замечаний. У нас свистят только тогда, когда выступает гений или просто честный человек.

Парадокс — если раньше подражали царским бородкам, экипажам, платью, прическе, то в наше время — неграмотности!

Я не помню ни одного нашего высокого руководителя, грамотно говорившего на родном языке! Когда на троне восседал Леонид Брежнев, было легко отвечать на разного рода «провокационные» детские вопросы: «Дети! У Брежнева плохо с челюстями — ему трудно говорить». Но сейчас-то у всех с челюстями хорошо! Что же мы все молчим! Почему не открываем курсы по языковому ликбезу для высокопоставленных ораторов?

Что с нами стало? Почему никто не вопиет, читая во всех аэропортах: «Накопитель пассажиров», «Зона досмотра». Это же тюремная лексика... «Режим работы»!

Неграмотно говорящий не уважает ни себя, ни свою страну, ни свой народ! Человек, говорящий грамотно на своем родном языке, — это прежде всего человек с чувством собственного достоинства.

Неграмотно говорящий вряд ли может ясно, логично и тем более философски мыслить! И быть полезным людям.

Но продолжим воображаемую беседу с моим другом.

Н. Писатель В. Пьецух в одном из своих эссе пишет: «Интересный факт, что хорошие люди объясняются живописно и горячо, а жулики, в диапазоне от наперсточников до партийных функционеров, объясняются кое-как, через пень-колоду, точно они скрытые иностранцы или даже пришельцы с других планет... И откуда еще русское слово властно над человеком, по крайней мере у нас, можно избежать насильственной смерти, если убийце сказать: "браток"... Языковая картина нашей жизни бедная, иногда просто ущербная. Наш официальный язык — мещанский, "смесь французского с нижегородским"».

Англицизм соседствует с почти уголовной лексикой. И скучная фразеология и лексика! Чего стоит ежечасно повторяемое в печати и на телевидении словосочетание «стабилизация ситуации»! У нас праздничное событие, катастрофа, убийство, официальные переговоры — все ситуация! Известно, что положение с русским языком тревожит и законодательную власть, и президента. Мы написали письмо президенту, выразили особую озабоченность языком государственных служащих. Письмо подписали нобелевский лауреат Ж. Алферов, писатели В. Астафьев, Б. Ахмадулина, Ф. Искандер, певица Е. Образцова, кинорежиссер Э. Рязанов...

А читать речи и статьи Сталина сегодня мучительно больно и стыдно. Отечественная мысль пятьдесят-шестьдесят лет назад столкнулась с воинствующим дилетантизмом, любительскими экскурсами в историю, шутовским юмором, презрением к логи-

ке и фактам, фельдфебельским хозяйничаньем в русском языке и литературе. Как обманулись культура, природный ум народа, революционная мысль молодежи бетонной скукой слов, враждующей со свободной пушкинской речью, «началом всех начал» русской науки. Обманулись — и понизились в своем общем уровне! Шестьдесят лет спустя после прихода этого человека к власти окончательно выяснилось, что государство, которым он управлял, нуждается в коренных политических, экономических и правовых реформах. Почему реформы и почему так поздно? Потому, что был Сталин!..

В. Чем объяснить беспардонное нежелание государственной элиты разделить с народом все его беды и тяготы? Мой расстрелянный в 1937 году отец, в прошлом армейский комиссар с четырьмя ромбами (!) в петлицах, с двумя орденами Красного Знамени и орденом Ленина, в тридцатые годы получал «зарплату *партмаксимум*»! Она равнялась зарплате квалифицированного рабочего. Он ездил на работу на старом трамвае — вместе с рабочими, будучи первым директором «Криворожстали» — крупнейшего в мире металлургического завода; персональный автомобиль, предоставленный ему самим Орджоникидзе, отдал в детские ясли и сады для обслуживания больных детей... И в наши дни вспоминают о нем... Молодым рабочим, рассматривающим сооруженный в честь отца памятник рядом с центральной проходной завода, объясняют: «Это наш дядя Яша!»

Я не говорю о времени. Я говорю о людях!

Россию, по выражению Капниста, нельзя в ее развитии «гнуть, как холодное стекло». А ведь гнули то так, то этак, то сюда, то туда! Стекло ведь мо-

жет — не дай Бог — лопнуть! Тогда... Не приведи Господь.

Н. Теперь старые понятия не в моде. И немудрено... Нынче начальство, отделившееся от общества материально, кричащее о бедствиях народа и в то же время не собирающееся хоть как-то разделить с ним долю трудностей, ушло в буржуазное сословие. Но ведь эти слова не принято сегодня произносить. От марксистской идеологии отказались. Не отказались лишь от привилегий, которые возможны именно в буржуазном сословии. У нас они существуют даже у избранников народа в Большом доме в Охотном (так и хочется сказать — «Обжорном») ряду...

...Мне очень захотелось познакомить Николаева с несколькими составленными мною «Триптихами», имеющими прямое отношение к тому, что он чуть было не назвал «Обжорным» рядом.

ТРИПТИХ № 1

А. Клеменс Меттерних

(1773—1859, австрийский политик):

«Представительное правление — инструмент, на котором могут играть лишь превосходные музыканты, настолько он труден и капризен».

(Бывает, инструмент настолько расстроен, что гениальный музыкант не сможет извлечь из него никакого благозвучия. — Е.В.)

В. Марк Твен

(1835—1910, американский писатель):

«Читатель, представь себе, что ты идиот, а теперь представь себе, что ты конгрессмен; впрочем, я повторяюсь».

С. Мори Амстердам

**(р. 1910, американский поэт
и композитор-песенник):**

«Наши конгрессмены — самый лучший сорт граждан, какой только можно купить за деньги». *(За хорошую, полезную вещь всегда нужно платить. — Е.В.)*

ТРИПТИХ № 2**А. Уилл Роджерс**

(1879—1935, американский сатирик):

«Когда конгресс заседает, вся страна испытывает такое же чувство, как если бы ребенок играл с молотком».

(Не закрывать ли детские учреждения, где есть молотки, на время заседания конгресса? — Е.В.)

В. Эдуард Хейль

(1822—1909, африканский писатель):

«— Вы молитесь на сенаторов, мистер Хейль?

— Нет, я смотрю на сенаторов и молюсь на нашу страну».

(Я тоже молюсь за то, чтобы сенаторы говорили на хорошем, добром языке, чтобы по поводу открывающейся сессии, собрания и т.д. говорили, что она «началась» с ударением на третью гласную букву, а не на первую, и чтобы говорили они не «вы правы», а «вы пра́вы»; за то, чтобы каждый член Думы купил себе справочник правильных ударений родного языка, и еще за то, чтобы они дрались только на ринге, вне помещения Думы. — Е.В.)

С. Борис Немцов

(р. 1959, политик):

О депутатах Думы:

«Они — как санитарные волки в лесу».

(Ах, бедные волки-санитары («санитарные волки» — хуже) — они тоже бывают жертвами более крупных хищников и капканов! — Е.В.)

P.S. Джек Лондон

(1876—1916, американский писатель):

«Жизнь пытается есть — отсюда закон: съесть или быть съеденным».

ТРИПТИХ № 3

А. Михаил Огурек

(польский журналист, других данных нет):

«Депутатам необязательно уметь прочесть новый закон с первого раза — для них организуется второе чтение!»

(Но зачем так скромно: есть и третье, и четвертое... И это не беда; среди депутатов всегда найдется такой, которому не дано понять смысл, перспективу закона, он выучит его наизусть и будет декламировать на вечеринках. — Е.В.)

В. Леонард Луис Левинсон

(1905—1974, американский писатель):

«Поправка к законопроекту: отчаянная попытка законодателей заставить хвост вертеть собакой!»

(Слава Богу, что есть собаки, у которых отрублены хвосты! — Е.В.)

С. Герберт Асквит**(1852—1928, британский политик):**

«Первый, если не единственный, долг члена палаты общин — как можно реже говорить и как можно чаще голосовать».

(Наблюдая, как высокопринципиальные депутаты, солидные мужики, задыхаются от пробежек по рядам для нажатия кнопок отсутствующих коллег, приходишь к новаторской мысли, что необходимо изобрести механическую руку, которая при слове «голосуем» сама выскакивала бы из спинки пустующего депутатского кресла и участвовала бы в утверждении серьезных законов. — Е.В.)

И вновь я обращаюсь к своему собеседнику — автору книги «Культура как фактор национальной безопасности России».

В. В чем природа подобных... как бы это сказать... общественных «кренделей»?

Н. Жизнь распорядилась так, что в ней главным оказываются не постоянные, а переменные величины, и в обществе побеждает государственно-функциональный подход к человеку.

Сколько можно назвать видов деятельности, без которых человеку не выжить? На мой взгляд, немного: землепашец, рабочий, изготавливающий машины и ими управляющий, врач, учитель, ученый, художник.

Все же остальное — некий нарост, «обслуга» тех, кто строит жизнь. Тем не менее голос «обслуги» звучал и звучит громче всех. Это голос людей, из сферы собственно человеческой деятельности

перебравшихся в сферу функционирования — в президенты, парламент, правительство, дипломатию, службу безопасности, полицию... А какая гигантская (и наиболее физически здоровая) часть населения отторгнута ими от созидательного труда в массу их помощников, секретарей, шоферов, телохранителей!

(Мне вспомнились слова древнего мудреца: «Человек, у которого совесть чиста, не нуждается в охране». — *Е.В.*)

Н. К сожалению, именно это — функционирующее — сословие оказывается господствующим, тогда как остальные пребывают в униженном и зависимом состоянии. Почему работающий люд вынужден просить выплатить ему зарплату, обивая, в точности по Некрасову, пороги «парадных подъездов»: подайте причитающуюся нам копеечку? Мы привычно смотрим по телевизору, как шахтеры, стуча камнями, требуют денег, но с точки зрения культуры эта картина говорит о колоссальной национальной катастрофе — у нас до сих пор сохраняется СООТНОШЕНИЕ ХОЗЯЕВ И РАБОВ. А тем, что хозяином в большинстве случаев становится бывший слуга, положение лишь усугубляется, ибо, как говорится в «Селе Степанчикове» у Достоевского, «низкая душа, выйдя из-под гнета, гнетет вдвойне»... «Низкая» не означает безнравственная, но вышедшая из низкого сословия. Такая душа непременно начнет отыгрываться на окружающих. Разве уступит чиновник дорогу учительнице или врачу, спешащему к больному? При этом, разумеется, врач идет пешком, а «обслуга» катит на автомобиле.

Власть имущие берутся решать человеческие судьбы, важнейшие жизненные проблемы, презрительно отказываясь от обращения к разуму общества, к историческому и интеллектуальному опыту народа, которые, как известно, всегда превосходят доктрины и проекты правителей.

Кто в таких ситуациях остается с человеком? Только культура, а в качестве своего рода посредника между ней и государством выступает советливая часть интеллигенции. Дайте людям деньги, оплатите их труд, ликвидируйте преступность. И еще. Более ста лет назад великий сатирик Салтыков-Щедрин предупреждал: «Когда и какой бюрократ не был убежден, что Россия есть пирог, к которому можно свободно подходить и закусывать? — Никакой и никогда!»

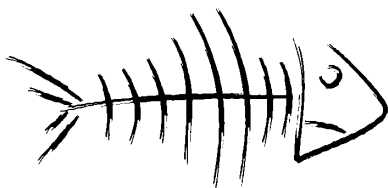
В. Я вспомнил по этому поводу — вариант Сталина: «Россия напоминает мне пирог, который чем больше его кушаешь, тем больше от него остается».

Н. Так перестаньте же закусывать страной!

Петр Алексеевич Николаев — крупный мыслитель, истинно русская душа — глубоко тронул мое сердце и решительно вовлек в мир своих рассуждений, мудро-буйных и бесстрашных.

В нем, в этом николаевском мире, звучит для меня неоспоримое и бессмертное: «Культура не гибнет, если гибнет государство. Это государство гибнет, когда гибнет культура».

Благословение всем,
кто презирает ссоры и любит тишину,
и добродетель, и унижение!
Айзен Уолтен "Законченный рыболов", 1653

Задушевные беседы с рыбачком

ТОЛЬКО ПРАВДА

Ну конечно, ты мне не поверишь... Уверен! Вот начну рассказывать, а ты: «Да ладно! Фантазии всё! Надоели байки про рыбаков! А тут еще артист рассказывает!! У них, у артистов, вообще все понарошку!!» Не поверишь еще и потому, что действительно много чего привирает наш брат рыбак, артист ли он или не артист! Поймает рыбину, на глазок, примерно, ну, с килограмм, скажет — три, а если взвесить — ну, граммов четыреста всей рыбы-то! Оторвется плохо привязанный крючок или отрежет его от лески острыми краями своего панциря улиточка, а он: «Ой, ушла рыбина килограммов на пять, все порвала... Тяжесть чувствовал огромную...» — «А увидел ее?» — спросят. «Не, не видел, но чувствовал — оо-огромная!!!» Все кругом сочувствуют, спрашивают — какая насадка была, какого размера крючок, каким макарончиком клюнула, дают советы самого разного содержания, а ведь все знают или предполагают: врет! Надышался кислородом — вот и фантазирует!

И... прощают вранье или фантазии, потому что виноват во всем кислород — чистый, бодрящий воздух!!!
Даю слово: я лично привирать не буду — только правду тебе рассказывать буду!!

В ГОСТЯХ ХОРОШО, А ДОМА — НЕ ХУЖЕ!

Дорогой мой рыбачок, был я и в Мексике, и в Израиле, и в Японии, Греции, Турции. Другие страны не буду перечислять, скажем Литву, Латвию, Эстонию, Болгарию, потому что обязательно упрекнешь: «Хвалится»... Так вот, где бы я ни был — на базарах рыбы... ну, не поверишь, горы! И большинство неизвестной нам породы! А раков, всяких лангустов, камбалы разного вида... Одним словом — глаза разбегаются!! Воображение рисует разные орудия лова, снасти, сетки, лодки, корабли, челны и шаланды, траулеры и гарпуны, штормы и штили, смекалку и смелость рыбачков! И слюнки текут от воображаемой вкусноты этих рыбных гор. Все эти «музеи» из рыб переложены льдом, мухи не летают, и противных запахов никаких. У нас проще: зашел в магазин — сразу по запаху узнаёшь, есть ли в продаже минтай, например, или хек, или хамса...

Много диковинного и чудного и чудного повидал я на чужбине, многое удивляло, радовало и печали-

ло, заставляло краснеть за Родину по многим и многим причинам.

Но, дружок мой, скажу тебе как на духу: никакие сказочные горы рыб на льду и без мух, ей-ей не вру, не могут стать мне приятнее, чем десяток пойманных своей рукой и смекалкой язей, головлей, ельцов или уклеечек, подлещиков или окуньков, никакие высококлассные шоссе не могут тронуть до слез красотой своей, как это легко делают лесные дорожки, береговые рыбацкие тропы в зарослях крапивы, мяты, чернобыльника и иван-чая, да даже грунтовые колдобины российской глубинки-глуши!

Никакие напитки не сделались более приятными и любимыми, чем наш квас и водка, никакие изысканные кушанья на банкетах, в ресторанах, посольствах (в Токио я ел мясо коровы, которую кормили арбузами, поили пивом и дважды в день массировали, чтобы бифштексы были мягче и вкуснее!), повторяю, никакие кушанья не стали для меня — да и многие согласятся со мной — вкуснее жареной картошки с лучком и соленым огурчиком или пшенной каши с тыквой! Ой! Слюнки текут!

Проходила в любой стране неделя, ну, от силы десять дней, и становилось томительно грустно, надоедали переводчики, непонимание языков, отсутствие любимого черного хлеба — бородинского особенно, надоедали ни ума, ни сердца не трогающие «автоматизированные» объяснения гидов, экскурсоводов и прочих знатоков истории того или иного дома, города, предмета, праздника, тех или иных царей, писателей, убийц и героев, калек и танцоров, летчиков и шулеров, принцесс и про-

ституток, храмов, рек, озер, стен, тюрем. Не идти на эти образовательные «экзакуции», не слушать всех автоматов-экскурсоводов — значит, прослыть необразованным олухом, некультурным человеком. Ха-ха-ха-ха! Как будто делать вид, что ты все, все, все слушаешь с огромным вниманием и все, все, все понимаешь, запоминаешь и всем, всем восхищаешься, — признак интеллекта и энциклопедического образования! Все, все, все надоедало максимум через десять дней, тянуло домой, в Москву, в Рублево, на р. Учу, в Щельково, в Рузу на р. Озерна, в Дорохово на Москву-реку, в Белый городок на Волгу, в Вазузу, на Истринское водохранилище, на Можайское море, хотелось с кем-нибудь выпить нашего бочкового пивка, поболтать с дружкой или, если придется, послать кого-нибудь подальше; короче, хотелось скорее на родную землю, к сожалению, немного сникшую под идеологической «плетью» XX века.

ВОЛНЫ ЧЕРНОГО МОРЯ

В одной брошюре в разделе «Черное море и его обитатели» я вычитал примерно такие слова: «Катран — черноморская акула. Достигает 2-метровой величины. Совершенно не интересуется человеком!» Кстати, балакают, что до революции запрещено было ловить эту чудо-рыбу, так как шкура ее играла «стратегического значения военную роль» — ею на флоте драили медь. Вот какие фиоритуры получают!

А дело было так.

Неподалеку от санатория «Форос», на полпути к маяку «Сарыч» (кстати, маяк этот — самая южная точка Крымского полуострова), примерно в ста метрах, ну, может быть, в ста пятидесяти, стоял учебный корабль водолазов. Корабль этот из Севастополя, а стоял он там, потому что его зафрахтовала киностудия г. Свердловска для съемок фильма «След в океане», в котором я сыграл одну из ролей — Ельцова (надо же, и фамилия рыбная — Ельцов!). Для большей убедительности скажу тебе,

дорогой моему сердцу рыбачок, что фамилия командира корабля была В. Сонин, а режиссера-постановщика фильма — О. Николаевский, и оба — свидетели нижеописываемого факта. Могу их адреса дать...

Так вот, каждую свободную минуту мы, члены киноэкспедиции, тратили на то, чтобы опустить снасти за борт. Успешно ловили морских ершей, чья огромная пасть могла бы, по-моему, заглотить существо большее, чем он сам! Вот сейчас скажешь — врёт! Согласен — преувеличиваю, гиперболой орудую, но не вру. Уж больно страшна пасть — прямо кратер. Кое-кто «самодурью» умудрялся ставридочку подцепить. «Самодурь»* — интересная снасть. Груз тянет на глубину леску, на которой смонтировано пять-девять белых крючков №№ 6, 7, 8 с перышками. И вот, с постоянными подергиваниями снизу вверх, наматываешь на катушку спиннинга опущенную в глубину на 20—25 метров эту самую снасть. Рыбы — ставрида, скумбрия и пикша (пикшу ловят на глубине 50, 60, 70 метров) — хватают крючки без всякой наживки. Вот с такой глубины — в 70 метров — у меня кто-то сильно потянул вниз. Я подумал — скат, камбалообразное чудовище с хвостом, с которым нужно быть очень осторожным, так как удар хвоста этого бурбона очень и очень опасен, вплоть до... страшно ска-

* Самодур — мужского рода, по Далю — глупый, самоуверенный, затейливый, упрямый человек. Самодурь — женского рода; «он сделал это самодуром, самодурью, по-своему, и притом глупо». Почему снасть называется этим словом — сам, рыбачок, сообрази. Может, потому что насадки для рыбы никакой нет. А?

зять... одним словом, вплоть до... Тяжело кручу катушку, но «инкогнито» особенно не дергает, не рвется в стороны. Что там? Медленно поднимаю, и вдруг... скрюченный огромный катран!.. Вытаскивать его на борт бесполезно — высота до борта метров восемь!! Леска оборвется. Кричу: «Люди, помогите!» Обступили меня люди-артисты, моряки, все галдят — толку никакого... Вдруг в воздухе промелькнуло обнаженное тело человека и скрылось в водах моря! Что такое? Наваждение? Нет. Это пролетел перед нами вахтенный матрос с подсакom в одной руке (мешок из сети на обруче и древке для выбирания из воды большой, тяжелой рыбы) и с ножом в другой и быстро уложил в мешок моего, подчеркиваю, моего катрана! Завидуешь, рыбачок! Мужайся — и тебе повезет: «Сегодня я, а завтра — ты!» — спой про себя этот текст и успокойся!! К мешку была привязана солидная веревка, и через мгновение на борту лежал «красавец»... *Мой катран*. Ну, настоящая подводная лодка! Идеальные обтекаемые формы, жабры — ну, прямо окошечки кают корабля, но не круглые, а оригинальные, продолговатые. И надо же, глупенький «малыш» (длина 1 м 27 см — смерили сантиметром, весил он на глазок килограммов десять, не меньше. Сняли на фото! Не сомневайся, рыбачок) заглотил не крючок, а свинцовый груз, продолговатый, похожий на рыбку, и запутался во всех моих девяти крючках, затянул свое туловище леской и сам себя лишил координации движений. А если бы не лишил, то мог бы поймать меня и утащить в море, если бы я так же упорно, как он, держал свинцовый груз-рыбку в пасти... Все мо-

жет быть... Не смейся... Ты послушай, что я тебе по этому поводу расскажу... Произошла эта история в деревне, в районе города Комсомольска-на-Амуре. Тринадцатилетнюю девочку послали проверить опущенную в большую прорубь специальную снасть, предназначенную для ловли огромных тайменей (по Далю — «байкальская щука» или «сибирский лосось») и другой крупной рыбы. Девочка дернула леску-веревку, почувствовала что-то тяжелое, стала тащить на себя, веревка вырвалась — все это наблюдали с берега люди! — тогда она, бедняжка, намотала на руку веревку... Кто-то потянул ее в прорубь. Упереться невозможно — кругом лед скользкий. Она закричала от испуга и... скрылась в проруби. Через полгода, уже летом, приезжали ко мне в гости знакомые из Комсомольска-на-Амуре и рассказали, что весной, когда лед ушел, нашли трупы и девочки, и огромного, в два раза тяжелее девочки, тайменя...

Больше таких кошмаров рассказывать тебе не буду...

С палубы корабля, о котором я тебе только что рассказывал, мы проделывали интересные опыты...

Была у нас на борту огромная накачанная камера от какого-то столь же огромного автомобильного колеса. Матросы забавлялись ею, когда купались, загорали на ней, рыбачили с нее... Так вот... Привязывали матросы к этой камере большую, светловолосую, нарядно одетую куклу. Такую, знаешь, которая глазки закатывает, когда ее наклоняешь, и чего-то произносит при этом... Вспомнил? А к камере привязывали длинную леску, намотанную на большую

катушку — метров на 800—1000, и отпускали камеру на «волю», когда ветер орудовал от берега — и только тогда, когда вблизи от корабля появлялись дельфины. И вот стоило кукле отдалиться от корабля метров на 250—350, как дельфины скапливались вокруг камеры с куклой, а затем дружно, сменяя друг друга, подталкивали путешественницу к кораблю... И не отплывали от корабля, пока матросы не поднимали куклу на борт. Как тебе это? А? Чудо, да и только! А как ты относишься к такому рассказу? Не знаю, в какой стране, в каком море в 1902 году дельфины спасли тонувшую девочку или мальчика... Ребенок оказался членом семьи миллионера, который в знак благодарности морским животным поставил на берегу памятник, представлявший собой каменного дельфина. Так вот, во время торжественного открытия памятника в море десятки дельфинов высокими прыжками из воды приветствовали торжество на берегу! Говорят, что именно с этого эпизода началось серьезное изучение жизни умных морских животных и попытки осознанных контактов с ними. Что слышал, то и рассказал.

Город Судак. Кинофильм «Отелло» снимался в разных местах страны: в Аккермане под Одессой, в Ялте и Судаке, в самой Одессе и в Москве... Вот такая случилась история, послушай, дружок... Врать не буду.

В Судаке есть или был рыбколхоз. Дело было в пятидесятые годы. В свободное от съемок время Сергей Бондарчук — исполнитель главной роли, и я — исполнитель роли несчастного влюбленного Родриго, получали разрешение выходить вмес-

те с рыбаками в море на их судах... Ловили рыбаки когда сетью, когда большущими, намотанными на лебедку снастями с огромными крючками. Чаще всего попадался скат. Он перерабатывался на корм скотине и курам. Попалась как-то белуга весом в 420 килограммов. Была освежевана, обезглавлена и уложена на пирс... Очевидно, произошел спазм спинного мозга, в результате труп белуги колыхнулся, особенно хвостовая часть, да так, что сбила с пирса в воду стоявшую рядом с тушей женщину. Зрелище неожиданное, страшноватое. (Я тогда вспомнил похороны знаменитого артиста Владимира Хенкина. Его привезли из морга в теплое помещение театрального фойе, открыли крышку гроба. Руки его были скрещены на груди. Тело нагревалось, и произошло сокращение мышц или расширение, и указательный палец дважды резко дернулся вверх-вниз, вверх-вниз. Стоявшая в почетном карауле актриса — заслуженная артистка Ева Милютина — упала в обморок. Жутковато, правда?.. Ну, извини.)

Так вот, продолжу про белугу. Собственно, почему я о ней завел разговор? Потому, что история эта связана с фактом самой вкусной еды, мною когда-либо употребленной. Рыбаки дали нам по квадратному куску мяса белуги весом не менее килограмма каждый. Проткнули его мощным шампуром, выдали нам по перчатке из сурового материала, развели костер и велели крутить над ним нанизанный на шампур кусок рыбы до тех пор, пока не потечет жир в огонь... Потек. Мясо нарезали большими кусками и... О!!! Ничего подобного, ничего более вкусного я не ел за всю свою жизнь...

Чуть не рычал и почему-то думал — вот-вот отнимут... Атавизм! Когда поймаешь белугу, сделай себе такое лакомство! Вспомнишь меня!! И позвони. И угости!

Город Одесса. В лодке со мной артист А. Роговин. Ловим бычков. Роговин много говорит о своем большом, удачливом, многолетнем, разнообразном рыбацком опыте... У него клюнуло... «Ой! Видно, большой бычок», — с надеждой говорит мой напарник... Над водой появляется белопузый глосс размером с большое блюдо... *Опытный* Роговин падает в обморок...

В те времена, когда Одесса хвалилась и гордилась скумбрией, я поглощал ее в огромном количестве, уж больно вкусна она была, особенно малосольная...

Ресторан «Волна». Посетителей мало... Знаю, что одна порция малосольной скумбрии — это две рыбешки. Набираюсь смелости, заказываю десять порций и соответственно количество граммов... Ну, ты догадался... Ем, наслаждаюсь... Кончились салфетки бумажные. Поворачиваюсь, чтобы позвать официанта, и вижу, как в проходе на кухню столпилась вся поварская бригада и с любопытством меня разглядывает... Встретившись со мною взглядом, бригада, улыбаясь, убежала, а самый солидный, с колпаком на голове — видно, шеф — пожелал мне приятного аппетита... Такого зрителя у меня никогда не было. Роль я сыграл отлично. Съел двадцать штук скумбрий и то, что к ним, тоже... того... Не ду-

май, что я разорился — в те времена это стоило по-божески!

Крым. Лечу из Севастополя в Москву. Давно это было. В специальном резиновом морском мешке чуть присоленные 500—600 штук скумбрий... Еще барахталась она в наших водах. Сейчас ушла в Турцию. Там воды чище.

...Стюардесса придирается к любой вещи, мешающей проходу по самолету, не позволяет тяжелые предметы класть на полку над головой... О ужас! Мешок мой потек! Запахло рыбой... Стюардесса ко мне... Тексты между нами произносились разные, но в основном ласковые, очень похожие на те, которые звучат при бесклевье... На «ринг» был вызван второй пилот. Узнав, что в мешке скумбрия, он сказал: «Была бы какая-нибудь другая рыба — выбросил бы в туалетный люк. А скумбрию нельзя выбрасывать — жалко! Приятного вам аппетита!» Ну, как тут сомневаться в том, что второй пилот супер-рыбак?!

Прилетел в Москву. Друг мой привез из Щелыкова ведро соленых грибов... Я думал, мне пятисот скумбрий хватит на всю зиму, а другу моему казалось, что ведра соленых грибов хватит до следующего урожая лесных крепышей, но... В 10 утра собралась у меня компания в двенадцать человек. К 22.00 от скумбрии остался мешок, а от грибов — чистое ведро!!

Недели три был весь прорыблен: чихну — пахнет рыбой, кашляну — тоже, в глаз что-либо попадет — слезы рыбой пахнут, во сне — рыба, разговоры только о рыбе боялся; не появится ли чешуя на теле! Нет, обошлось!

Деталька: каким бы интеллигентным человеком ни выглядел А.Н. Островский на фоне рассказанного, будешь в Щелыкове, зайди в дом-музей, найди в дневнике его запись: «Сегодня счастливый день — поймал пескарей!» И умились... И учти, что Щелыково омывается кругом реками, они втекают в р. Мера, а та в Волгу. Рыбы было много больше, чем в наше время.

В Щелыкове же один знаменитейший артист рассказал анекдот про кильки... Это не быль... Сам догадаешься! Купался как-то морячок. Его за ноги русалочка хватать — и к себе! Призналась в любви. Через год морячок этот в каком-то кабачке заказал себе пивка и баночку килек. Открыл баночку — килечки все вскочили на хвостики и хором пропищали: «Здравствуй, папа!»

В БЫВШЕМ ПОМЕСТЬЕ А.Н. ОСТРОВСКОГО ЩЕЛЫКОВЕ

Летом в Щелыкове работал иногда по договору знаменитый повар Хабибуллин. Как его звали — не помню. Знаменит был тем, что и повар он замечательный, и книги писал, и был награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени, а самое знаменитое в его деятельности — это то, что он несколько дней кормил всех участников Ялтинской конференции, кормил и... поседел от волнения. Достаточно сказать, что готовил он в присутствии и под бдительным наблюдением охраны, каждому — отдельно, поди угоди! Ничего — пронесло! А едоки были — Сталин, Рузвельт и Черчилль...

Так вот, в доме отдыха Хабибуллин вечером обходил все столы «отдыханцев» (а их в конце сороковых было не более двадцати человек) и спрашивал, что бы они хотели завтра отведать за обедом. Раньше ведь отдыхали только работники театра, а еще раньше — только работники Малого театра... Некоторые даже дичь заказывали или рыбу по вку-

су... Много и того и другого здесь в глуши водилось. И вот среди огромного ассортимента блюд в репертуаре повара самым изысканным была поджарка из малюсеньких пескарей... Это блюдо он делал только себе и угощал им того, кто был ему мил. Сам он, кроме этой поджарки, ничего не ел. Чай, водка, селедка и черный хлеб. А пескарки — лакомство. Раз в неделю им баловался.

Посылал он рано утром ребятню за пескарями — а было их здесь тьма-тьмуцкая: вода-то чистая*, прогресс не успел ее отравить, пескарка живет только в чистой воде, так же, как форель и раки. Налавливали ребятки их много — штук по пятьдесят-сто каждый, но только размером не больше мизинчика, чтобы не потрошить и не чистить. Разогревалась сковорода большущая-большущая до кипения масла, вываливалась на нее эта масса рыбок, шипенье раздавалось страшное, считал повар до пяти, резким движением подбрасывал сковороду, рыбки переворачивались, снова считал до пяти и еще раз переворачивал — и всё: блюдо готово! Попробуй, рыбачок, такое лакомство — пальчики оближешь! Какая там лососина прибалтийская или семга, или кижуч и чавыча дальневосточная! Не нужны они! Подай пескариков! И всё!.. Мечта.

* А реки красивые, красивые! И имена у них замечательные, говорят, угрофинские: Кистега, Мера, Шарма, Куекша, Седега! Красиво, правда?

КРЕВЕТКИ

Париж. Значит, так: зашел я в маленький ресторанчик и заказал себе первое блюдо, название которого мне совершенно ни о чем не говорило. Тем более интересно. Официантка прикатила маленький столик на колесиках, налила мне в глубокую тарелку желтый бульон, по аромату — рыбный, затем настругала в этот бульон четыре сорта сыра, последний из которых был зеленый. Попробовал. Ну, я тебе скажу... Так вкусна была вся эта катавасия... Опять чуть рычать не начал, как грызущая кость собачка при виде приближающегося человека или другого пса.

Я по-французски не того, не бонжур и не пардон, я немного по-немецки шпрыхен и все спрашивал, показывая на чуть ли не вылизанную тарелку: «Вас ист дас? Зер гут! Вундербар. Вас ист дас?» («Что это? Очень хорошо! Чудесно. Что это такое?»). Официантка объясняла, какие-то фигурки пальцами показывала. Я ничего не понял! Тогда она

принесла на тарелочке вываренные креветки, и я понял, что бульон из них!

Дома, в Москве, натер, правда один сорт, сыра в простую нашненскую уху из ершей, окуней и плотвы, и должен тебе, друг ты мой, сказать, что очень это вкусно. Достань сыра, а терку и рыбки на уху я могу тебе дать. Договорились? Ну и ладно. Звони, если что...

«ВОЛГА» КУПЛЕНА В ЮЖНОЙ КОРЕЕ

А это дело вот как сложилось: плывем мы, значит, из Южной Кореи в японский порт Ниигата. В трюме парома новая автомашина, купленная несколько дней тому назад капитаном судна. Он говорит: «Сейчас матросы надрают мою "Волгу", и лишится она, как говорят автолюбители, девственности на дорогах Японии!! Звучит! Первым делом на рынок за лангустами! Ждите. Угощу! Вкуснота! И креветок ждите...» Выкатили, значит, «Волгу» — чистенькая, красивенькая, нашенская!!! Отъехал капитан от порта на 1 км 250 м, и остановил его полицейский. Проверил документы, послушал, как работает мотор, недовольно покачал головой, обошел машину, приставил к выхлопной трубе какой-то замысловатый предмет, опять покачал головой, положил предмет в сумку и сказал: «Стоп», — затем изобразил крест и, произнеся «тр-р-р-р», волевым движением руки показал, что надо двигаться назад, а другой как бы перекрыл возможность углубляться на территорию страны, опять покачал

головой, сказал: «Иколёгий», — поклонился вежливо и ушел. Угрюмый капитан вернулся на паром, поставил «Волгу» в трюм и зло изрек: «Ну и порядочки! И тут, очевидно, блат нужен!» Прощаясь с капитаном, я посоветовал написать ему роман «1250 метров по дорогам Японии». Лангустов и креветок мы не попробовали.

Насчет креветок вот еще что хочу тебе рассказать: японские повара в первое или второе блюдо, в кашу или салат кладут их очень мало, ну, по три-пять штук максимум. Узнав от меня, что в недавнее доброе время я мог в Москве запросто купить сколько угодно двухкилограммовых коробок свежемороженых вареных креветок и съесть за один присест сколько душе угодно, — японские собеседники в один голос расценивали мой рассказ как доказательство совершаемых гастрономических преступлений! Но так как японцы всегда улыбаются, создавалось впечатление, что преступление не очень тяжелое и что быть прощенным — вполне достижимо!

ПОЧЕМУ, ПОЧЕМУ, ПОЧЕМУ?

Вот скажи мне, дружок, почему именно с нашим святым увлечением, с рыбалкой, связано уникально большое количество историй — смешных, например, о том, как перевернулась лодка с тремя пассажирами и со всем их скарбом — от ботинок, одежды, часов и драгоценностей до разного рода вкусных продуктов и бутылки водки, банальной бутылки водки, — и как один из оказавшихся в воде крикнул: «Держите бутылку!», — и трагических историй, многих случаев ссор, разводов, размолвок по причине ревности к увлечению рыбной ловлей одного из партнеров, или мужчины или женщины?

Почему наше увлечение вызывает столько насмешек, ревности, злости и зависти? Я считаю: потому что мы, рыбаки, лучшая часть человечества. Мы меньше других тратили зря время на политзанятия, проходивших, как правило, в те часы, когда активно клюет рыба — в утренние, мы реально соревнуемся в умении ловить рыбу, реально и осязаемо. Я всю свою жизнь почти каждый квартал полу-

чал на работе премии от 10 до 25 рублей за победу в соцсоревновании. Но даю тебе слово, до сих пор не знаю, с кем и в чем соревновался. Сидящий с удочкой на берегу менее подвержен суете человеческой, он более рассудочен, сосредоточен, наделен румянцем или загаром на щеках. Это всегда сердит бледнолицых! Сами же мы, рыбаки, придуываем о себе много разной всячины, потому что больше других дышим чистым воздухом, больше других двигаемся, а чистый воздух и движение, в свою очередь, стимулируют рост и качество чувства юмора, потому что мы в большей степени, чем остальная часть человечества, испытываем радость от самодеятельности, от возможности действовать согласно своим и только своим желаниям, например, в деле приготовления приманки, насадки, выбора места ловли... Короче: мы фантазеры! Мы лучшая часть человечества. А лучшая часть мы потому, что — и это главная причина — мы чаще, чем другие, остаемся наедине сами с собой! Казалось бы, один на один с собой — одиночество! Нет, нет, нет и еще раз нет! Рядом целые миры! Мы ищем миры в неземном пространстве, не изучив миры на земле! Рядом миры животных, растений, атмосферные миры. Рядом мир сороки, вороны, лягушки, повадки разных рыб, отзвук всего живого на ветры и температуру, влажность и солнечные лучи... Изучение, даже просто созерцание этих миров значительно полезнее и интереснее, скажем, тех же политзанятий или сочинения доносов...

Не похажив по полям, лесам и берегам, не понаблюдав безразличие людей почти ко всему — нельзя понять причину печальных глаз скотины, заму-

Задумчивые беседы с рыбаком

ченной грязью, голодом, мухами, несвоевременным доением, погоняемой беспрерывным матом пастухов, нельзя понять, почему из года в год погибает половина урожая всего и вся. А причина ясна: общее — ничье! Всем на Руси это ясно, но почему-то предпринимаются очень робкие попытки изменить положение... Надежда на то, что мы «медленно запрягаем, но быстро ездим», обманчива. Ездить не на чем, да и запрягать некому — разучились.

Рядом миры, с которыми нет словесного контакта, но они зависимы друг от друга! Может быть, смысл человеческого существования — в служении этой зависимости, в исполнении роли координатов в этой зависимости! Если это так, то какие же мы варвары и бездельники!!

О НЕЦЕНЗУРНЫХ СЛОВАХ

О! Это очень интересная тема! И неожиданная, правда, рыбачок?

Ты замечал, как вообще неожиданно проявляются на рыбалке люди? Какой-нибудь человек, слышший белоручкой, брезгливым, вдруг с увлечением потрошит и чистит рыбу, самый заядлый рыбак в конце рыбалки раздает улов всем друзьям, так как сам ее не ест, или какой-нибудь вялый молодой человек, слышущий соней, может на рыбалке не спать по двое суток. Много разных неожиданных качеств проявляют люди на рыбалке; вот и нецензурные слова часто произносят люди, которым это совершенно несвойственно, не к лицу, и тем самым выглядят очень забавно!

Аркадий Соломонович Погодин — известный в свое время эстрадный певец, очень добрый, воспитанный человек, никогда не произносивший не то что нецензурных, но даже просто грубых слов... «Иди к черту!» — это выражение ну никак не мог-

ло вырваться из нежной, драгоценной теноровой гортани седеющего интеллигента.

Так вот, ловили мы с ним ночью в селе Псоу на границе с Абхазией с пирса какого-то то ли морозильника, то ли заводика, то ли хранилища рыбуглу. Она клевала только на бычка с 1 до 3 часов ночи, затем уходила, уступая место лобану, тот через два часа — ершу и т.д. Дисциплина жесточайшая. Нам бы такую!

Ловил Аркадий Соломонович вдохновенно, как всякий начинающий рыбак! Одна его поза достойна подробного описания, ибо именно она, поза, наиболее эффектно и рельефно подчеркивает парадоксальность произошедшего... Поза представляла собой подобие помпезного, величественного монумента в память о рыбаках-фанатах, рыбаках-поэтах, рыбаках-романтиках: широко расставленные ноги, одна рука на талии, другая вытянута высоко вперед с длинным, метров в шесть, удилицем. Бог! И вот кончилась у меня насадка... Ловилась рыба отменно, на пирсе горела дежурная лампочка, поплавок виден хорошо, уходить не хотелось.

В самой вежливой форме, шепотом, обращаюсь к «монументу»:

— Аркадий Соломонович, ради бога, извините за беспокойство. У меня кончилась насадка. Не позволите взять у вас немножко?

И вдруг «бог-монумент», седеющий красавец в трусах, часто задышал, просверлил меня лазерно-острыми зрачками и презрительно-хрипловатым низким голосом («монумент», напоминаю, был певцом) контузил меня:

— Пошел к... — Землетрясение!!!

Ты догадался, что многоточие заменяет очень знакомые в нашей стране, да теперь и в мире, родные русские слова?

Вот что делает с человеком насадка! Погодин вырос в моих глазах.

«СЕРЕБРЯНЫЕ» РАКИ

Праздновал новоселье. Все как положено — на полу. Был мальчишник. Дружок достал в магазине — было это давно, но правда! — много коробок раков. Сварили в ведрах. Народу было много — всё актеры, литераторы... Кроме раков была и другая снедь, поэтому подал «к полу» (стола еще не привезли) старинные серебряные вилки и ножи с инициалами деда — купца белорусского, производителя этого товара. Еще он бочки делал и, кстати, был заядлым рыбаком... Отпраздновали новоселье, гости помогли убраться (от раков гора шелухи) и покинули меня... Только на следующий день обнаружил пропажу трех вилок и трех ножей, повторяю, серебряных... Конечно, помрачнел и был убежден — выкинул в мусоропровод вместе с рачьиными ошметками. Недотепа! Ну, ничего не поделаешь, что с воза упало — то пропало.

Проходят два года. Один из тех, кто был на моем новоселье, приглашает к себе в гости по поводу, если не ошибаюсь, дня своего или жениного рожде-

ния... И что же ты думаешь, рыбачок, дорогой мой дружок?! Сажусь за стол, беру вилку, чтобы «заготовить пыжа», то есть закуску... Глядь, а на ней, на вилке-то, инициалы моего деда! Я за нож — то же самое! Быстро оглядел все приборы — точно, дедовы три ножа и три вилки!! Сник. От выпивки отказался. Симулировал, уж извини меня, дружок, сердечную боль и головокружение, попросил вызвать такси (тогда еще можно было это сделать и со штанами остаться) и ретировался! Вот такая неожиданная история... И знаешь, почему я тебе ее рассказал? Только для того, чтобы лишний раз возвеличить нашего брата рыбака!

Тот, кто спер мои приборы, никогда удочки в руках не держал! Не нашего племени мужчина! Так и перекочевали мои вилки и ножи в чужой дом. Я никогда мужчине этому слова не сказал. Стыдно было. Мне стыдно. Понимаешь? За него стыдно! Ты скажешь: «А может быть, его родители когда-то купили товар твоего деда!» Нет, не может этого быть, потому что дед в Белоруссии торговал, а мужчина этот ловкий — коренной москвич. Это раз. А два — это то, что покойная бабка моя, аккуратистка и до некоторой степени скаредница, все приборы: ложки, ложечки, ножи и вилки, да еще подставочки к ним — особенной зазубриной метила... Так что ошибиться я не мог. Неприятная история! Правда? Это ведь только потому произошло, что на природе редко он бывал, удочки в руках не держал, с лягушками и птицами не общался, по перволедью в воду не проваливался. Только поэтому. А может быть, на политзанятиях пересидел или от соцсоревнования устал... Партийным был!

НЕОБХОДИМО ДУМАТЬ ОДНО, А ГОВОРИТЬ ТО ЖЕ САМОЕ

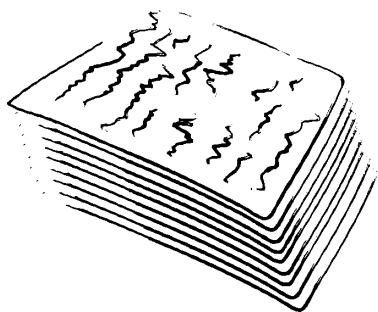
Если скажу тебе, что с детства мечтал быть начальником маяка, речным бакенщиком или стрелочником, опять ведь подумаешь — сочиняет. Нет, ей-богу! Верь! Я с детства не любил больших компаний, любил и люблю дружить с людьми, которых знаю, которым доверяю, на которых могу положиться, но так как общество наше сильно поляризовано (разобщено, значит) — идеологией, отсутствием критериев в оценках к сути всего *Честного, Доброго, Трудолюбивого, Человеколюбивого и Сострагательного*, — любимых и понимаемых мною людей становится все меньше и, чувствую это уже явственно, настоящим Другом станет мне тот, который спорит во мне со мною же! Все очень портативно! Я и Друг — во мне! Есть с кем честно, без боязни быть оклеветанным, посаженным, ущемленным, поспорить и даже поскандальить!!!

...В профессиях стрелочника, бакенщика, начальника маяка больше, чем в других, присутствуют элементы, способствующие попыткам познания Мира и себя в нем — уединение и одиночество!!

Человек не может врать самому себе! А если врёт — значит, он больное, ненормальное, патологическое существо!! Поэтому моя формула существования указана в названии этой главы.

Ну что, дружок, теперь ты поверил, что я действительно мечтал (теперь уже поздно) об упомянутых в наших с тобой беседах профессиях? Спасибо тебе за внимание!

Соберись на рыбалку — позвони! Будь здоров, дорогой!

Зоолитпарк

Человек - высшее из земных созданий, одаренное разумом, свободной волей и словесной речью.

Животное - все, что живет и дышит, всякое живое существо; всякая особь, одаренная жизнью, то есть способностями зрения или слуха, свободного движения и чувствами.

Ф. Даль

Близость к животным - очеловечивает.

Николай Палайтай (украинский сатирик)

ПРОСТИ, РЕКС!

*Чем больше я узнаю людей,
тем больше люблю собак.*
Бернард Шоу

1945 год. Восточная Пруссия. Гольдап (мы взяли город не с первой попытки: наступали — отступали... Наступая, называли город своим именем, отступая — Гольдрапом).

Неделя отдыха. Для артиллеристов на войне такая неделя — чистка стволов, ремонт орудий, постирушки, обучение пополнения, смена обмундирования... хлопоты...

Во дворе аккуратненького, брошенного хозяевами двухэтажного домика (в котором разместилось несколько офицеров, в том числе и я) — курятник, битком набитый настороженно кудахтающей и кукарекающей (ку-ка-ре-ку — чужие!) живностью; чистенький коровник (этакая гостиница на восемь коров, уведенных хозяевами), еще пахнущий молоком. Да, да! Не навозом, а молоком и сеном. Гараж с четырьмя боксами. В двух — пусто, в третьем — «опель-капитан», в четвертом — новенький восьмицилиндровый, семиместный, с открытым верхом и спицеобразными колесами «хорьх»! Мечта!

Всё это — одушевленные и неодушевленные свидетельства весьма завидно-добротного немецкого житья-бытья, через несколько лет превращенного в светло-серую среднесоветскую житуху, позволившую переселенцам из Украины, Белоруссии, России, Литвы выращивать на прусской земле по 16—18 центнеров зерна с гектара и приколоть за это орден на грудь Калининградской области, напрочь забыв о том, что поверженный враг получал на этой же земле по 50—60 центнеров...

Так вот, все это житье-бытье глядело на нас с каким-то, я бы сказал, осудительным любопытством и всем своим видом словно задавало вопросы: «А дальше что? А с нами что?» — на которые ответить мы, конечно же, были не в состоянии. Лишь предчувствие подсказывало ответ: «Не жить вам так, как жили...» Ну, а как именно — предчувствие молчало...

В середине двора собачья будка и на длинной цепи — ее квартирант. Красавец пес! Немецкая овчарка! Цепь позволяла красавцу дотянуться до ворот в коровник, в птичник, до дверей гаража, жилого дома и до озера-прудика. Пес был единственным обитателем двора, не задававшим своим видом никаких вопросов. Он действовал! Он прогонял нас! Он пугал! Он был принципиален и без устали рычал и гавкал на незваных гостей. Во избежание физических схваток мы были вынуждены забаррикадировать от него вход в наше жилище.

Озера-прудики — а их было многое множество по всей Пруссии до «обработки» их нашими «тружениками», теми, кто «был ничем, а стал всем», — выглядели явно «враждебно»: они кишели рыбой,

раками, да и вода была в них до безобразия чистой, без цветущей зелени-ковра родных водорослей... Одним словом, непорядок! Правда, надо сказать, что через несколько лет все встало на свое место: все озера-прудики приняли наш облик — красивый ковер ряски покрыл все водоемы; раки, которых не успели сожрать, спокойно скончались; рыбу всю выловили в связи с необходимостью поднимать благосостояние народа... И успокоились! Каждый имеет право на отдых! Уж больно отвлекали эти озера советского труженика от строительства настоящего, не виданного доселе будущего...

Однако вернемся к вражескому псу. Очень он мне понравился. Мордочка и глаза изумительно выразительные, брови кокетливо подвижные и часто изменявшие рисунок: то они обе дугой приподняты, то смыкаются очень сурово, то одна приподнята, а другая нет. Постоянно менялось положение головы: когда он лаял — она приподнималась носом вверх и направлялась, как пушка, прямо на тебя, то неожиданно склонялась влево, вправо. Уши его — словно два флажка в руках матроса, передающего сигналы по системе Морзе. Описать этот танец ушей-локаторов просто невозможно! И никакого движения хвостом...

Очень мне хотелось подружиться с псом. Но как? Да еще за неделю! И все же я додумался! Я попросил всех разместившихся в доме не давать псу никакой еды, не обращать на него никакого внимания и даже иногда бросать в него камушки... Таким образом, на фоне этих неприветливых дядей появлялся я — дядя-ангел, который (стоя сначала на безопасном расстоянии) подкидывал ему то

суповые косточки из солдатского котла, то кусочки колбаски, то сладенького чего-нибудь: сахарку, конфетку или печеньеце...

В конце второго дня пес стал взглядом реагировать на кличку Рекс, почему-то сразу же присвоенную ему.

На третий день расстояние между «ангелом» и псом сократилось вдвое. Братание развивалось благоприятно... На мое «Рекс!» пес движением ушей уже стал как бы отвечать: «Ну, я Рекс! Что дальше?»

Утро четвертого дня ознаменовалось тем, что, приблизившись к моему новому знакомому с каким-то лакомством, я заметил легкое помахивание хвостом, пока еще робкое, неритмичное — хвост то замирал, то оживал, то нервно подергивался, то пару раз резко смахивал пыль с дорожки, на которой лежал. (Кто-то когда-то рассказал мне, что после такого поведения хвоста собака, как правило, агрессивно себя не поведет.) Я решился на рискованный поступок: подошел и предложил ему какую-то вкуснятину из рук. Пес посмотрел мне в глаза, лениво поднялся, приблизился к руке, понюхал гостинчик и осторожно-осторожно, прямо-таки максимально интеллигентно, как бы стесняясь, принял его огромными клыками.

Ну что ж, первое «лапопожатие» состоялось!

Не могу не отвлечься... Осторожность, с какой пес принял еду, впоследствии напомнила мне рассказ Анны Владимировны Дуровой, художественной руководительницы Уголка имени В.Л. Дурова, названного так в честь ее отца, легендарного циркового дрессировщика. 4 мая 1947 года в ее кабине-

те зазвонил телефон. Ей сообщили о смерти мужа — Прова Садовского, художественного руководителя Малого театра.

Анна Владимировна разрыдалась. Во дворе гулял слоненок. Он услышал всхлипывания своей воспитательницы, подошел к окну (кабинет находился на первом этаже), долго разглядывал ее, плачущую, потом надавил своим огромным лбом на решетку открытого окна, сломал ее, протянул к лицу Анны Владимировны хобот и его чувствительнейшим окончанием стал осторожно вытирать ее слезы... «Уверяю вас — так нежно, так осторожно и ласково человек даже губами сделать подобное не способен!» — говорила потом Анна Владимировна. Откуда такая осторожность, такой такт в поведении животных вообще и у моего нового знакомца в частности? Не знаю...

Итак, первое пожатие лап... В конце пятого дня Рекс позволил мне положить ладонь на свою голову, да еще так, что глаза оказались прикрытыми ею. Специалисты-собаководы знают, что это означает, — полная, безоговорочная доверительность!

Рекс оказался талантливым приятелем. Все семь дней я подавал команды, дублируя немецкие слова русскими да еще иллюстрируя их жестами. Например, «лиген» — «ложись», «зитцен» — «садись», «фу» — «нельзя», «ком» — «ко мне»... Если употреблял только русские слова, то обязательно наглядно показывал, что нужно делать соответственно команде. Если говорил «бегом!», то бежал вместе с Рексом, если «голос!» — сам лаял. Очень немного времени прошло после первого «гав-гав» и до дня, когда Рекс стал понимать мои команды

уже без немецких слов. Он стал «говорить» со мной на русском языке.

Продолжились боевые действия нашей артиллерийской бригады. Мы шли по Восточной Пруссии к Кенигсбергу. Рекс был всегда со мной, спал, как и я, в кузове крытого мощного «студебекера». Как правило, ночью военные действия прекращались, все замирало. И тогда начинались занятия с Рексом.

Результаты были потрясающими. Восемь-десять раз ровно в 5.30 звонил будильник, и каждый раз при этом я подавал синхронно со звонком команду «голос!» и сам вместе с псом лаял. Пример — лучшее учение! И вот... будильник я не завел. Хотите верьте, хотите нет: ровно в 5.30 дружок залаял!! Да как!

Вид у него был получившего пятерку счастливого ребенка! Он понимал, что совершил что-то очень правильное и выдающееся: как плетью, размахивал хвостом, счастливый, радостно-возбужденный, лаял, громко попискивал. Проявленная мною всеми доступными мне средствами благодарность за демонстрацию высокого интеллекта и таланта только поддерживала его неистовую радость, и унять его стоило большого труда.

Но стоило мне как-то утром не выказать своего восхищения в его адрес (а он все последующие дни продолжал меня будить ровно в 5.30), а наоборот, очень сухо сказать: «Фу! Тихо! Нельзя лаять! Фу!» — как он моментально сник, чихнул почему-то, облизался, высунул язык и, часто дыша, уставился на меня в ожидании последующих указаний. И опять хотите верьте, хотите нет — на следующее

утро не разбудил меня, спокойно ждал, когда я сам проснусь.

Я проводил опыты: заводил будильник и на 6 часов, и на 7, и снова на 5.30. Достаточно было два утра подряд, просыпаясь по звонку, скомандовать «голос!» и самому немножко полаять, как на третий день он будил меня в соответствующее время без звонка! Чудо!

Музыку по радио мы на фронте слушали часто и в любых условиях — на отдыхе, на передовой, в окопах, в автомобилях. Когда звучала синкопированная джазовая музыка, я усиливал звук и подавал команду, показывая на приемник: «Гитлер! Голос! Гитлер!» Рекс, заражаясь громко звучащим оркестром и резко подаваемой мной командой, громко и зло лаял на источник звука. А поймав лирическую мелодию, я убирал громкость и очень тихо говорил: «Сталин, Сталин!» — и, как правило, давал при этом что-нибудь вкусненькое, поглаживая дружка. Он вилял хвостом, высовывал язык сантиметров на пятнадцать и часто дышал. Затем после нескольких уроков я отбрасывал команду «голос» — и только на «Гитлер» Рекс зло лаял, а во втором случае после «Сталин» вилял хвостом и от удовольствия высовывал язык. Рассказам моим об этих экспериментах никто не верил — приходилось проводить множество показательных сеансов, и ни в одном из них мой новый друг не подвел меня! Партнер верный!

Накануне штурма Кенигсберга я был легко контужен и девять дней лежал в полевом госпитале, разместившемся в больших палатках. Из-за сильных головокружений в первые пять дней вставать с койки было невозможно. И говорить громко было

тяжело... Рекс ждал меня, бродя вокруг палатки. Два дня отказывался от пищи. Не подпускал к себе никого, рычал. Врач посоветовал мне сделать большой мякиш из каши, хлеба, масла и кусочков мяса — обязательно своими руками, а так как палатка пропахла медикаментами, подержать его (извините!) под мышкой, чтобы он впитал в себя запах моего тела. Я все потихоньку проделал и отдал мякиш врачу. Тот вышел из палатки, назвал моего дружка по имени, в отдалении от палатки положил на камушек мякиш, сказал: «На!» — и отошел. Рекс подошел к камушку, понюхал круглый гостинчик, слегка вильнул хвостом и осторожно, не спеша, интеллигентно слопал его. Проблема кормежки была решена, а на шестой день я сам вышел к другу...

Описать нашу встречу не под силу человеку — нужно обязательно влезть в шкуру преданной животинки... Рекс часто-часто замахал хвостом, заскулил, не позволив себе резко кинуться лапами мне на грудь... Лизнул несколько раз мою руку и все время поскуливал. Он говорил мне что-то, явно успокаивал... Ей-ей, он понимал, что я болен, он сочувствовал мне, он жалел меня, он все время смотрел мне в глаза, он изучал меня — больше я ничего не могу сказать. Помню только, что еле-еле сдержал слезы.

Заметил я еще одно феноменальное качество пса. Ему передавалась степень человеческой напряженности и сосредоточенности. Рексу было понятно — это совершенно ясно угадывалось не только мною, — что людям не до него, что они заняты чем-то очень важным, что нельзя им мешать, что обращать их внимание на свою персону нескром-

но. Рекс никогда в такие минуты не лаял, не приставал с ласками, а если случалось, что наши взгляды скрещивались, то хвостом, только хвостом посылал немую телеграмму: дескать, понимаю все, желаю удачи, любящий тебя и преданный Рекс!!

Окончились тяжелые бои за город Кенигсберг. Мы вышли к Куршскому заливу и практически к 1 мая 1945 года закончили военные действия. Мы, воины прославленной 5-й гвардейской артбригады Резерва Верховного Главнокомандования, получили право на отдых... Расположились в живописном месте под Кенигсбергом, разбили палатки, в том числе военторговскую, прилавок которой предлагал довольно приличный ассортимент всякой всячины. Продавщицу — младшего сержанта — звали Маша. Несколько раз наведывался я в эту манящую к себе палатку, и конечно, в компании с Рексом.

Один из моих солдат — я к тому времени носил звание гвардии лейтенанта, — опытный в прошлом собачник, посоветовал мне натаскивать Рекса на команду «ищи!»: далеко от себя забрасывать палку или дав ему понюхать, прятать ее где-нибудь и, дождавшись, когда он ее найдет, требовать принести мне палку. По дороге к Маше я постоянно произносил ее имя: «Идем к Маше. К Маше! Маша хорошая!» К шее Рекса я подвешивал сшитый той же Машей из портянки мешочек, а когда приходил с ним в палатку, просил передние лапы положить на краешек прилавка, чтобы Маша могла достать сумку. Когда Рекс команду исполнял, он делался на голову выше продавщицы. Маша доставала из сумки заранее положенную туда записку с перечнем

нужных мне покупок и деньги на их приобретение. Товары и сдачу укладывала в сумку и при мне подавала Рексу команду «домой!». И так несколько раз.

Наконец настал день великого испытания. Я причесал пса, аккуратно бантиком завязал на шее веревочки от сумки, положил туда деньги, список покупок: папиросы, спички, печенье, колбаса, хлеб — и скомандовал: «Ищи Машу! Машу! Ищи!» Словно стрела, пес ринулся в сторону военторговской палатки... Ровно через пятнадцать минут запыхавшийся, со светящимися от счастья глазами, гав-гавкая уже на расстоянии 150 метров от меня, Рекс примчался, положил свои лапицы мне на грудь, пытаясь меня лизнуть, дождался, когда я освободил его от сумочки, и... стал демонстрировать какой-то немислимый танец, кружась вокруг самого себя, подпрыгивая и почему-то рыча, очевидно от удовольствия. На протяжении всего этого буйства он не переставал следить за выражением моих глаз и вообще за моим поведением, требуя разделить с ним праздник победы в сложном деле высшего образования, в сфере диалога с человеком, в котором собака мало чем уступала собеседнику в сообразительности, в логике и дисциплине!! Рекс окончил вуз!

9 мая 1945 года вся страна праздновала День Великой Победы, а наша бригада в составе большой группы войск шла на войну, так как Курляндская группировка войск противника не капитулировала. Шли и ехали мы все, естественно, довольно понурые... Надо было видеть Рекса. Складывалось впечатление, что он осознавал сложность военной обстановки и отлично всех нас понимал. Он был по-

давлен, нем, очень походил на нас всех, и даже выражение мордочки было адекватным нашим тревожно-настороженным лицам. На марше, если не ошибаюсь, с 11-го на 12 мая нам объявили, что Курляндская группировка прекратила свое сопротивление. Началось радостное буйство людей по поводу окончания войны, по поводу того, что теперь гарантирована жизнь! Впереди мир, семья, дом — рай, одним словом!! (Тогда, в 45-м году, никто из нас не мог предположить, что страна наша так распорядится своей судьбой, что скатится в болото бездарных и преступных распрей людских.) Так вот, буйство это выражалось в том, что люди кричали, пели, некоторые почему-то стреляли в покрывки автомобилей, очевидно, чтобы не двигаться дальше, некоторые яростно боролись друг с другом, падали на землю. Я выпил кружку водки и (почему — не знаю) лег в канаву и рычал! Генерал наш, интеллигент дореволюционной военной закваски, не позволявший себе ни одного грубого слова, называвший нас «господа офицеры», объезжал наши порядки, стоя без кителя в «виллисе», стреляя в воздух из ракетницы, кричал: «Ура! Победа!» — и добавлял самые что ни на есть крепкие слова, приводя нас в восторг и изумление!

Мой старшина Калоев не смог совладать со своим кавказским темпераментом и от счастья, обнимаясь с другом и целуясь с ним, надкусил ему мочку уха. Апогей вакханалии счастья — хохочущий солдат с кровоточащим ухом и плачущий от радости, кричащий старшина! Оба держат, как дети на уроках танца, друг друга за руки. И на этом фоне — мой Рекс, задравший свою физиономию

в небо, бьющий хвостом по земле и по воздуху — вверх-вниз, вверх-вниз, влево-вправо, влево-вправо — и почему-то воющий — как и я, рычавший в кювете! Ноты воя были не минорные: он пел. Мой друг пел! Не выл, а пел. Он пел радость, он пел победу, он пел человеческий праздник! Рекс оказался еще и композитором: он пел свою песню! Свою красивую, полную добрых собачьих чувств песню!

Годовщину нашей крепкой фронтовой дружбы с Рексом мы праздновали в военном городке Пери в полусотне километров от Ленинграда. В начале апреля 1946 года я отпросился в Москву, разжаловал там начальство тем, что, если не демобилизуюсь до конца месяца, потеряю целый учебный год в училище имени Щепкина при Малом театре, два курса которого закончил до призыва в армию в 1942 году. Через несколько дней я вернулся в Пери, имея в кармане все документы для освобождения в срочном порядке от военной службы.

Никто из встретившихся мне по возвращении в воинскую часть не мог знать об этих документах, и, естественно, никаких изменений в общении со мной не было... Всё как всегда: «Здравствуй!», «До свидания!». И лишь одно существо, не умеющее говорить и писать, мой любимец... Однако всё по порядку...

Я вернулся. Подошел к двери квартиры, в которой жил. Квартира была коммунальная. Рекса я оставил на попечение добрых соседей, которых он слушался в мое отсутствие. Уже поднимаясь на третий этаж, я слышал приветственный, особо восторженный, с попискиванием, лай явно в мой адрес. Я открыл дверь... Пес в неистовом порыве радости бросился мне лапа-

ми на грудь, успел меня облобызать и, глянув мне в глаза, вдруг задержал дыхание. Снова часто задышал, снова попридержал очередной вздох, сник, вяло сбросил лапы с моей груди и понуро залез под диван... Я все понял: он почувствовал предстоящую разлуку! Хотите верьте, хотите нет, но это так!

Вечером за письменным столом я готовил необходимые перед отъездом документы. Мой милый Рекс, потихонечку подобрав (так казалось) свои коготки, выполз из-под дивана, подошел ко мне, положил бочком голову на колени и в упор смотрел на меня... Долго смотрел... Не двигался... От пищи отказался и на ночь снова залез под диван, чего раньше никогда не делал. Я всю ночь не спал... Меня встревожило и озадачило необъяснимое собачье предчувствие! Что это? Кто наделил их этой удивительной способностью? Я вспомнил свое детство...

В 1937 году наша семья жила в Кривом Роге, где мой отец был директором Криворожского металлургического комбината. Как-то в начале года всю ночь печально выла наша собака Джолли — молодая немецкая овчарка, ранее никогда этого не делавшая. Утром арестовали заместителя моего отца, жившего с нами в одном доме... Отец отправился в Москву, чтобы защитить этого честного, известного в те времена человека — Чингиза Ильдрыма, курда по национальности. Второй раз Джолли выла всю ночь в июле 1937 года... А днем раздался звонок из Москвы. Маме сообщили, что арестовали отца...

Люди утратили Божий дар — дар предчувствия. А собаки, не говорящие, но мыслящие существа, дара этого не потеряли. Ах, если бы люди, предчувствуя беду, были способны выть, как Джолли! Я ду-

маю, что вой миллионов уберег бы нас, людей, от многих и многих бед. Дьявол отнял или приглушил этот дар в человеке!..

Дальше писать печально, горько, страшно... Я уехал. Соседи дали слово ухаживать, кормить Рекса. Я оставил друга... Объясняю, почему я решился на разлуку. Я возвращался в Москву в никуда. Скромная комната в 12 квадратных метров в квартире, где я жил прежде, во время войны была занята. Родственники, жившие чрезвычайно скромно, принять меня с собакой, естественно, не могли. Чем кормить собаку в карточной Москве? Проблема сложнейшая! Рекс оставался в условиях лучших, чем те, которые ждали меня, студента. Лишь эти соображения оправдывали тяжелейшую разлуку с животинкой...

Эпилог. Соседи, которым я оставил Рекса в Пери, рассказывали, что несколько раз Рекс бегал на железнодорожную станцию — ждал электрички, высматривал меня. Его приводили на поводке домой, но на следующий день он снова сбегал на станцию. Худел, почти ничего не ел... Кто-то посоветовал сдать его в школу сторожевых собак при МВД. Учился он плохо. Завах и вскоре ушел из жизни...

Я до сих пор чувствую себя виноватым в том, что не взял его в Москву, несмотря на то, что, как я считал, легче ему не было бы. Только теперь я с уверенностью могу сказать, что, конечно, было бы легче, потому что дружба и преданность выше всяких благ — и для Собаки, и для Человека!

Прости меня, Всевышний, прости меня, любимый пес, если я поступил не так!

Рекс! Я уверен: ты слышишь меня! Прости...

БУГАЙ

Ну скажите, разве способен самый что ни на есть талантливый модельер соревноваться с тем, что творит Природа? Оперенья птиц, «костюмы» тигров, пантер, змей, лангустов — ну разве все это неописуемо красивое, на грани неправдоподобия, великолепии может сравниться с каким-нибудь «Театром мод»? Да никогда!

...На одном из показов мод при появлении манекенщицы в суперброском костюме сидевшая до того спокойно на коленях своей хозяйки собачонка вдруг залаяла, зарычала, стала вырываться из рук с явным намерением напасть на манекенщицу.

В зале хохот, аплодисменты собачке. Пропорхавшее платье — и дама в нем ушла. Собачонка успокоилась и замолкла до тех пор, пока та же манекенщица снова не появилась на подиуме, уже в новом наряде, и так старательно виляла своими филейными частями, что казалось: платье ей не нужно, оно мешает ей...

Собачонка залаяла снова. Почему? Непонятно... Никто из других манекенщиц ее не злил, а эта... Я предполагаю, что причиной была неестественность, во-первых, костюма, а во-вторых, поведения человека. Лай собачки снова имел успех и снова был принят бурными аплодисментами. Хозяйка псинки, сидевшая рядом со мной, сказала: «Успокойся, Бугай! Тетя шутит! Фу!» Трехсотграммовый (ну, чтобы не обижать зверюгу, пусть пятисотграммовый) Бугай лизнул в нос хозяйку — любительницу «Театра мод», зарылся в ее платок на коленях, зевнул и закрыл глазки... Умен, Бугай!

Люди продолжали любоваться фантазиями модельеров и подвижными бедрами красавиц. А Бугай спал. И наверняка видел приятные сны, потому что, не открывая глаз, тихонечко радостно попискивал и чуть-чуть подергивал хвостиком. Среди людей ему было неинтересно... Уж больно много в их среде неестественного, надуманного... Умен!

P.S. У вешалки после представления:

Дама. Прелестно, прелестно. Глаза разбегаются... Прелестно, правда ведь, а?

Мужчина. Очень, очень, очень... Ну надо же, такая маленькая, а сколько энергии, темперамента, разума!! У-ди-ви-тель-но!

Дама. Вы о ком?

Мужчина. О собачке!

ШЕКСПИРИАДА

Быль

*Было бы верхом нелепости
отказывать животным
в умственных способностях;
они ощущают, обладают идеями,
производят суждения
и сравнения, выбирают
и обдумывают.*

Поль-Анри Гольбах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА И МОРДОЧКИ:

Отец

Мать

Дочь

Попугай говорящий

Котенок

Немецкая овчарка восьми с половиной лет.

МЕСТО ДЕЙСТВИЯ: Подмосковье.

ОБСТАНОВКА: скромный новый кирпичный двухэтажный дом, огород, сад, забор.

Только факты! Только факты!

ЗАВЯЗКА

Собака, прожившая с хозяевами всю свою восьмилетнюю жизнь, долго привыкала к новому дому: изучала каждый уголок, всю территорию вокруг него. Все было непривычным: отсутствовали соседи по коммунальной квартире, привычные запахи из кухни и постоянные звуки отовсюду, особенно

с шумной улицы за окнами их маленькой комнаты. Здесь же, в новом доме, не верилось, что и первый, и второй этаж, и весь двор — все это твое, что не с кем и незачем воевать за свою территорию... Вот только дружка нет... Скучно...

Не прошло и десяти дней, как Машенька, дочка хозяев, принесла из школы котеночка и дала собаке обнюхать его. Котенок лапкой ударил овчарку по носу — она очень удивилась смелости живого комочка. Когда его опустили на пол, он стал ловить хвост собаки, потом забираться на нее, лежащую на своем тюфячке. Она приняла игру и стала легонько подталкивать котенка лапой — то от себя, то к себе. Но когда комочек, наигравшись, улегся спать под ее животом, собака поняла, что появилось существо, которое нужно защищать и с которым нужно дружить.

Отец Машин часто ездил на рыбалку и потому был постоянным посетителем «Птички» — рынка всевозможной живности, удочек, сеток, кормов... Три года тому назад он купил там попугайчика, быстро научившегося говорить «ур-р-ра!», «р-р-раз, да, ти» (что означало «раз, два, три»), «р-ры-ба», «дур-рак», «бака пр-ршла» (что означало «собака пришла»), «кр-расивый»... Все это попугай произносил невпопад, кроме «бака пр-ршла» — когда в комнате появлялась или на улице лаяла собака, своя, а не чужая. Когда же появилась кошечка, попугайчик очень заволновался. Прыгал по клетке и чаще всего кричал «ур-ра!» или «р-раз, да, ти!»

Новосел-котенок испуганно смотрел на чудоптичку. Но это «чудо» больно клюнуло его в лапку, когда папа поднес его к клетке. И котенок больше не приближался к обидчику.

Попугайчик бал «алкоголиком»: стоило гостям занять свои места за столом, как он пытался перекусить железные прутьики клетки и постоянно кричал: «Дур-р-рак! Я хор-р-роший» или: «Ур-р-ра» и «Бака пр-ршла». Хозяйева выпускали птичку, потому что главным «аттракционом» застолий всегда был попугайчик, он, «попка-кр-р-расавец». Он произносил свое имя почему-то только тогда, когда ему давали есть или пить, и каждый раз, когда его сажали на голову собаке (это было любимое место птички): «Попка-кр-р-расавец!» Но об этом позже.

Его выпускали из клетки, он садился на стол — всегда в одном и том же месте, по правую руку от хозяина, и смирно наблюдал за действиями гостей... Звучал тост, люди чокались, выпивали и ставили на место свои рюмки. Попугайчик безошибочно находил опустошенную, вскакивал на ее краешек и опрокидывал. Оставшиеся капельки быстро выпивал. И ждал очередного тоста и очередную опустошенную рюмку. Был он всеяден — ему было все равно, что пить: водку, вино, пиво, коньяк. Удивительно, он ни разу не опрокинул фужер с водой! После третьего-четвертого тоста «пьяница» слабел, его буквально качало из стороны в сторону... Вскоре он успокаивался в каком-нибудь блюде с салатом и засыпал, как настоящий пьяница в луже! Его осторожно, предварительно обтерев салфеткой, укладывали в клетке... Застолье продолжалось.

Собаку приучили не двигаться, когда ей насыпали на голову вкусненькие зерна для попугая. Сажали птичку на голову, и та с удовольствием склевывала лакомство. Через некоторое время стоило открыть дверцу клетки, насыпать зернышек на голову терпе-

ливой собаке и сказать: «Попка! Ах, как вкусно! Лети сюда!» — как попугайчик летел к собаке и без боязни сам устраивался на голове четвероногого друга. Наклевавшись, он не спешил улетать и с удовольствием сидел на голове, даже когда собака двигалась по комнате. Позже к этой компании присоединилась кошечка, которую пристраивали на спину собаки...

Совершенно точно можно утверждать: собака понимала, что катает «пассажиров», потому что передвигалась чрезвычайно осторожно, не двигая головой. Эта пирамида напоминала циркового «унтермана», держащего нескольких гимнастов на своей могучей шее, стараясь не шелохнуться...

Редко, но чрезвычайно художественно происходили в доме «концерты» самодеятельности. Артистом в них был попугай, а зрителем — собака. Каким-то особым свистом, щелканьем попугай обращал на себя внимание проходившей мимо собаки, распуская перышки, поднимал вверх зубчатый хохолок и выделывал умопомрачительные па. Собака, высунув язык и подергивая хвостом, внимательно наблюдала за «артистом», и когда тот вдруг на мгновение останавливал свое представление, она гавкала раз другой, поощряла, значит... И «спектакль» продолжался до тех пор, пока кто-нибудь не отвлекал единственного «зрителя» от единственного «артиста»...

КУЛЬМИНАЦИЯ

Восторги и идиллия, царившие в семье, были нарушены внезапно: после тяжелейшего инфаркта умер в возрасте тридцати семи лет папа. Жена часто повторяла: «Я говорила, что этот проклятый дом съест все его здоровье! Я говорила, говорила!..» Странно стала вести себя собака — бродила целы-

ми днями по двору, постоянно останавливалась у калитки. Когда мимо проезжала автомашина, мотоцикл или с шумом пробегала детвора, она выскакивала на улицу, нюхала воздух и, сникшая, возвращалась на свой коврик. Кошечка почти не отходила от собаки, спала вместе с ней на тюфячке. Попугая слышали теперь гораздо реже, да и говорил он все тише и тише. Зато у него увеличился запас слов: как только мама появлялась дома после работы или дочка приходила из школы, он упорно повторял: «Я говор-рила. Я говор-рила!»

РАЗВЯЗКА

Через полгода после смерти хозяина на своем коврике скончалась собака. Ветеринар сказал, что она не мучалась, так как умерла во сне от инфаркта... Через три месяца заболела кошечка, отказывалась от еды, чахла, чахла и умерла... на собачьем коврике. Через две недели после смерти кошечки попугайчик, вылетев из клетки, с лету ударился головкой и грудкой о стенку рядом с ковриком собаки, упал на него и умер...

Мать не находила себе места. Тревога передавалась и дочке... Дом был продан. Мать с дочерью уехали к родственникам в Зауралье.

А новые хозяева дома через два месяца после его покупки во время очередной гулянки напились так, что по их неосторожности дом загорелся. На втором этаже его сгорели старая бабушка и трехлетняя девочка...

На этом месте никто не решился строить новый дом... Власти разбили здесь садик... В нем теперь гуляют дети с бабушками, с собачками и кошечками... Жизнь продолжается...

СЭР ТОБИ

Быль

У матери знаменитой балерины Екатерины Максимовой Татьяны Густавовны была собака Лика — породистая, хорошо воспитанная немецкая овчарка.

В течение многих лет Татьяна Густавовна проводила вместе с собакой все лето в «Щельково».

И надо же было такому случиться: Сэр Тоби, пес, представляющий из себя совершенно невероятную (по внешнему виду) смесь собачьих пород дога, мопса, боксера, бульдога, бездомной дворняги и очень похожий на неухоженного Уинстона Черчилля, влюбился в красавицу Лику, не желавшую даже смотреть в его сторону.

«Прописан» Сэр Тоби (кто его так назвал, установить не удалось) был в деревне Сергеево, что в четырех километрах от Дома творчества, в собачьей конуре.

...За пятнадцать-двадцать минут до завтрака в столовой Дома творчества Сэра Тоби можно было увидеть у входной двери корпуса, в котором про-

живала Татьяна Густавовна с Ликой! Каждое утро! Как он ее ждал! О-о-о! Розовый язык сантиметров на десять-пятнадцать вываливался из пасти, дыхание учащенное, хвост нервно дергался во все стороны... Когда она появлялась в дверях, он покорно ложился на бок и тихонечко повизгивал, как малое дитяtko, усиливая помахивание хвостом до такой амплитуды, что трава ложилась на землю, как скошенная косой! Она — никакого внимания! Лед! Сэр Тоби провожал Татьяну Густавовну и Лику до столовой, и вот там-то наступали — каждое утро! — самые желанные мгновения: он оставался наедине с ней! (Воспитанные собаки в столовую не ходят — они ждут хозяев на улице!)

...Сэр Тоби не позволял себе ни малейшего намека на какие-либо грубые, вульгарные поползновения! Это была его настоящая первая, но платоническая любовь! А она — само бесчувствие! Айсберг!

...Был случай, когда Сэр Тоби смог во всей красе проявить свои мужские качества! Оставшись в очередной раз наедине с любимой, Сэр Тоби заметил приближавшегося к ним бездомного пса из деревни Высоково по кличке Пес Барбос! Не обращая внимания на Сэра Тоби, он направился к красотке Лике с недвусмысленными намерениями. В мгновение Сэр Тоби превратился в дикого зверя! И... хулиган с разодранным боком и повисшим ухом с громким визгом убрался восвояси... Видевшие этот кровавый бой утверждали: Лика внимательно наблюдала за молниеносной схваткой, и когда Пес Барбос позорно ретировался с поля боя, она одобрительно позволила своему хвосту слегка дернуться чуть-чуть влево, а затем вправо...

Пес охотно сопровождал Татьяну Густавовну и Лику в длительных походах за грибами, бывало, с утра до самого вечера. Вся компания до того уставала, что буквально валилась с ног, а Сэр Тоби не находил сил, чтобы плестись домой, и охотно устраивался на ночь в беседке за углом жилого корпуса Дома творчества, но утром, за пятнадцать-двадцать минут до завтрака, уже ждал любимую у выхода из корпуса! Не хватало только цветка в зубах!

...В один из прекрасных дней был назначен торжественный смотр-парад четвероногих друзей вертикалов!

Собачек помыли, постригли, причесали, а если кто-либо из них вылаивал желание, его даже завивали! Украсили всех лентами, а некоторых даже штанишками разных моделей... Всю эту расчудесную компанию провели мимо крыльца клуба под торжественный марш в исполнении сельского баяниста.

Членами жюри были определены победители по экстерьеру, и по завивке, и по дисциплине в собачьем строю.

Собачий праздник заканчивался фотосъемками всех участников. Выстроили всех собак по росту. Лица, самая рослая, умная и красивая, заняла место правофлангового, а по левую ее лапу расположились остальные собаки...

Как вдруг явился Сэр Тоби, запыхавшийся, взъерошенный, облаял весь строй, решительно занял место по правую руку, простите, лапу Лики, став правофланговым! (Хотя по экстерьеру место его должно было быть где-то в середине строя.)

Лица еле заметным движением хвоста поприветствовала знакомого. Он сел на задние лапы, высунул на рекордную длину свой розовый язычок и приготовился к историческим фотосъемкам! Здесь можно было бы поставить точку. Но кто-то из зрителей попытался Сэра Тоби прогнать, а фотограф, хорошо знавший пса, заступился за земляка: «Не трогайте его! Он выстрадал положение правого флангового! Не вмешивайтесь в личную жизнь влюбленного, а может быть, и влюбленных!»

Все изложенное суцая правда! В случае надобности могу назвать имена свидетелей.

Фотография собачьего праздника-парада во главе с Сэром Тоби была повешена на стене клуба.

Каждый, кто разглядывал фотографию, задавал один и тот же вопрос: «А это что за пес? Почему он такой неухоженный?» И получал один и тот же ответ: «Он великий страдалец. Безответная любовь и жизнь холостяка в малюсенькой конуре истерзали его прекрасную душу!»

ЧЕРНОК

Было это в 1985 году, в Кисловодске, где мы с женой отдыхали. В один из дней решили подняться на Большое седло. Поднимаясь все выше и выше по расчудесным извилистым дорожкам и тропинкам, мы наслаждались поистине сказочными пейзажами, вид, колорит которых менялись каждые сто-двести метров пути. Примерно в километре от цели повстречалась нам симпатичная маленькая черненькая собачка. Была она, вне всякого сомнения, плодом романа разнопородных родителей и потому принадлежала к самой смышленной, самой неизбалованной, самой выносливой, самой независимой собачьей «национальности» — к дворняжкам.

Собачка оглядела меня, мою жену и наших друзей, местных жителей, тоже мужа и жену. Очевидно, мы понравились ей, потому что хвостик ее «завучал» мажорно, и она обогнала нас и возглавила наш «караван». Метров через пятьсот собачка оставилась, оглянулась на нас, чуть двинулась в сто-

рону и стала лаять. Наши друзья спросили: не хотим ли мы попить водички? Мы отказались.

— Чернок! Чернок! — обратился к собачке мой местный знакомый. — Мы не хотим пить! Вперед!

В ответ Чернок гавкнул: дескать, понял тебя, — и скрылся в траве...

— Побежал к водичке, — объяснил друг.

Мы продолжили путь, и буквально через две-три минуты Чернок догнал нас, гавкнул и снова возглавил наш поход.

— Почему Чернок? — спросил я.

— Очевидно, из-за черной масти. Этого песика знают почти все местные жители. Удивительный товарищ! Ума палата. Он провожает всех, кто идет на Большое седло, и возвращается с ними, но до определенного места, и исчезает неизвестно куда. Непременно всех путешественников оповещает на своем собачьем языке о том, что рядом есть родник. Вы в этом только что сами убедились... Чернок охотно принимает угощение, даже кусочки хлеба, смоченные в вине. Обожает шашлык. Но ни с кем ниже, особенно в город, отсюда не спускался. Когда покидает нас, обязательно лает и машет хвостом, вроде как бы говорит: «До свидания»...

Все сказанное моим другом было исполнено собачкой точно по сценарию: Чернок взял все наши угощения, проводил до места расставания, полаял и скрылся...

Через несколько дней мы с женой повели на Большое седло наших родственников, приехавших из Москвы. Заранее рассказали им сценарий поведения собачки. Надо было видеть лица наших новичков, когда все сбылось!

Р а с с к а з ы в а е т Ч е р н о к: «Так меня назвали потому, что шерсть у меня черная. Я весь в маму, ее звали Чернушка. Маму я очень любил. Помню, когда я был совсем маленьким, то если хотел спать, забирался маме прямо на живот — там было тепло и уютно. Папу я не помню. Мама рассказывала мне о нем: он был очень добрым, любил маму, меня и людей тоже... А люди предали нас: поймали и маму, и папу и отвезли в фанерном ящике не знаю куда... Больше я родителей не видел. Я только помню, как они кричали, звали кого-нибудь на помощь, а я спрятался в густой траве, потому что был еще маленький. Потом ушел в горы... Там я встретил добрых людей, понял, что и среди них есть такие, которые не ловят наших сородичей, не сажают в ящики. Наоборот, они нас кормят, ласкают. Одна женщина прогнала всех блох у меня какой-то жидкостью, помазав всего с головы до лап. Такие люди мне понравились. Потом я уже научился различать людей злых и добрых. Добрым я стал служить. Я чувствовал, что они довольны моим поведением, тем, что я провожаю их по тропинке к самой высокой точке горы самым коротким путем, довольны тем, что я им показываю, где можно водички попить...»

ХАРЧО

Через несколько лет я снова оказался в Кисловодске — приехал на три недели с концертами. И почти каждый день ходил обедать в расположенную неподалеку от филармонии полюбившуюся мне шашлычную. Вскоре я обратил внимание, что в одно время со мной туда же приходит обедать один из дежурных местного вокзала.

Как только он появлялся, к нему тут же подбежала маленькая грязненькая дворняжка. Звал он ее почему-то Харчо. Хотя название этого кавказского кушанья в нашем языке все же среднего рода, а собака была «мужчиной», железнодорожник при обращении к своему лохматенькому другу путал все три рода: «Ах ты, моя маленькая! Ах ты, хороший мой Харчо! Ах ты, моя умница! Ты ведь умнее людей, правда?..» В последнем вскоре пришлось убедиться и мне...

Если я приходил, когда мой новый знакомый был уже в шашлычной, то видел, что Харчо лежит у его ног и аппетитно похрустывает косточками, лако-

мится хлебцем, сдобренным кетчупом и даже аджикой. Иногда я видел, что если собачка появлялась позже железнодорожника, то она подбегала к нему и легонько начинала дергать зубками его штанину. В ответ слышалось традиционное приветствие во всех трех родах. После обеда человек и собака удалялись в сторону вокзала...

Как-то железнодорожник сказал мне, что уезжает на три дня в командировку в Минеральные Воды, и попросил попробовать подкормить Харчо.

— А почему попробовать?

— Дело в том, что нашей дружбе уже лет пять и ни от кого другого он ничего не принимает... Может быть, видя нас вместе вот уже несколько дней, возьмет из ваших рук что-нибудь...

— Давайте сейчас попробуем...

Я дал Харчо самый сочный кусочек шашлыка. Он отбежал от меня и уселся около моего нового знакомого с другой стороны.

Кормилец Харчо отсутствовал три дня, и три дня песик понуро стоял в стороне от столиков шашлычной и ждал (ждала, ждало).

Возвращаясь с концерта в городе Ессентуки, я пошел от вокзала в сторону гостиницы кратчайшим путем — мимо шашлычной. И на всякий случай — вдруг встречу — позвал: «Харчо! Харчо!» Виляя хвостиком, подбежала знакомая псина и, встав на задние лапки, уперлась мне в колено. У меня с собой была чудесная телячья колбаса. Я отломил кусочек и предложил дружку. Но он, продолжая вилять хвостиком, опустил на землю передние лапы и, то ли стесняясь, то ли извиняясь, скрылся в кустах, так и не притронувшись к лакомству...

Зоопарк

Я видел в кустах его мордочку: Харчо наблюдал за мной. Глазенки его блестели — над кустом был фонарь, и свет его отражался в добрых и, как мне показалось, смеющихся глазах...

Три дня прошли. Я нарочно пришел в шашлычную раньше железнодорожника. И не зря — описать встречу Харчо с ним я не способен!..

Тоскливо подумалось тогда, что вот меня ни один человек, ни друг, ни женщина не встречали так искренне, так радостно...

А ВЕДЬ СОБАКИ КУСАЮТСЯ!

*Чрезмерно нежные чувства к собакам
и обезьянкам — свидетельства того,
что заложенные в нас потребности любить
не находят естественного выхода, создают,
лишь бы не прозябать в праздности, привязанности
вымышленные и вздорные.*

Плутарх

В книге «Из архивов печати», посвященной выдающемуся человеку, писателю и гражданину Михаилу Михайловичу Зощенко, я прочел маленький рассказик «Еще не так страшно», написанный им в период между 1922 и 1930 годами:

«На станции «Мурманск» развелось множество диких собак. Собаки эти стаями бродят по городу и пожирают при этом массу домашней птицы и мелкого скота как у железнодорожников, так и у городских жителей».

Корреспондент, написавший это, сильно побаивался, как бы дикие собаки «не слопали бы мурманскую городскую администрацию», которая не принимает мер к уничтожению собак.

Обеспокоенная возможностью гибели мурманской администрации, газета «Дрезина» тотчас выслала своего сотрудника в Мурманск. Оказывается, слухи явно преувеличены. «Спрошенные нашим сотрудником дикие собаки в один голос

заявили, что в ближайшее время они не предполагают лопать администрацию, так как съестных продуктов пока достаточно. Может быть, к осени слопают одного администратора. И то не наверно. Но кого слопают персонально, нашему сотруднику не удалось выяснить».

Эта миниатюра вызвала во мне множество ассоциаций, подтолкнувших сесть за письменный стол, чтобы, восстановив в памяти недавнее пребывание в одном из подмосковных Домов творчества, попробовать написать тоже миниатюру и тоже на собачью тему (конечно, пытаясь подражать великому маэстро).

Согласно путевке, поселяюсь в чудесном номере, где все располагало к размышлениям. И по поводу кошмаров городской жизни; и по поводу причин стремительно «чахнущих» лучших качеств людей — доброты, способности сопереживать, сочувствовать, быть внимательным друг к другу; и по поводу того, что люди стали привыкать к убийствам, жестокости, лжи везде и повсюду; и по поводу того, что среди людей увеличивается количество фарисеев, эгоистов, характер которых проявляется и в их отношении к животным.

Первое впечатление от Дома творчества — уйма по всей территории, и особенно у столовой, собак-попрошак, которые сопровождают тебя всюду в ожидании подачи... (Но ведь только человек виноват в том, что по всей России бродят бездомные собаки, сбивающиеся в стаи и способные напасть на «венец природы».)

Итак, среди собак Дома творчества выделялись две наиболее «разумные», которые не гнушались тем, чтобы отведать блюдо под названием «гомо са-

пиенс». Творческие работники нервничали, с опаской посещали столовую, но их все-таки «дегустировали». Пусть не постоянно, а через день, в лучшем случае — раза два в неделю...

Укушенных пичкали уколами от бешенства, иногда даже и тех, кто был очень «внимателен» к этим собачьим бомжам и ругал всех, кто не «сюсюкал» с ними: «Ах ты, моя красавица!», «Ах ты, моя хорошая!», «Ах ты, моя умница!»

(При этом такие защитники «красавец», «хороших», «умниц» ничего не делают, чтобы освободить их от блох, гноя в глазах, никто из этих сердобольных «влюбленных» в несчастных собак не взял ни одну из них в дом. Наоборот, всячески охраняют своих болонок, такс, фоксов и прочих «интеллигентов» от общения с этими потрясающе сообразительными собачьими бомжами... Фарисейство людское неистребимо!)

Симпатичный молодой мастер художественного пера, инженер человеческих душ постоянно носил с собой баллончик с газом. Но на территории Дома творчества баллончик предназначался для защиты от четвероногих «красавиц» и «умниц».

Директора Дома творчества собаки не кусали — признавали в нем своего начальника. А он обещал всем укушенным «предпринять меры». Но никто не знал, какие именно он «предпримет меры», и все «отдыханцы», окруженные «милыми умницами», удивлялись только, что директор никаких не «предпринимает мер»... А собачки — «ах вы, мои хорошие!» — кусались, кусались...

Я подумал, что кусачая деятельность «ах, милых моих!» способна значительно сократить количест-

во литературных произведениях... Укушенный писатель мог пренебречь медицинской помощью и на ближайших, всегда горячих собраниях своих коллег начать кусать инженеров человеческих душ. А те, в свою очередь, начнут рычать и бросаться на домашних людей и животных, и, если в семье кусающегося есть собака, между ними могут возникнуть очень неожиданные взаимоотношения.

Вариант первый. Собака может приветствовать писателя как превратившегося в своего родича.

Вариант второй. Собака может ополчиться на кусачего и рычащего бывшего хозяина и охранять от него остальных членов семьи, не потерявших человеческий облик.

Вариант третий. Если домашняя собака кобель, он на почве ревности может уйти из дому: может понять поведение хозяина как желание взять на себя его кобелиные функции по охране дома.

Вариант четвертый. На почве ревности кобель может загрызть своего осособившегося хозяина, что, кстати, в наше цивилизованное время происходит частенько.

Вариант пятый. Собака может не подпускать рычащего хозяина к местам хранения ее специального питания, так как поймет, что преобразившийся человек не станет больше интересоваться продуктами питания, предназначенными для двуногих вертикалов...

Один мастер пера, еще не укушенный, прочел мне свою заметку для журнала «Крокодил»:

«Быть может, есть смысл отдать Дом творчества собакам, оставив для них кухню, повара и официантов, медпункт, киноэкран, охрану и бухгалте-

рию. Быть может, есть смысл директора временно перевести на другую работу, пока работники Министерства просвещения и кто-нибудь из наших или закордонных дрессировщиков не добьются того, чтобы "милые, хорошие, любимые" научились сидеть за столом, есть с помощью вилок и ножей, спать в постелях разных номеров, предоставленных кобелям и сучкам в зависимости от их породы, экстерьера, начитанности и манеры поведения... Когда же они, "милые красавицы и красавцы", научатся писать — ударение на букве "а", а не на "и", — вот тогда можно будет вернуть директора, чтобы он оберегал собак от людей».

Заметка мне понравилась тем, что она очень добрая и защищает права «очаровательных, милых и хороших».

Одна весьма респектабельная дама в несколько более чем среднем возрасте набросилась на меня чуть ли не с кулаками за то, что я посоветовал директору раздать собачек-бомжей таким, как она, сердобольным, чтобы они забрали их с собой, или попросить какие-нибудь другие организации освободить творческих работников от необходимости носить с собой газовые баллончики... Дама, которая чуть ли не врукопашную ринулась на меня, да так рьяно, что набок сполз ее блондинистый парик, вдруг даже заплакала — то ли от моих предложений, основанных на международной практике в деле взаимоотношений с дикими собаками, то ли оттого, что оголились редкие седоватые волосочки... Она была так активна, что собачки, которых она только что угощала недоеденным ради них обедом, стали лаять на нее... Пораженная предательст-

вом «милых, ах вы, холосеньких», она ретировалась в свой номер, где взаперти безвылазно сидела и ждала ее покорная такса.

В последние дни моего пребывания в Доме творчества (я уехал оттуда на двенадцать дней раньше окончания положенных мне по путевке двадцати четырех из-за того, что не очень люблю уколы) я не встречал седую даму с блондинистым париком ни на аллеях парка, ни в столовой. Потому спросил: «А где моя боевая подруга?» Оказалось, что даму серьезно покусала собака и ее увезла «скорая». Перед отъездом она кричала: «Безобразие! Развели здесь черт знает что! Диких собак надо отравить! Куда директор смотрит?! Пусть он всех собак возьмет к себе в дом!»

Я робко спросил: «А может, это у нее припадок бешенства?»

То, что собаки иной раз обладают совестью в большей мере, чем человеки, знают не все, а многие в этом просто сомневаются.

Рассказ английского писателя Самуэля Смайlsa (1816—1903): «Однажды в темную ночь сторожевая собака, выбежав из будки, вцепилась зубами в проходившую мимо старуху и, когда та закричала, с ужасом отскочила. Очевидно, она узнала в ней по голосу ту старуху, которая обыкновенно кормила ее. Если бы она могла говорить, то, наверное, воскликнула бы в отчаянии: «Какое я злое и неблагодарное животное! Укусить ту, которая всегда ласкала и кормила меня!» И собака была настолько пристыжена своим поступком, что целых три дня не выходила из своей конуры, даже когда ее звали есть, пока наконец старуха не помирилась с соба-

кою. Это привело последнюю в восторг, так что она осыпала своего старого друга бесчисленными выражениями любви и признательности».

И снова Самуэль Смайлс: «Из всего видно, что в животных отражаются многие человеческие качества... Мы являемся в глазах собаки каким-то высшим существом, которое она считает за Божия наместника, уполномоченного принимать от нее поклонение, любовь и преданность, а потому и сами мы должны быть ее верными защитниками и покровителями».

Вальтер Скотт рассказывает в своем «Дневнике» о собаке, спасшей своего хозяина во время пожара: «Лорд Фореб проснулся однажды в своем горевшем замке, полузадушенный дымом, с уже слабыми признаками жизни. Уже комната его была полна огня и дыма, когда его огромная собака вскочила к нему на постель и, схватив его за рубашку, вытащила на лестницу, на свежий воздух, где лорд пришел в себя и поспешил спастись».

Удивительное создание встретилось мне в деревне Лобаново Островского района Костромской области. Деревня расположена метрах в восьмистах от Дома творчества «Щелыково». Как-то из подворотни выскочила маленькая, взлохмаченная, со злым выражением глаз-пуговок собачонка и стала что есть мочи меня облаивать, пытаясь ухватить зубками за штанину. Я, отбиваясь как мог, сумел вытащить из пакета еще не остывшую сосиску и кусочек хлеба с маслицем и бросил это лакомство прямо перед носом собачки. Недолго думая, «зверь» весом граммов на триста схватил гостинчик, буквально проглотил его и снова набросился

Зоопарк

на меня с еще большим остервенением. Из дома вышла пожилая женщина, прикрикнула на собачонку, и та, зло оглядываясь на меня и облизываясь, поджав хвостик, ушла за дом, оставив меня в покое.

Прошла неделя. Иду я на рыбалку, и снова через деревню Лобаново. Неожиданно передо мной появилась та же собачонка-скандалистка и... виляя хвостиком, попискивая и часто валясь на бок, а затем вскакивая на ноги, не просила — я это чувствовал и видел по выражению глазенок, — а извинялась. Я ответил ей ласковыми словами, потрепал ее волосики на хрупком тельце и продолжил свой путь к реке... Собачка не покидала меня ни на секунду, все время виляя хвостом, и провела рядом со мной все время моей рыбалки — до глубоких сумерек.

Возвращался я в Дом творчества опять же через деревню, где жила собачка, но она проводила меня до Щелькова и лишь по моей просьбе: «Иди, пожалуйста, домой! Домой!» — потихонечку поплелась обратно.

ФРАНТИК

Этюг из серии «Патриоты»

Кто испытал привязанность к верной и умной собаке, тому нет нужды объяснять, какой горячей благодарностью платит она за это. В бескорыстной и в самоотверженной любви зверя есть нечто, покоряющее сердце всякого, кому не раз довелось изведать вероломную гружбу и обманчивую преданность, свойственные человеку.

Эдгар По

Серафима Михайловна не пропускала ни одной передачи «Дог-шоу». Смысленность и преданность человеку четвероногих существ покоряли сердце одинокой женщины. Она не решалась заводить в доме ни попутайчика, ни кошечки, ни собачки, так как была дамой очень занятой и часто и надолго уезжала за границу по делам научно-исследовательского института, в котором работала. Особенно милы ей были небольшие пудели, очень вычурно, смешно и обаятельно постриженные — каждый песик соответственно фантазии своего хозяина.

Серафима Михайловна отправилась в двухгодичную командировку в греческий город Салоники... Встретилась там со знакомым ей товарищем покойного мужа, греком по национальности, уехавшим в свое время в Грецию с родителями и большой группой греков-коммунистов из Узбекистана.

Встреча стала судьбоносной, так как состоялась свадьба. Товарищ мужа оказался вдовцом и состоя-

тельным бизнесменом... «Молодая жена» переехала из гостиницы в просторную квартиру «молодого мужа», по-своему обустроила ее и, оказавшись в новых, комфортных жизненных условиях, вспомнила... да, да, да... вспомнила любимых пуделечков и загорелась желанием обзавестись щенком, воспитать его, по-своему постричь и наслаждаться присутствием в доме любимого четвероногого дружка. Муж охотно согласился с этой идеей, и, так как в Греции трудно было достать пуделя, о котором мечтала хозяйка, пришлось по телефону связаться с московской подругой и попросить приобрести породистого щеночка.

Не прошло и недели, как подруга сообщила, что щенок куплен, и за немалые деньги, что родословная с указанием имен папы, мамы, бабушки и дедушки приложена, что мордочка у него удивительно симпатичная, что кормит она его из бутылочки с соской и рассказывает ему, что он скоро станет греческим песиком.

Руководство научно-исследовательского института вдруг приказало Серафиме Михайловне на шесть месяцев выехать из города Салоники в Италию, в качестве представителя по решению неотложных обоюдоважных научных проблем... Прилет Франтика (так по телефону велела Серафима Михайловна величать своего песика) в Грецию задержался, и в течение полугода воспитанием Франтика занималась подруга Серафимы Михайловны. Собачка оказалась чрезвычайно умненькой, ласковой, послушной.

Сообщение о возвращении Серафимы Михайловны в Салоники, о высылке приглашения и денег

на авиабилет подругой было воспринято с некоторой грустью, так как она привязалась к Франтику.

Неделя, проведенная подругой в Салониках, была насыщена удивительно интересными экскурсиями: она успела посмотреть развалины древнего театра на воздухе с сохранившейся феноменальной акустикой, разные музеи, пригороды, старый и новый город, побывала в театрах, в кинозалах, в хороших ресторанах, и все было бы восхитительно, если бы не огорчил всех своим поведением Франтик.

Франтик постоянно тихонечко попискивал и подвывал, держался только у ног подруги Серафимы Михайловны и слушался только ее, не принимал ласк ни Серафимы Михайловны, ни ее мужа... Все решили, что странное поведение собаки — явление временное, что после акклиматизации почувствует она себя комфортно и привыкнет к новым хозяевам. Но... все оказалось не так!

Окруженный повышенным вниманием новых хозяев, Франтик тем не менее отказывался спать на тепленьком, мягком месте, отказывался от еды в серебряной мисочке и только ночью, тайком притрагивался к еде и воде... Целыми днями сидел под диваном и на имя свое не отзывался.

Серафима Михайловна чуть не плакала. Все ее хлопоты ни к чему не приводили, а мужа ее собачка даже укусила за палец, когда тот пытался вытащить щенка из-под дивана. Так как Франтик помыть и поправить свою стрижку не позволял, он стал похож на голодную, немытую, злую собаку и потерял свое обаяние. Оживлялся он, лишь слышав имя

подруги Серафимы Михайловны — Надя: то бросался к входной двери, то выползал из своего укрытия и внимательно смотрел на новых хозяев, как бы спрашивая: «Где Надя?»

Серафима Михайловна прекрасно понимала, что Франтик считает Надю своей «мамой», а заметить ему «маму» никому не удастся.

Феноменальное понимание человеческой речи продемонстрировала собачка при разговоре о необходимости отправки ее в Москву, к Наде: Франтик выходил из укрытия и даже, если Серафима Михайловна бывало всплакнет, подходил к ней и лапкой осторожно притрагивался к ее ноге, но в руки не давался. Мужа ее ненавидел и при его приближении всякий раз рычал...

На семейном совете было принято окончательное решение отправить собаку в Москву. Оставалось получить согласие Нади взять собаку навсегда... Позвонили в Москву.

— Ой! Милая Серафима, я извелась без Франтика! Жду, жду его.

С помощью нашего посла в Афинах Надя через три дня была в Салониках.

Описать встречу Франтика со своей «мамой» словами невозможно! Здесь нужны и музыка нескольких оркестров, и яркое солнце, и колокольный звон, и хор лающих собак, и черт-те что еще!

Маленькая собачечка допрыгивала до Надиного лица, она и пищала, и визжала, и лаяла, позволяла всем брать себя на руки, облизывала лица, даже лицо ненавистного мужа Серафимы Михайловны, позволяла помыться себя, постричь, причесать и завить!

Все сели за стол. На четвертом стуле чинно восседал Франтик. И с удовольствием из любых рук принимал угощения; даже кусочек пирожка, смоченного в сухом вине, слопал, когда сидевшие за столом чокнулись и выпили за его здоровье. Надя скомандовала: «Голос!» — и Франтик радостно залаял.

Когда объявили посадку на рейс Афины—Москва, Надя взяла на руки пуделечка:

— Ну, прощайся, сыночек! Погостил, пора домой! Хорошенького понемножку!

О, чудо! Франтик «целовался» с Серафимой Михайловной и с ее мужем, а заодно и с Надей и, счастливый, попискивал...

Муж Серафимы Михайловны сказал:

— Франтик не пищит, а говорит; знаете, что он говорит?.. «Не нужен мне берег турецкий, и Греция мне не нужна».

И тут же Франтик его «поцеловал». Серафима Михайловна плакала:

— Только сейчас, когда мы расстаемся, Франтик ведет себя так, каким я мечтала его видеть всегда!

Франтик стал вылизывать слезы на щеках своей временной хозяйки.

Надя устроила Франтика в спортивную сумку, тот безропотно улегся на дно и затих.

...Самолет набрал высоту... Счастливая собачка возвращалась на Родину!

ПОЦЕЛУЙ ВОЛКА

Животные суть не что иное, как прообразы наших добродетелей и пороков, блуждающие перед нашим взором призраки наших душ.

Виктор Гюго

Петр Мартынович Алейников... Великий актер. Он был очень любим народом. Никто другой из артистов того поколения не пользовался такой популярностью, как он, — никто!

Он был одаренный Богом человек с гипнотической силой обаяния! Его манере говорить с истинно русской мелодикой многие его коллеги (сами за собой и не замечая этого), находясь под его влиянием, явно подражали.

Его в зоопарке лизнул (поцеловал, значит) волк!

Петра Мартыновича уже давно нет с нами... Я живу около зоопарка, и именно в том доме, где когда-то была квартира Алейникова. Даже в том же подъезде... Часто заглядываю в зоопарк, и мне всегда страшно смотреть на тюрьмы для животных.

Познакомился со сторожем. Он рассказал мне, что был хорошо знаком с Алейниковым. Тот часто приходил к нему рано-рано утром, до открытия, и немного пригубливал заготовленное сторожем загодя горячительное. Потом гулял по территории,

подружился с волком Нориком. Сначала просто наблюдал за ним, любовался. Затем стал с ним разговаривать, угощать, бросал в клетку что-нибудь вкусненькое: колбаску, сырок. Как-то дал волку кусочек хлеба, смоченного в водке. Тому понравилось. Дружба крепла. Зверь стал брать гостинчики прямо с рук и... в один прекрасный день лизнул — поцеловал дружка. Сторож видел это. Видел, как Мартыныч еле-еле сдержал слезы и каким-то порывистым доверительным шепотом произнес, почесывая бок хищника: «Норик, ты лучший среди людей...»

ПИНГВИНЕНОК РАБУРДЭН

Драматический театр имени К.С. Станиславского готовил спектакль по пьесе Эмиля Золя «Наследники Рабурдэна». Мне долго не давалась роль дядюшки Рабурдэна. Я молодой артист двадцати четырех лет, а моему персонажу под восемьдесят. Хитрый старик, обжора, толстяк, окруженный алчными наследниками, соперничающими в подхалимаже.

Поиски, поиски... Необходимы какие-то особые краски, характерные детали, походка. Перебрал все свои наблюдения. Отчаяние... И вдруг звонок моего любимого учителя, дорогого Алексея Денисовича Дикого.

— Алло! Здравствуйте, молодой человек. Сообщение информбюро: в зоопарке на площадке молодняка появился (впервые в Москве) пингвиненок. Присмотритесь к нему внимательно. По-моему, он вылитый дядюшка Рабурдэн!

Мчусь в зоопарк. Признаюсь, недоумевал: при чем тут старый, хитрый француз-южанин и малыш-детеныш из Антарктиды?!

Вот площадка молодняка и вот пингвиненок! Ах ты, мой красавчик! Ах ты, обаяшка! Я всегда считал, что в природе ничего не может быть милее щеночка, котеночка, медвежонка, белочки... Но нет! Пингвиненочек всех превзошел. Симпатичнее никого нет на всем белом свете! Маленький человечек: ходит чуть покачиваясь на ножках-ластах, а вместо ручек, как бы обнимающих свое тело, тоже ласты; беленькая манишка, выразительные глаза, прическа с игривым хохолком, большущий нос-клюв «а-ля де Голь», абсолютное бесстрашие, детское человечье любопытство, предельная доверчивость, ворчливое пофыркивание. Того и гляди вот-вот скажет: «Привет! Жарко тут у вас!»

Рядом с «приедем» — маленькая-маленькая собачечка, непрерывно гавкающая на несуразного, вертикально передвигающегося незнакомца. А этот джентльмен в белой манишке внимательно, с каким-то благородным состраданием смотрит на разгулявшуюся шавочку, ждет, когда она приблизится настолько, чтобы можно было достать ее ручкой-ластой. И — хлоп ее по мордашке! Кутенок — кувырк с лапок! На мгновение замолкает, потом встает, энергично отряхивается всем своим комочком, вздыхает глубоко, как ребенок, и... снова принимается за работу: облаивает заморского гостя до очередного нокаута. И... опять все снова...

К прутьям ограды прижался «мужчина» четырех-пяти лет от роду, протягивает в сторону представителя Южного полюса конфетку, повторяя бесконечное «на, на, на, на», подзывает его к себе. Приезжий фат не торопится подходить к «мужчине», который ростом чуть-чуть больше его самого,

внимательно осматривает предлагаемое (никто из присутствующих не знал и не подсказал, что пингины, кроме рыбы и прочих морских яств, ничего не едят), смешно принюхивается, фырчит и, осудительно глянув на маленького «мужчину» и смешно кашляя, покачивающейся походочкой, оглядываясь на обманщика, удаляется в дальний угол вольера, отвесив на ходу очередную оплеуху охрипшему и очень уставшему от лая щенку. Тот в очередной раз не удержался на ногах, но подниматься не стал и через минуту... заснул. Не дождавшись, когда поднимется на ноги этот нестрашный враг, носатый боксер удивился такому развитию событий, тихонечко приблизился к спящему комочку и сострадательно стал его разглядывать. Вдруг песик зевнул, на секунду отрыл глазенки, увидел чудище с Южного полюса и... дружески завилял хвостиком... Еще раз зевнул и снова погрузился в сладкий сон...

На следующий день — у меня очередная репетиция в театре. Я пришел часа за два до начала. Вылепил себе огромный нос, причесался «а-ля пингвин», попробовал его походку — коротенькими шажками, — прижал локти к туловищу и стал жестиковать только нижней половиной рук. Получилось нечто похожее на движение ласт... Добавил фыркание, осудительный взгляд, быстро сменяющийся на любопытствующий, попробовал морщиться — словом, пытался скопировать, как мог, милого пингвиненочка.

Бедный, он никогда не смог понять, что стал соавтором роли, которая принесла мне широкую известность среди московских театралов. Спасибо тебе, маленький мой малыш!

Началась репетиция. Свои пингвинские находки я вынес на сцену и... получил активное одобрение. Все расспрашивали, где это я подсмотрел такого оригинального человечка. Никто не верил, что прототип — представитель животного мира. Спектакль имел большой успех. Знаменитый артист Владимир Яковлевич Хенкин подарил мне торт с надписью из крема: «Старость перед молодостью пас». Оказалось, что Владимир Яковлевич мечтал сыграть эту роль, но, увидев в ней меня — молодого артиста, резвого, подвижного, да еще в сложном рисунке с большой физической нагрузкой, решил, что в его солидном уже возрасте трудно реализовать свою мечту...

Чего греха таить, я гордился тортом от самого Хенкина. Но согласен с ним не был: он мог и должен был сыграть свою мечту, предложив свое решение. Разве нельзя было играть дядюшку Рабурдэна этаким «рамоли» с одышкой, еле передвигающимся и очень стареньким, но активно хитреньким притворой? В исполнении Хенкина это не могло не быть убедительным, не могло не быть смешным...

А самое главное во всей этой счастливой для меня творческой истории — подсказка гениального Алексея Денисовича Дикого! Спасибо, дорогой мой дядя Леша!

Здесь уместно вспомнить слова мудрого немецкого педагога прошлого века Адольфа Фридриха Дистервега: «Плохой учитель преподносит истину, хороший учитель ее находит...»

РЯДОМ ЦЕЛЫЕ МИРЫ

*Высокомерие человека
мешает познать ему
многое в животном
и других мирах.
Аристотель*

Сажу на берегу Москвы-реки, жду поклевки. Весь — внимание. Из-за куста выпрыгивает большая пучеглазая лягушка, устраивается на камушке. Начинает пугать меня, надувает свои щеки и глядит прямо мне в глаза. Я ей — «уходи», она в ответ — «ква». Я ей — «ква», она мне — «ква-ква» и опять «щеки» надувает. Я осторожно палочкой скинул ее с камушка. Она обратно вскарабкалась на него — «ква». Я ей — «ква-ква-ква», она точно три раза в ответ. Я два «ква», и она — два. Я — один, и она — один. Тогда я замолчал. Прошла минута-другая, и началось: целый монолог она выдала, да еще подпрыгивала. Зверь! Пришел я на следующий день на то же самое место, и та же лягушка появилась на том же камне, и снова разразился скандал между нами.

Потом мне объяснили, что у нее, очевидно, неподалеку был выводок лягушачий и она меня попросту прогоняла!

Не раз наблюдал я один и тот же сорочий спектакль. Идешь по тропе или дороге, вдруг перед тобой подстреленная сорока: прыг-прыг. Крыло беспомощно волочится, прыг-прыг. Манит к себе. Подходишь — прыг-прыг от тебя... И так метров сто... Потом вдруг с каким-то птичьим хохотом, как ни в чем не бывало, элегантно помахивая здоровыми крыльями, улетает! Оказывается — уводила от гнезда! Сорока — актриса прекрасная!

На одну ворону я очень зол. На Пестовском водохранилище, под Москвой, стоило мне отойти метров на пятьдесят от своего рюкзака, как она мгновенно налетела на него, разворошила все, что в нем было, и в когтях унесла кусок сыра в 400 граммов.

Зол я на нее за ее жадность. Ну, оставила бы нашей компании половину, ну, треть. А то 400 граммов — одной вороне! Нечестно!

Рядом целые миры! Рядом миры животных, растений... Мир сороки, вороны, лягушки, разных рыб. Отзвук всего животного на ветры, температуру, и влажность, и солнечные лучи! А мы ищем миры в неземном пространстве, не изучив миры на Земле.

РАССКАЗ-ТРИПТИХ

А. Рыбинспекция поймала на месте преступления браконьера с восемью килограммами разной рыбы, отобрала сети — одну десятиметровую, другую — пяти, небольшой подъемник — два метра на полтора... Вызывали, корили! Составляли акты и описи... Оштрафовали на солидную сумму.

Вскоре рыбинспекция отмечала какой-то праздник, а заодно и торжество закона о справедливости в деле борьбы с браконьерством. Выловили конфискованными сетями сорок килограммов великолепной рыбы, в двух ведрах на костре сварили тройную уху: в каждом ведре по два раза три-четыре килограмма мелочи — подлещиков, густерок, красноперок, ершей, плотвиц, а затем в наваристом, душистом бульоне (отварная мелкая рыба выбрасывается в речку) варили деликатесную рыбу: щук, судаков, сазанов, голавлей. По мере надобности процедуру повторяли и кто-нибудь из блюстителей порядка дополнительно привозил на мотоцикле или на моторной лодке на Руси всегда не хватаю-

щего для полной «плепорции» горячительного... Гуляли трое суток, появились женщины и представители власти из неподалеку расположенного села, рыбы выловили еще килограммов пятьдесят... Но самое милое, лишь в христианской России возможное: разыскали провинившегося браконьера, пили за его здоровье, осуждали его проступок, но обнимались, лобызались, обещали в следующий раз, если попадетсЯ, штрафовать только «натурой», то есть водочкой и пойманной рыбкой, и всё!.. Во время расчудесного времяпровождения не заметили, как, когда и куда подевалась маленькая, тихонькая женщина, может быть пьяненькая, бедняжечка, во время пира уже зачавшая от кого-либо из красавцев мастеров ухи и порядков на водах... Спыхватились, покричали: «Любанька! Лю-у-боч-ка-аа-а! Лю-у-бонь-ка-ааа-а!» — и никто не ответил... Закадычная подружка сказала: «Бабенка она хоть и маленькая, да удаленькая — могла потихоньку домой уйти, рыбки свеженькой своим отнести...» В общем, покричали, покричали, не докричались, расплзлись, разъехались, расплылись... Вечером, кстати, по телевидению показывали, как дельфины спасают тонущих людей...

...Месяца через полтора большущая плавающая «машинерия» дно чистила и достала большим ковшом старую корягу и зацепившуюся за сухие, ключие ее ветки... Любаньку!!! Все, конечно, опознали ее...

Про трехдневную «тройную уху» никто и не вспомнил... Ну, дураки же люди! Подозрение пало на ее мужа: он бил ее частенько, вот она, дескать,

«по этой причине и утопилась»... Может, и так, да кто ж его знает... Он жену иногда бил, конечно, но любил... Затем запил и в дом умалишенных попал, там и помер, бедный...

Подружки живут-поживают, добра наживают, рыбинспекция бдительно плавает по реке, браконьеры, хоть и трясутся, но рыбу ловят, жизнь течет по разным извилистым фарватерам, водка продается, школы работают, новые люди на свет появляются, правда реже, чем раньше, и многие — с брачком...

В. Даже у хищников есть как бы продуманная организация и система охоты, уважение к старшим, признание преимущества опытных, сильных, есть «наука» — воспитание малышей... Мы же повсеместно, даже в зоопарках, мешаем животному миру, к которому сами принадлежим, в то время как многому у братьев меньших должны учиться! Наше продвижение к прогрессу — ловушка! Кто нужнее планете — самоуверенные, говорящие и пишущие или, скажем, безмолвные муравьи?? Кто трудолюбивее? Кто дисциплинированнее? Кто чище? Проигрывают по всем статьям — человеки!

С. Когда человеки настреляются вдоволь друг в друга, в себя, отравят и убьют последнюю зверюшку, птичку, рыбку — а в этом виде деятельности человек куда активнее, чем в деле продолжения даже своего потомства, — вот только тогда поймут, что указами, приказами, заседаниями, обещаниями, ускоренным процессом строительства лич-

ных дач, количеством растущей охраной охраняемых, деньжищами в карманах — ну, никак не «накушаешься» и не «напьешься»!

Антуан Риварэль (1753—1801, французский писатель): «Самые образованные народы бывают так же близки к варварству, как наилучшее отполированное железо близко к ржавчине».

ПОКЛОННИК КИНО

Шестидесятые годы. На съемках фильма «Стежки-дорожки» под Винницей требовалось снять взрыв. По сценарию, пожарные спешат на конной тяге, несутся мимо речки, не справляются с поворотом — люди вылетают из телег на землю, а кони влетают в речку. Кто-то роняет сигарку, сигарка падает на толовые шашки — взрыв!

Договорились, что весь эпизод снимут на колхозном озере в местечке Селище. Почему там? Потому что неглубоко, можно все озеро пройти вброд, ни лошади, ни люди не утонут. Риск невелик. Председателя успокоили: если погибнут какие-нибудь утки или гуси во время взрыва, то киностудия заплатит за каждую птицу по рублю, а мясо и пух-перо останутся колхозу.

Председатель — полный, обаятельный, любитель кино и поклонник многих актеров — хорошо отнесся к киногруппе:

— Спасибо, шо до мэнэ прыхали. Весь Советский Союз побачит моих уточек, гусей. Давайте швидче снимайте, там уже стол накрыт.

На берег высыпал весь колхоз — зевак на съемках всегда много. Молодой режиссер подозвал тоже молодого пиротехника, велит готовить взрыв.

— Сколько толовых шашек ты там зарядыв?

— Три шашечки, — отвечает пиротехник.

— Та шо это за взрыв с трех шашечек? Давай штук сорок.

Боже мой, если б мы, фронтовики, знали!

В два мешка положили двадцать толовых шашек, подвели бикфордов шнур. Началась съемка. Команда «Мотор!».

Раньше времени — взрыв! Все взлетело, стало темно, лошади на дыбы — скачут назад! Вода, грязь, летают перья. Когда все осело, глянули — люди мокрые, в грязи, гусей нет, уток нет. И озера нет — пустой котлован. Мокрый, бледный председатель колхоза весь в перьях, как индеец, подошел к режиссеру и спросил: «А як же ж з мясом?»

ВАСЯ И ЛЕВ

Главный режиссер Московского цирка А.Г. Арнольд после представления в вольере зверей:

— Весник, ты типов разных собираешь в свою устную актерскую записную книжку. Пойдем, я тебя познакомлю с феноменальным человеком. Он сторож при животных. Васей его зовут. Ему скоро семьдесят девять лет. Все слова он говорит через букву «р», да еще грассирует. Звучит очень эффектно и неожиданно. Невероятно смешно, когда поет свою любимую песню «Э-эх, ухнем», подражая Шаляпину, но все слова с обязательным «р-р-р-р». Во-он в углу видишь медведя? Жуткий баловник, просто хулиган, но талантливый артист. Шумит, рычит, фырчит, цепью гремит, никого не боится. Боится только обнаженного по пояс и наступающего на него с перекатывающимися по телу бицепсами Григория Новака*. Тогда замолкает, ложится на пол и покорно, заискивающе смотрит на

* Знаменитый атлет-циркач послевоенных лет.

чудо-богатыря. А уж когда к нему подходит дядя Вася и рычит на него своим «р-р», мишка прижимает уши к голове, забивается в угол и боится посмотреть на рычащее «чудище».

Познакомился я с дядей Васей.

— Ты женат?

— Др-р-ра, — то есть — да.

— Дети есть?

— Др-р-р-рвор-р-ре, — что значит: двое.

— Любишь их?

— Др-р-р-р-ра. Нр-р-р-ро лър-р-р-р-р-р-р-рва люр-р-р-р-р-р-р-р-рбир-р-р-рл нр-р-ре мр-р-ренър-р-р-р-рше, — что означает: но льва любил не меньше.

— Какого льва?

Дядя Вася объясняет, что был персональным сторожем циркового дрессированного льва. К концу рассказа у него появились слезы на глазах. Признался, что во время Отечественной войны у льва мясо воровал, благодаря чему семья дяди Васи выжила, а царь зверей Богу душу отдал.

Дядя Вася заплакал. Завыла собачка, за ней захрюкала свинья, заволновался гусь, мишка сочувственно зафыркал... Вошел силач Григорий Новак, напугав мышцу, и все смолкли. Мишка испуганно прилег. Дядя Вася прекратил плакать и на прощание сказал, что перед Богом чист, потому что батюшке покаялся и с давних пор в день смерти кормильца льва раздает всему зверью мяса, рыбки и сладостей. Прощаясь со мной, тяжело вздохнул, и на выходе у него выпорхнула стая — «р-р-р-р-р-р-р».

КИ-КИ

В 1987 году Малый театр, где я тогда работал, гастролировал в Мексике. Осматривая Мехико, группа артистов и переводчик заглянули в зоопарк. Там нас познакомили с женщиной, ухаживающей за слонами, и мы узнали от нее удивительную историю:

— Это моя любимая слониха Ки-ки. Два года назад умер ее «муж» Панчо. Видите двух слонов в соседнем вольере? Мы создавали все условия то одному, то другому для объяснения в любви Ки-ки. Что только они не делали! И еду ей всю отдавали, и водой ее поливали, и ласкали хоботами ее лоб, уши... А она — ни в какую! Мало того, как только ухажер заходил с тыла, она быстро разворачивалась и убегала. Однолюбка!

Она моя помощница! У меня болела бабушка, полуторагодовалую дочурку дома было не с кем оставить, и я приносила ее с собой сюда. Сажала в глубокую коляску, из которой она не могла выкарабкаться, и оставляла с Ки-ки. Слониха видела, как я качала девочку, чтобы она уснула, видела, как я забавляла ее погремушками, и Ки-ки... вы не поверите... стала

проделывать то же самое, когда я отлучалась по работе. Однажды я принесла большую охапку вкусных веток — любимых Ки-ки — и снова отлучилась. Вернувшись, была потрясена увиденным: почти все веточки лежали в коляске моей дочурки: Ки-ки делилась лакомством с девочкой! Когда я утром приближалась к вольеру с коляской, в которой сидела дочка, слониха приветливо трубила. Пробовала ее обмануть из любопытства — катила в вольере пустую коляску, но слониха ни разу не «здоровалась» с ней, видя или чуя отсутствие дочки. Как не любить Ки-ки!

Дочка моя без Ки-ки жить не может, даже во сне с ней разговаривает. Если долго не видит, плачет. Сейчас ей два с половиной годика. На вопрос директора нашего зоопарка: «Кем ты хочешь стать?» — сразу ответила: «Ки-ки». А незнакомым людям, когда они спрашивают: «Как тебя зовут?» — отвечает: «Ки-ки». Детей всегда ведь «пытают» нелегким для них вопросом: «Кого ты больше всего любишь? Маму?» Так вот моя дочка отвечает не задумываясь: «Маму и Ки-ки». — «А папу?» — «Папу тоже... И Ки-ки». Мы даже стали ревновать ее к слонихе. Дело дошло до того, что дочурка не хочет, чтобы ее называли именем Элен, а отзывается только на имя Ки-ки. Когда спрашивают: «Так кто же ты? Элен или Ки-ки?» — дочка представляет пальчик к губкам, тянется к уху задавшего вопрос и шепчет: «Я слон». И счастливо смеется...

Вот я простая женщина, но когда подумаю о том, что детей бьют, плохо кормят, отказываются от них, крадут, даже убивают, то невольно приходит мысль о том, что слоны более «человечны», чем мы, они более умны, они честнее нас. У них мораль высшая и нравственность настоящая.

МАЛЫШ И МИЛИЦИОНЕР

*Рассказ
Анны Владимировны Дуровой*

В 1950-х годах в Уголке имени В.Л. Дурова жил да был молоденький симпатичный слоник. Ежедневно в шесть утра его выводили на улицу гулять. В нескольких сотнях метров от Уголка, если идти в сторону Центрального театра Советской Армии, расположена гостиница, у входа в которую всегда дежурил милиционер. Однажды на прогулке, когда слоник и сотрудник Уголка проходили мимо гостиницы, милиционер попросил разрешения дать «малышу» бутерброд с маслом и колбасой. Слоник осторожно-осторожно взял бутерброд своим хоботком и отправил его в свой «ротик», а затем несколько раз покачал головой — вверх-вниз, вверх-вниз... Поблагодарил, значит. Этому этикету его обучали в Уголке.

После такого братания с блюстителем порядка слоник стал вести себя весьма оригинально: выходя на улицу, он прежде всего оглядывался налево и, если видел угостившего его милиционера, шел сразу к нему, а если не видел своего друга на посту, по-

ворачивал в другую сторону. Слоник, хотя и ходил на веревке, и без того был очень дисциплинированным: при первой же команде «Домой!» выполнял ее беспрекословно.

Многие месяцы длились эти «отношения». Самым трогательным в дружбе работника МВД и слоника был момент расставания: вбросив в свою «доменную печь» очередной гостинчик — конфетку или булочку, яблоко или огурец, — слоник обнимал своего друга хоботом. При этом он прерывисто дышал — наверняка объяснялся в любви или клялся в вечной дружбе...

СЮЖЕТ ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЙ

Жил на Дальнем Востоке профессиональный охотник. Имел домик в тайге, мечтал о телевизоре, но вдали от цивилизации телевизоры не работают. Да и электричества-то в домике не было. Потому слушал охотник радиоприемник на батарейках, слушал весь мир, ведь приемник у него был очень сильный, японский.

В один год он хорошо заработал на шкурках, добытых на охоте, и решил поехать отдохнуть в Туапсе к знакомому, бывшему охотнику. И влюбился там. Женился, построил в Туапсе дом, истратив на это все свои сбережения.

Жена — бывшая партийная активистка — оказалась очень идеологизированной, и вскоре охотник устал от нее, а затем она и вовсе стала его врагом. Прожил он полгода в новом доме, плюнул на все и потихоньку удрал в тайгу...

Опять стал охотиться. Познакомился с приехавшими на Дальний Восток из Москвы участниками экологической экспедиции. Подружились крепко,

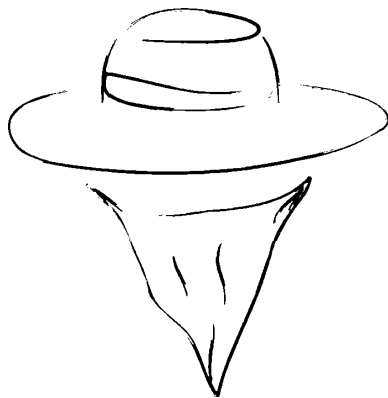
и охотника пригласили погостить в столице. Уехал вместе с учеными. В Москве устроился на квартире одного из них. Осматривал город, ходил по шумным улицам, ездил в переполненных автобусах, троллейбусах, метро... Возвращался оглушенный, уставший. Садился к телевизору. Насмотрелся по нему кошмара, безвкусицы, пальбы, жестокости. Наслушался политических мудрецов-болтунов. Да и в семье ученого мужа насмотрелся на распри... Поблагодарил за гостеприимство и уехал в тайгу...

Оставил хозяевам записку: «Две попытки приспособиться к цивилизации окончились неудачно. Буду жить и умру в тайге. Никуда из нее теперь шага не сделаю. Зверей я понимаю, а вот людей никак понять не могу. Мне кажется, что все сошли с ума. У меня его не так уж много, поэтому не хочу его терять. Так сказал я себе. Будьте здоровы. Извините, если что не так сделал, сказал. Когда вам совсем тошно делается — жду в гости. У нас в тайге быстро сбросите с себя все, что придумано вредного, безбожного, бесчеловечного».

Но к внешнему миру охотнику все же пришлось прикоснуться еще раз: написал в суд города Туапсе заявление с просьбой развести без его присутствия. Получил ответ — развели. Просили, правда, прислать деньги за судебные издержки. Выслал. И вздохнул с облегчением — свободен!

Приручил медведя... Счастлив.

Проклятие на мою жизнь

НОВЫЙ ДРУЖОК

Летом 1996 года в деревне Юрьево, где находятся наш маленький одноэтажный домик-дача типа ангарчика и старый-старый вагончик-склад, произошло ограбление: украли все банки с солениями (16 штук), штакетник старого забора, старый столб с электролампочкой на макушке, оборвали плоды с трех яблонь и двух груш...

Письмо: «Вор! Я понимаю — тебе понадобилось все то, что ты у меня украл! Понимаю... Но все же — зачем было красть? Зачем? Ведь кроме утвердившихся на Руси безбожных способов приобретения нужных кому-то Чужих Вещей, как то: арестовать человека и потом завладеть его жильем и хозяйством, при этом предварительно оболгав его, а затем, во избежание неприятностей, и расстреляв его, и многих других способов приобретения, — сохранились ведь (как бы ни противились этому бандиты-безбожники, в том числе и политики разных мастей) и добрые чело-

веческие взаимоотношения, и христианская мораль, и этика. Сохранились! Так ведь? Иначе человека уже давно не было бы на Земле — перегрызли бы все друг друга.

Я считаю себя христианином. И дело не в том, хожу ли я в церковь или не хожу, молюсь или нет, соблюдаю или не соблюдаю посты, ношу ли я на груди крест или нет... Дело не в этом, а в том, что я считаю Новый Завет великой книгой, а историю жизни Христа — образцом человечности, справедливости, благородства и скромности. Вот поэтому я и считаю себя христианином и только поэтому решил с тобою, вор, поговорить. Поговорить по душам, по-христиански, без всякой злости, без желания преследовать тебя, поймать и наказать...

Вот что я хочу сказать тебе. Пришел бы ты ко мне, поделился бы со мной, рассказал бы о своих бедах, нуждах, и, может быть, я сгодился бы тебе как советчик, старший товарищ (не поверю, что ты старше меня, — мне ведь 75 годков!). Мало того, может быть, я бы еще и поблагодарил тебя за то, что старый забор забрал и увез куда-то подальше, и полусгнивший столб заодно; а яблоки и груши сняли бы мы с тобой с деревьев вместе и поделились бы по-братски — хватило бы нам и на варенье, и на соки. И за все твои труды я бы, может быть, еще и деньгами одарил, и водочки бы выпили, как положено! А ты?.. Эх! Нехорошо!.. Кстати, на закуску открыли бы пару баночек с огурцами и помидорами, да и с собой бы тебе дали: дома бы пригодилось... Не ворованные,

а от друга нового подаренные... Я бы тебе из мебели отдал чего лишнего, семян бы дал хороших и разных...

Ты вот сам подумай, вор! Это ведь дьявол тобой руководит — ей-ей! — когда ты на воровство идешь! Не может тебя Господь на такое подвигнуть! Запомни: человек вором не рождается! Покайся, сходи в церковь — тебе батюшка грехи отпустит, и Бог простит тебя! Ты оживешь, человеком нормальным станешь, на душе полегчает... И будешь пользоваться всем тем, что люди хорошие за тысячелетия выстрадали. Пропадет у тебя желание поступать как мерзавец, антихрист и вор!»

Вот такой «манифест» написал я и подписался: «Гвардии старший лейтенант в отставке, инвалид 2-й группы, народный артист СССР Евгений Весник». И приписал: «Вот ты меня обворовал, а я тебя в гости приглашаю. Приходи — поговорим по душам. Я тебе много интересного расскажу и про войну, и про любовь, и про театр, и про то, как я бандита играл в фильме "Дело № 306". Приходи».

Прибил я письмо гвоздиком к входной двери домика-ангарчика. Обернул в полиэтиленовый пакетик и туда же еще лист бумаги положил и большими буквами написал на нем: «Вор, напиши и подсунь под дверь свой адрес, а если побоишься — позвони мне в Москву по телефону. Или ответ мне напиши и в пакетик этот вложи».

Надежды на то, что попадет мое письмо в руки вора, было мало. Но чем черт не шутит! Вдруг да попадет!

И черт пошутил — попало!

Пакет, в который я вложил свое послание, остался висеть на прежнем месте, но появилось ответное письмо, которое я и привожу здесь с сохранением стиля написавшего его.

«Уважаемый товарищ Весников! Извини мое хулиганство. Я сам себе извинить такое, что я натворил, никак не могу, а поэтому пишу это письмо. Если бы я знал такое, что это ваша дача, я, убей меня бог, никогда не хулиганичал бы. Загуляли мы, мужики. Закуски не хватило. Уж почти темно было. У нас "газель" была под рукой, ну и поехали добывать где чего попадетсЯ. Хмельные дураки мы были по-солидному. Подъехали к тому месту, где дачки москвичей стоят и ваша тоже, самая невзрачная. Место глухое, никто не живет, ни одного окна со светом не видать. Походили с фонариком. Глядим, яблони да груши необобранные. Обобрали. Тут же еще по стакану приняли, витаминами закусили. Глядим, на вагончике вашем замок больно уж сопливенький. Ну и решили заглянуть в вагончик — чего там хранится. Порушили замок и напали на консервы. Еще выпили, банки с собой прихватили. Один наш приятель говорит: "Смотри, забор. Ему лет тыща. Не к лицу московским такой забор иметь, а мне дрова нужны. Давай его в кузов завалим". Разобрали, завалили. Кто-то столб задел, а он еле дышит. Глядим, почти сгнило у него днище-то. Мы и его завалили в кузов. Когда ехали назад, он наполовину по земле

волочился. Провода сначала оборвали, лампочку я себе взял, горит. На следующей неделе пила понадобилась. Я снова к вашему домику поехал на велосипеде, потому что вспомнил, что под крыльцом у вас пила хорошая валялась. Гляжу, дома опять никого нет. Я пилу взял и письмо ваше увидел. Прочел я его всем нашим ребятам, которые тогда в краже участвовали. Вот один парень и говорит: "Вот так-так! Самого Сусика из «Трембиты» обидели! Надо прощения просить". Сказал он еще, что виноваты мы только за вагончик и за консервы, а все остальное мы вроде бы за него сделали, за вас то есть, потому как старый гнилой забор убрали, сгнивший столб увезли, а комнаты ваши в доме ведь не тронули. Ну, а если, говорит, он за яблоки и груши обидится, то зря, потому как они уж все попадали, а оставшие мы посрывали и от гибели их освободили. Это парень один все говорил, а я скажу за себя, что мне стыдно перед вами. Пилу я на место положил. Спасибо, выручили. Больше я на такие дела никогда ходить не собираюсь, да и ребята наши тоже вроде заклились. Но вот что главное от себя да и от всех ребят скажу. Мы все выросли в деревнях, в старых избах на куриных ножках. Деда наши воевали, погибали. Мы здесь поженились, у некоторых ребятня по дворам бегают. Мне, правда, уже 26 стукнуло, но пока не женился. В холостых гуляю. Все мы к колодцу ходим за водой, траву косим, бабы наши коров доят, а рядом домины, один за другим, в три этажа из красного кирпича вырастают за

заборами в два метра. Толку от тех, кто за заборами проживают, никакого! Ни людям, ни природе. Только мусор от них, шум да от ихних автомобилей гарь. С нами почти что никто словом не перекидывается, рожки от нас воруют, а вот за молоко, творог да яйца торгуются, на безденежье жалуются. Обидно ведь нам. Им дома да заборы в баловство, а нам — чтоб от их слюнки текли завидков. Вот иной раз набег и делают некоторые из нашего брата на эти хоромы. Кто стройматериал, кирпич стибрит, кто забор порушит. В деревне ведь все стодится. Конечно, бывает, и камешками пацанята стекла бьют. Я этим не занимаюсь, я механиком вкалываю на стройкомбинате. После вашего письма никогда больше на плохое дело не пойду. Живу в деревне следующей после вашего Юрьева. По шоссе 6 километров. Третий дом слева, спросите Петра Хохлова. Заходите. Никому о нашем безобразии не говорите. Прошу о том. Стыдно. Что надо будет сделать на участке, только скажите. Все будет сделано под ажур. Денег не надо, не возьму. Петр».

Вот такое письмо получил я. «Набег» был в прошлом году. За прошедший год Петя — симпатичный, белобрысый, с лукавыми глазами, с обаятельной улыбкой парень, вернее, уже мужчина, — помог мне крышу заново покрыть, выпал на тракторе весь наш небольшой участок, помог забор новый поставить, песку привез, яму перед въездом у ворот засыпал — дорогу для ав-

Покущение на мою жизнь

томобиль наладил. Молоко, яйца, творог нам на велосипеде привозит.

Подружились мы, на рыбалку вместе ходим... В гостях у меня в Москве побывал, на концерт вместе сходили...

Вот уж точно: не бывать бы счастьем, да несчастье помогло.

НОВАТОР

Москва. Двадцать два часа. Ни души. Б. Головин переулоч (Сретенка). Навстречу мне, но задом наперед, приближается человек. За спиной не то рюкзак, не то мешок...

— Дядечка...

— Ну... — Дядечка, крупно «отдохнувший», остановился. — Вы ведь смотрите вперед, а идете назад...

— Ну...

— Давайте обсудим эту проблему...

— Ну...

— Ведь как принято? Если мы смотрим вперед, то туда же и идем. Так ведь?

— Ну...

— А у вас как получается? Поднимаете ногу, а вместо того, чтобы идти вперед — туда, куда смотрите, — идете спиной назад...

— Ну...

— Может быть, вам лучше все делать наоборот? Развернитесь и идите тоже задом наперед, но туда, куда сейчас смотрите.

Покщение на мою жизнь

Мужчина уставился на меня мутноватыми глазами, и я услышал примерно следующее:

— Майриестита паркованя. Этинг брустититию лиям ее.. ха... да, да, да... милай!

— Что??? Не понял!!

Дядечка снова посмотрел на меня и подчеркнуто пренебрежительно, словно я глухой или нездешний, выговаривая каждую букву, сказал:

— Ма-ла-дой... ишо! Я воон там, уже давно повернул-ся!

ЛОПУХ

Первый. Эхх-ма! Я бы с удовольствием на полгодика лег в какую-нибудь больничку — за городом... Душа отдохнула бы от того, что кругом творится. Эхх-ма! Глаза бы мои не глядели. Охо-хо-хо! От радио и телеатак скрылся бы!

Второй. А куда и на что в основном смотрите?

Первый. Куда? Туда! На то, что целый день показывают и в газетах печатают... Надоело слушать, что кругом болтают... Душа устала... Противно все... все противно! Политики — болтуны никудышные, и другие разные людишки тоже... не того... шалтай-болтай... Иностранцы да Чечня нами правят. Вот в соседнем доме чеченец живет... хлюпик с усами, а подают ему, на работу чтобы ехать, длинный, как сосиска, «линкольн»... Или взять нашего завгара... На «мерседесе» катается... А завскладом — на «БМВ». Ну надо же, сукины сыны! Наш бывший участковый милиционер — то ли объелся, то ли больной, килограммов 150, не меньше, под кителем

передвигает — своя машина у него... Бардак! Так ничего у нас на Руси не получится!

Второй. А что получится?

Первый. А хрен его знает что!

Второй. Так, может, хрен и вышел?

Первый. Не скажи, нет-нет... Хрен! Хрен, братец ты мой, это штука знаменитая! Она и к мясу, и к квасу, и с похмелья хороша! Так что не хрен вышел, а, ха-ха-ха, лопух, вот что! Лопухи выросли! Ха-ха-ха! Сорняк все забивает, а средь лопухов ни хрена не вырастет!

Второй. Да-аа... Лопухи здорово разрослись, даже кое-кому в голову проросли! Вы вашего нового участкового милиционера знаете?

Первый. Не довелось! А на кой он мне?

Второй. Вот он перед вами... Вы живете на Большой Переяславской, так?

Первый. Да-а? Да-да.

Второй. Давайте знакомиться: капитан Николай Иванович.

Первый. Ну надо же!

Второй: Теперь о лопухах. Всех людей, о которых вы рассказывали, я очень хорошо знаю. Чеченец, которому «линкольн» подают... кстати, «линкольн» — это легковой грузовик, он сразу двенадцать человек, даже больше везет. Так вот, чеченец — совсем не чеченец, а араб, и работает он в посольстве. Мужик он замечательный, у нас в университете имени Лумумбы учился, а я с ним частенько у него дома — он холостяк, живет в однокомнатной квартире — в шахматы сражаюсь. Завгара вашего хорошо знаю и завидую ему — он технарь высокого класса: из рухляди разной собрал себе машину — загляденье! И вовсе не «БМВ»

у него, а «сборная солянка», вот как это называется. Завскладом долгое время в Германии работал механиком в нашем «Трансагентстве», а машину оттуда пригнал! Стоила она, подержанная, копейки! И вас я знаю, вы на «КамАЗе» дальнобойщиком работаете, так ведь?

Первый. Ну... надо же... а? Так-так, ну?

Второй. А милиционер, бывший ваш участковый, не 150 кг весит, а 120, и он мастер спорта по тяжелой атлетике. Кстати, дважды чемпион Башкирии, башкир он. Машину ему подарило правительство Башкирии... Так что напрасно вы считаете, что кругом, как вы говорите, бардак и ничего хорошего в России не будет. Напрасно, напрасно. Походили бы со мной по домам и квартирам, поглядели бы на наших русаков... Конечно, лопухов много, которые ни хрена не стоят. Но ничего, подлечат некоторых, наберутся они силы, зрение получше станет, много нового и хорошего увидят. И все будет хорошо, корешок! Уши все хорошее будут хорошо слышать!

P.S.

1. Пессимист не стал ходить в столовую, так как сидел за одним столом с капитаном. Еду ему стали носить в палату.

2. На субботу и воскресенье больных отпускали домой. За пессимистом приехали на новом «мерседесе».

СЕКРЕТАРЬ ГОРКОМА

1970-е годы. Заволжск Ивановской области (в 20 км от Щелькова). Кабинет секретаря горкома партии.

Я. Стыдно за состояние дорог! Одни ямы и рытвины... На автомобиле развивать скорость более 10 км в час невозможно. Вам самому-то как это все кажется? Неужели сердце не болит, ведь чуть ли не ежедневно в бывшее поместье А.Н. Островского, помимо притерпевшихся ко всему русаков, едут и иностранцы, а? Как вы-то на это смотрите? Ведь дорога на вашей территории.

Секретарь. Не по-государственному мыслите, товарищ артист! Да еще народный! Дороги наши в удовлетворительном состоянии! На уровне... Вот почему мы, например, войны выиграли — и первую, и вторую Отечественную? Вы вот не воевали и не знаете почему... (секретарь лет на пятнадцать моложе меня. — *Е.В.*). Я вам скажу — почему... Да потому, что дороги русские выручали! Враг не мог пройти по дорогам нашим! Вы что же, артисты,

предлагаете? Везде, значит, положить асфальт и облегчить продвижение наступающему врагу?

Я. Предлагаю везде положить асфальт и облегчить передвижение наших «войск культуры». А что касается моего «неучастия в войне», как вы изволили предположить, осмелюсь доложить вам, молодой человек, что я награжден медалями «За отвагу», за участие в штурме города Кенигсберга орденом Красной Звезды и орденом Отечественной войны, и еще должен вас поставить в известность относительно вот чего: когда мы наступали в Восточной Пруссии, то старались для скорости — как ни странно может вам показаться — передвигаться не по асфальту, а в обход, покорооче, по рвам и ямам, в то время как немцы отступали по ненавистному вам великолепному, твердому и ровному покрытию шикарных шоссе и, что самое главное, товарищ секретарь горкома КПСС, далеко от нас уйти не сумели и даже вынуждены были сдаться в плен... А вы про русские дороги — «в норме». Вы бы лучше про русское разгильдяйство!

Секретарь. Не-е-нет, дорогие товарищи артисты, с вами каши не сварить.

Вскоре его сняли и... повысили.

«АУФВИДЕРЗЕЕН!»

Ялта. Кончился последний съемочный день. Решили его отметить. Как всегда, «кое-чего» не хватило. Решил пойти за этим в ресторан. Спросил у швейцара, к кому обратиться.

— Идите в банкетный зал, там немецкая делегация. Обратитесь к официанту — он вам поможет.

В комнате перед банкетным залом увидел двух очень эффектных молодых дам, прекрасно одетых, куривших дорогие закордонные сигареты.

В банкетном зале громко сказал: «Гутен абенд!», быстро, как приветствие, пропел куплетик из немецкой песенки, расположил к себе немцев и официанта. Тот сразу мне помог с «кое-чем». В комнате перед банкетным залом задержался около дам, не мог не задержаться. Пропел им тоже свой куплетик и сказал: «Ауфвидерзеен!»

Одна из этих красивых женщин, сидя в кресле нога на ногу, спокойно, отчетливо выговаривая каждое слово, произнесла:

— Весник, поскромнее! Посажу!

Это же русские! Я быстро ретировался...

Прошло время. Как-то я был на большом спортивном празднике в Лужниках. Пробыл так долго, что не оставалось времени до вечернего спектакля. Вышел на дорогу, «голосую». Останавливается машина, за рулем женщина.

— Умоляю вас, довезите меня до Малого театра, я опаздываю на спектакль.

И вдруг слышу:

— Тогда в Ялте я вас не посадила, а сейчас посажу. — Распахнула дверцу. — Садитесь!

Довезла меня до театра. Кто эта женщина, любящая каламбурить, до сих пор не знаю.

ЧТО СОТВОРИЛ ИОНЕСКО!

Гастроли Театра Сатиры в Париже в 1963 году.
Разговор сопровождавшего нас тов. «ИЗ»* со мною в автобусе.

Экскурсия в Версаль.

Я читаю книгу на ходу.

Тов. «ИЗ». Интересно?

Я. Ага.

«ИЗ». Кто написал?

Я. Ионеско.

«ИЗ». Хохол?

Я. Румын.

«ИЗ». Издание наше?

Я. Французское на русском...

«ИЗ». А у нас издается?

Я. Наверное, «для служебного пользования»...
Наверное...

* «ИЗ» — КГБ. Было время, когда всех наших гастролеров сопровождали люди, наблюдавшие за поведением «подопечных»!

«ИЗ». Ну прочти кусочек. Я вижу, ты многим читаешь...

Я. Пожалуйста... вот: «Человека можно определить как животное, которое смеется; где нет юмора — этой свободы, этой способности взглянуть на себя со стороны, — там возникает концлагерь...»

«ИЗ». Неее-т. Это не годится. Ну что это такое: «Человек — это животное, которое смеется»? Глупо, и я тебе должен сказать, что наши правильно делают, что широко не издают этого румына — не надо народу эту муровину читать... Или: «Где нет юмора — возникает концлагерь». Это у них, может быть, и так, а у нас не так. Сразу чувствуется, что румын этот не сидел в наших лагерях. Там, брат ты мой, юмору больше, чем на свободе... Частушки какие поют! Обладеть можно! Концерты сочиняют. Очень смешно!

Я (читаю). «Осознать и высмеять ужас положения — это значит возвыситься над ужасным. Убийцами становятся те, кто не умеет смеяться».

«ИЗ». Вранье... Я знаю одного майора, который приводил в исполнение смертные приговоры. Железный мужик... Но такой хохмач, такой веселый, приятный такой, все улыбался. Так что — вранье! Врет румын. Интересно, черт побери... Читай... Культурно отдыхаем, а? Читай... Интересно...

Я. «Я не скажу ничего нового, если заявлю, что боюсь тех, кто жаждет принести спасение или счастье человечеству. Когда я вижу такого радетеля, я убегаю прочь, словно при виде безумного преступника, вооруженного кинжалом».

«ИЗ» (тихо). Значит, что? Маркс—Энгельс и Ленин преступники?

Я. Вот еще, слушайте...

«ИЗ». Потихе...

Я. «Идти в мыслях против своего времени — это героизм... высказывать эти мысли вслух — безумие».

«ИЗ». Вот это, как тебе сказать... Я, вообще-то, ну... понимаю немножко. (Пауза.) Иной раз — только молчок! — сам себя боишься... Понял? Всякие мысли странные в голову лезут... Молчок! Подумаешь, подумаешь, и... лезут, во сне тоже лезут...

Я. «Быть самим собой так же трудно, как и отказаться от самого себя».

«ИЗ». Эх-хе-хе-хе... Точно-то как! Молчок! (Пауза.) Ох, как точно! Молодец, румын! Черт дунайский! Дай мне, пожалуйста, почитать на ночь, на одну. Не бойсь — отдам...

Дал. Утром, возвращая книгу, сказал: «Молоток, Ионеска... Вот что очень понравилось... Вот... Заложил... Вот: «Какова ваша концепция жизни и смерти?» Это его кто-то спросил, а он ответил: «Я прошу дать мне двадцать лет, чтобы подумать над этим вопросом, но, извините, без гарантии, что вы получите ответ...!» Я тебе честно скажу, только молчок, мне уже скоро тридцать шесть, а толком ни хрена не понимаю в жизни... особенно после смерти Сталина. Я теперь понял, почему книгу эту не издают у нас. Знаешь, почему?

Я. Не знаю... Не понимаю... Удивляюсь... Возмущаюсь...

«ИЗ». Я тебе объясню... Ты артист... Чего ты можешь понять? А я в органах собаку съел... Что я знаю — ты не знаешь, что я понимаю — ты не понимаешь. (Пауза.) Книжка эта от работы людей будет отвлекать, заставит думать, а это плохо, если народ задумываться начнет!!! Черт его знает, до чего мо-

жет додуматься! Весник, когда полетим обратно, сядем рядышком, ты мне все интересное про Париж расскажешь. Вечером зайду — у меня угорь копченый есть, прибалтийский.

Я. «Шнапс» найдем и наш, и местный... Я греческих маслин купил — с грецкий орех каждая маслина.

«ИЗ». Напротив гостиницы армянин из СССР сосисками торгует. Я прихвачу с горчишкой.

Я. У моего соседа Олега Солюса консервированный дальневосточный лосось есть...

«ИЗ». Замечательно! Вечер дружбы народов на столе устроим. Почитать мне что-нибудь дашь, ладно?

Я. Ладно. С удовольствием... Новый Завет будете читать?

«ИЗ». Тема сложная. Не нашего ума тема, Весник...

Я. Наверное...

«ИЗ». Ты вот не знаешь, что многие из стрелявших и сажавших спились, застрелились, с ума сошли, повесились.

Я. Значит, в них Бог еще жив был, то есть совесть...

«ИЗ». Вот, вот... поэтому-то нам и не очень-то дают читать (напомню, диалог происходил в 1963 году. — *Е.В.*) ни Нового Завета, ни мудрого Ионеску... Сумасшедших среди нашего брата было бы... больше!

Мы обменялись адресами. Через четыре года я узнал, что новый «дружок» мой из органов КГБ уволился и уехал с семьей в Костромскую область. Разводит кроликов и бычков, ловит ондатру на продажу, много читает, счастлив, здоров, не пьет... Вот что сотворили Бог и Ионеско!.. Или помогли сотворению!

УЧИТЕЛЬ

Я учился в Щепкинском училище на курсе Алексея Денисовича Дикого. Воспоминания возвращают меня к тому времени, когда состоялась моя первая в Театре имени Станиславского режиссерская работа: постановка пьесы М. Жежуры-Калиновского и Л. Устинова «Правда о его отце» под художественно-педагогическим руководством А.Д. Дикого.

Пьеса рассказывала об усилиях послевоенной передовой немецкой молодежи в перевоспитании, а затем и привлечении на свою сторону фашистовавших сверстников. В этом спектакле чуть ли не первые свои большие роли сыграли тогда еще молодые Евгений Леонов и Евгений Шутов. Я сыграл целых четыре роли, меняя любого заболевшего коллегу, не будучи ни на одну из них назначенным.

Как всегда, получил духовное, творческое наслаждение от общения с Алексеем Денисовичем. Но все же главным уроком в этой очень полезной для меня работе стали высокая принципиальность

и независимость в суждениях и трактовках моего Учителя в беседе с всесильным начальником Главного управления репертуарного комитета. Времечко было «веселое», с ароматом вагонов с решетками и неплохо организованным туризмом в сторону северных «курортов».

...Спектакль сдан. Обсуждение его происходило в кабинете упомянутого большого начальника... Начальник одаривает нас руководящими идеологическими сентенциями, сидя за своим письменным столом. В двух креслах друг против друга — А. Дикий и директор театра Василий Осипович Гвелесиани — неудавшийся в прошлом артист Театра имени Моссовета. В далеком углу — я и помогавший мне в режиссуре Лев Елагин. Самым дорогим «перлом» начальника было требование «убить» отрицательного молодого немца, а не показывать, как он, политически прозревший, вступает в ряды молодёжного союза, демократического и прогрессивного, осудившего эпоху Гитлера. Убить — и всё тут!

Дикий спокойно, внимательно слушал речь. Директор лихорадочно (упаси Господи не успеть записать нетленные мысли) фиксировал все указания большого «знатока» театрального искусства. «Знаток» закончил разгромное исследование спектакля, утомленно откинулся на спинку «трона» и замер в ожидании реакции противной стороны.

Директор сложил блокнот, положил его в портфель, ручку-самописку прицепил чуть дрожащей рукой к нагрудному кармашку и, заметно побледневший, обратился к Дикому:

— Алексей Денисович, катастрофа! Замечания не простые, а политические. Что делать?

Дикий задумался и после солидной паузы тихо ответил:

— Ищите замену.

Директор быстро достал спрятанный блокнот, ручку-самописку и с готовностью на любые меры для спасения спектакля спросил:

— Кому?

Не задумываясь, Дикий ответил:

— Себе!

Всеобщее замешательство...

Покидая кабинет идеологического босса, Алексей Денисович обернулся и очень по-доброму сказал:

— Свитнев! Упаси вас Бог повторить при ком-либо все, что вы рассказали нам. Ведь могут не понять, что вы шутите...

Спектакль шел без каких-либо переделок — под личную ответственность Дикого — и с успехом!

Малый театр, 1948 год. Премьера пьесы А.А. Первенцева «Южный узел» в постановке С.И. Юткевича. В роли Сталина — Алексей Денисович Дикий.

Режиссером поставлена задача: необходимо преодолеть штампы в трактовке роли вождя, которые не давали истинного представления о сложности работы Главнокомандующего (преимущественно по ночам), не давали возможности даже предположить, что и вождь устает. Великий артист и режиссер (мой любимый педагог) решил эту задачу так.

Открывается занавес. Сталин за письменным столом, что-то пишет... Откладывает ручку. Расстегивает три верхние пуговицы кителя... Откидывается на спинку кресла. Задумывается... берет труб-

ку, туго набивает ее табаком, берет мундштук в рот, зажигает спичку... Входит секретарь.

Секретарь. Иосиф Виссарионович, к вам маршал Василевский.

Сталин. Проси.

Секретарь уходит, Сталин гасит спичку, кладет ее в пепельницу, трубку откладывает в сторону. Застегивает три пуговицы на кителе. Входит маршал Василевский. После сцены с ним Сталин расстегивает три верхние пуговицы кителя, берет трубку в рот, зажигает спичку. Входит секретарь.

Секретарь. Иосиф Виссарионович, к вам Климент Ефремович Ворошилов...

Сталин. Проси.

Застегивает китель, откладывает погашенную спичку и трубку в сторону. Проходит сцена с пришедшим К.Е. Ворошиловым. Сталин расстегивает пуговицы, берет трубку в рот, зажигает спичку. Входит секретарь.

Секретарь. Иосиф Виссарионович, к вам ваш старый друг.

Далее — те же манипуляции со спичкой, трубкой и кителем.

После сцены со старым другом входит секретарь.

Секретарь. Иосиф Виссарионович, сейчас 5 часов 57 минут утра. Прием окончен. Отдохните, пожалуйста. Завтра очень напряженный день...

Сталин. Спасибо. И вы поспите немножко, отдохните тоже. До свидания.

Секретарь ушел. Сталин расстегивает китель, откидывается на спинку кресла. После паузы берет трубку, зажигает спичку, подносит ее к трубке...

Поклонение на мою жизнь

В это время раздается бой кремлевских курантов. Сталин замирает, прислушивается к нему... Горящая спичка обжигает ему пальцы, он резко бросает ее на пол и слушает зазвучавший по радио Гимн Советского Союза... И... опустив голову на грудь... **ЗАСЫПАЕТ!**

Трубка, оставшаяся незажженной, падает ему на колени, затем на пол. Медленно, под звучащий гимн, закрывается занавес. В зале — **ОВАЦИЯ**. Кому?

АРТИСТУ!!! Артисту, весьма отрицательно относившемуся к вождю. Артисту!!! — даже если на сцене происходило не соответствовавшее действительности!

СОЦИАЛЬНАЯ ПОМОЩЬ СОВСЛУЖАЩИМ

1954 год. Съемки кинофильма «Дело № 306». Консультант, подполковник Х из уголовного розыска, — человек общительный, компанейский. Подарил он нам разного рода уголовные истории, не лишенные и изобретательности, и таланта, и смелости, но тем не менее подлежащие наказанию...

В Одессе выслеживали преступную группировку, грабившую людей, но — исключительно материально обеспеченных или нечестно зарабатывающих большие деньги...

...По припортовой улочке бредет уставший после смены старший инженер одного из отделов порта, невзрачно одетый: старая спецовка, сатиновая темная рубашка, запыленные, солидно истоптанные башмаки. Головного убора нет. Около полуночи. Освещение очень слабое... Неожиданно инженера окружают непонятно откуда появившиеся пять человек.

— Какой размер костюма носишь? — спросил один.

— В чем дело? Не понимаю... В чем дело? Кто вы?..

— Это не важно... Мы тебя хорошо знаем. Какой размер носишь?

— Ну, 54-й. А в чем дело?

— А ботинки какого размера?

— Ну, 43-й. В чем дело?

— Момент... — Один тип остался при инженере, остальные энергично роются в двух мешках, из которых появляются на тусклый свет сначала прекрасный костюм, затем полуботинки, носки, шляпа, плащ.

— Раздевайся! — спокойно, даже как-то душевно скомандовал, видно, старший.

— Тихо, спокойно... рубахи какого размера носишь? По шее какой размер? Скорее, инженер, отвечай... Не дай бог, патруль нагрянет. Ну?

— 42 сантиметра шея... Что вы хотите делать?

— Какого цвета галстук любишь?

— Плевать мне на галстуки...

— Ну, ну, не капризничай... Часы покажи... О! И это называется часы? Сними их и положи на асфальт, пусть их пионер какой-нибудь найдет или бабушка какая-нибудь... Скажет: «Таки да, есть Бог!»

Инженер не без помощи незнакомцев «нежно» и «элегантно» был раздет до трусов, затем на него, онемевшего от испуга, были надеты шикарная рубаха с броским галстуком, японский костюм с жилеткой, лаковые туфли; на плечи «жертвы» был брошен плащ, на голову надета фетровая шляпа, а на руку золотые часы!

Главный из «модельеров», похлопав по плечу совсем растерявшегося инженера, сказал:

— Теперь слушай сюда! Я тебе в левый карман кладу конверт, видишь, красивый конверт? В нем тысяча долларов! Они твои. Желаю, чтоб ты скорее нашел им красивое применение! Они — доллары — любят красивую жизнь! А в правый карман я тебе кладу вот этот конверт. Он не твой. Понял? Ты должен не вскрывать этот конверт, а должен ты этот конверт целеньким, заклеенным, слышь, корешок, заклеенным, вручить начальнику Центрального городского отделения милиции! Адрес на конверте указан и фамилия начальника указана. Вручишь, значит, этот конверт и Расскажи ему про нашу встречу. Расскажи как можно ласковее! Скажи: ни грубого слова, ни мата не слышал от нас, скажи, что материально мы тебе помощь оказали; скажи, что позорную для советского инженера грязную робу мы у тебя отобрали, ржавые часики положили на асфальт — дескать, подарок бедным! Все Расскажи... Конверт не раскрывай! Это приказ! Его должен раскрыть сам начальник. Мелюзге милицейской не давай, ни-ни! Это тоже, корешок, приказ! Будь здоров, привет супруге, тете и соседям! Пора тебе домой, отдохнуть, восстановить нервную систему и физическую силу перед встречей с начальником. Смотри, чтобы бодреньким перед ним стоять, и не надо глазами делать страха! Дети есть?

— Есть...

— Привет детям! Скажи им, шо встретил Деда Мороза и он им доллары подарил. Понял? Летний Дед Мороз! Ночной Дед Мороз! Покедова, дружок!

Инженер все сделал, как было велено... Начальник вскрыл конверт:

Поклонение на мою жизнь

«Гражданин главный начальник всей милиции гор. Одесса!

Слушай сюда внимательно. Вы нас душите, всюду преследуете, хотите поймать и сделать нам решетку. Мы всё знаем. У нас тоже агентура имеется. Она не опускает верхние веки на нижние! За шо Вы нас травите и везде шукаете? За шо? Мы хоть одного советского честного трудящего обидели? Хоть копейку у таких отобрали, а? Шо Вы на это скажете? Ну шо? Хотите Вы или не хотите, но Вы скажете: "Нет, не отобрали!" Так шо Вы к нам прицепляетесь? Шобы Вы не держали нас за фраеров, спросите, как мы обогатили нищего инженера, наверно партийца. Мы так делаем не первый раз. Взяли богатого, попотрошили, а бедным помогли — вот такая наша работа.

Просьба: отчепитесь от нас. Мы хамство в сторону трудящего советского народа не наделаем.

Где же лозунг — "Моя милиция меня бережет"? Шо-то мы этого не чувствуем. Все приветы и поцелуи шлем нашим доблестным милицейским товарищам. Отчепитесь, братва!! Чокнулись и выпили по стакану за Вас!»

В милицейский кругах это происшествие в негласном конкурсе заняло в 1953 году первое место по «талантливости».

ЗЯМА

1940 год. Театр-студия под художественным руководством Константина Сергеевича Станиславского. Дни становления студии. Прослушивать желающих стать студийцами и отбирать наиболее одаренных помогали соратники Станиславского по Художественному театру.

В зал прослушивания претендентов вошел худенький, рыжеволосый молодой человек лет восемнадцати-девятнадцати.

— Как вас зовут, как ваша фамилия? — спросил у молодого человека секретарь приемной комиссии.

— Зя-зяма Шур, — чуть заикаясь от волнения, ответил высоким голосом претендент.

— Вас будет прослушивать народный артист СССР Леонид Миронович Леонидов.

— Здра... здравствуйте. Спа-а-асибо. Очень вол-вол-волнуюсь.

— Здравствуйте. Не надо волноваться, — раздался в ответ мощнейший грудной голос великого

артиста, сидевшего в глубоком кресле. — Что будете читать?

— Я... буду... Дж-дж-джамбула... буду читать... я...

— Очень интересно. Успокойтесь... Сосредоточьтесь и спокойно, не торопясь, начните читать.

После маленькой паузы Зяма Шур начал читать стихи Джамбула. Сейчас уж, наверное, только старые люди помнят, что был такой акын, казахский народный поэт. Через примерно минуты две на глазах Леонидова появились слезинки. Еще через минуту мастер тихо произнес:

— Молодец!

Зяма услышал сказанное и, подстегнутый одобрением, стал читать смелее, громче, раскованнее и вскоре услышал уже громко сказанные слова сладкого комплимента:

— Молодец! Молодец! Гений! — мастер вытер носовым платком слезы.

Зяма Шур закончил чтение громко, уверенно, как заправский, опытный артист, поклонился мастеру и комиссии, сказал:

— Спасибо, спасибо! — расплакался и тоже вытер слезы, но кулачком.

Леонидов глубоко вздохнул и, задумавшись, произнес:

— Ну, подумайте! А? Девяносто лет — и такие стихи!

ВЕЛИКИЙ ЕВСЕЙ!

* * *

В конце пятидесятых годов очень трудно было установить личный телефон в квартире. Ждали годами.

Диалог между главным администратором Театра Сатиры Евсеем Суражским и мною.

Я. Мне нужен телефон.

Евсей. Куда?

Я. В квартиру.

Евсей. Зачем?

Я. Разговаривать.

Евсей. Кода?

Я. Что «кода»?

Евсей. Я спрашиваю и говорю: кода?

Я. То есть «когда»?

Евсей. Да. Кода.

Я. Когда установят телефон?

Евсей. Да, да, да! Кода?

Я. По мне хоть завтра.

Евсей. Кода?

Поклонение на мою жизнь

Я. Я сказал же: хоть завтра!

Евсей. Я говорю: кода, кода — в котором часу?

Я. Не понимаю.

Евсей. Я тебе спрашиваю русским языком — в котором часу?

Я. Что «в котором часу»?

Евсей (*кричит*). Ус-та-но-вить те-ле-фон?!!
У в твоей квартире?!!

Я. А-а-а-а! В любое время.

Евсей. Днем или ночью?

Я. Днем, конечно, днем!

Евсей. Кода?

Я. Опять «когда!» Что «когда»?

Евсей (*опять кричит*). В ко-то-ром ча-су?

Я. Ну, скажем, в 16.00. В это время я буду дома...
после репетиции, но очень-очень недолго.

Евсей. Две тысячи и сампанское... фюзер.

(*Две тысячи в те времена были немалые деньги!*)

Я. Когда?

Евсей. Что «кода»?

Я. Две тысячи рублей когда дать?

Евсей. Сичас... Сегодня — две тысячи, завтра — телефон.

Я. Сейчас нет при себе двух тысяч.

Евсей. Тогда — к вечеру.

(*Вечером я деньги принес.*)

Евсей. Нужно, чтобы у квартире была открыта форточка. Хоть одна. Или можно, чтобы все форточки, — есё лутче.

Я. Зачем?

Евсей. Нет время объяснять. И не твое это дело.

На следующий день я пришел домой после репетиции и увидел на своем письменном столе новень-

кий телефонный аппарат с приклеенным к нему ярлычком с указанием номера моего личного (!), персонального (!) ТЕЛЕФОНА! Урааааа! Приглядевшись и оглядевшись, понял, что аппарат и протянутые к моему столу телефонные провода не что иное, как «временка», подключенная к наружным проводам телефонной связи. Когда на следующий день я спросил у Евсея, каким образом удалось мастерам сотворить такое чудо через форточку, он сказал: «У них есть такая длинная палка, которой они достали до твоего стола и поставили аппарат!!»

Я. А как же они поднялись до моего окна на шестом этаже?

Евсей. У mine есть хороший друг, начальник пожарной охраны. Так он прислал им пожарную машину с длинной лестницей.

Я. Чудо! Чудо! А говорят, чудес нет! Бывают! Бывают! И ты, Суражский, настоящее чудо! Дорогой мой, гениальный человек, скажи мне, пожалуйста, когда мой аппарат получит статус постоянного, фундаментального? Без проводов через форточку? Когда?

Евсей. Пятьсот рублей и сампанское... фузер.

Я. Когда?

Евсей. Сегодня — пятьсот рублей, завтра — фундаментальный телефон без форточки.

Я. Пожалуйста — вот пятьсот рублей.

Евсей. Кода?

Я. Что «когда»?

Евсей. Кода фундаментализм устраивать?

Я. Когда тебе удобнее.

Евсей. Будь дома в шесть часов утра. А в шесть часов и тридцать минут будет уже тебе фундамент!

В шесть утра позвонили в дверь. Пришли телефонных дел мастера. В мгновение ока провели по полу шнур, подключили его к аппарату, висевшие на форточке провода «временки» выбросили во двор, попрощались и ушли в шесть тридцать!

P.S. Я совершенно точно знаю, что ни единой копейки Евсей Суражский не положил в свой карман. Мало того, он вносил в это «мероприятие» и свою лепту: ни пожарникам, ни мастерам телефонных дел не отказывал в контрамарках на любые спектакли.

* * *

Евсей Суражский женился. Не в первый раз... Жена дома. Муж на работе.

Муж (по телефону). Здравствуй!

Жена. Кто говорит?

Муж. Суаский (*Суражский*).

Жена. Не поняла.

Муж. Суаский.

Жена. Не поняла.

Муж. Твой муж, твою мать!

* * *

Евсей Суражский в своем кабинете главного администратора Театра Сатиры. Звонит телефон.

Евсей (снял трубку). Слушаю.

Голос (в трубке). Скажите, пожалуйста, какой у вас сегодня спектакль?

Евсей. «Мисья мисера Пинкина в скву».

Голос. Простите, не поняла.

Евсей. «Мисья Сисера Пинкина в скву».

Голос. Не поняла.

Евсей (кричит в трубку). АФИСЫ НУЖНО ЦИТАТЬ! *(Бросает трубку на аппарат.)* С ума можно сойти с этих театралов.

P.S. Евсей был блистательным администратором, влюбленным в театральное искусство.

О МИХАИЛЕ МИХАЙЛОВИЧЕ ЯНШИНЕ

Однажды он сказал:

— Я не понимаю четырех вещей. Первое. Зачем нужно было делать революцию? Второе. Как на радио вырезают букровку из слова? Третье. Как по воздуху передают цвет? Четвертое. Зачем Бог придумал гомосексуалистов?

— А что для вас самое непонятное, Михаил Михайлович?

— Первое, пожалуй.

Мало кто знает, почему, несмотря на свою огромную популярность, Яншин не появлялся на концертных площадках в одиночестве, а только со своими коллегами в отрывках из спектаклей. Триумфальное исполнение молодым Яншиным роли булгаковского Лариосика из «Дней Турбиных» принесло ему славу и массу приглашений на концерты, в кино, на радио. Как-то еще в начале своих сольных выступлений он был приглашен в Колон-

ный зал, на самую престижную концертную площадку Москвы.

— Позвольте представить молодого артиста Художественного театра Михаила Яншина, — объявил конферансье.

Дружные аплодисменты придают уверенность каждому артисту. Выход на сцену — воля и внимание собраны, сосредоточенность полная. Произносится первая фраза, и вдруг — ни к селу ни к городу — смешки в зале. Текст сам по себе не мог вызвать такой реакции: он был нейтральным. Еще фраза — смех усиливается. Яншину делается не по себе. Первая мысль — что-то с костюмом не в порядке; путая текст, произносит еще одну фразу — всеобщий смех и бурные аплодисменты.

Яншин, растерянный, красный от волнения, по инерции кланяется и уходит со сцены.

Оказалось следующее: как только Яншин произнес первые слова рассказа, на сцене за его спиной появился пожарный в железной каске, в обмотках вместо сапог, важно покуривая козью ножку. За день до концерта он был принят на работу и теперь обходил свои владения.

Историю эту рассказал сам Яншин. Что было дальше с пожарным и с Михаилом Михайловичем в тот вечер — не знаю. Но то, что после этого концерта Яншин один никогда не выходил на эстраду, — знаю точно.

— Женечка, — обратился ко мне Михаил Михайлович Яншин. Это было в начале пятидесятых годов, когда я работал в руководимом им Театре имени Станиславского. — Мне очень нравится, как

вы аппетитно едите. Пойдемте-ка в ресторан «Баку», пообедаем. Рассчитываемся так: кто съест больше, тот не платит.

Несмотря на то что зарплата моя была просто нищенской и обед мог обойтись в солидную сумму, отказаться от такой компании я был не в силах. Надеялся, конечно, на победу, так как знал бездонность своего полуголодного организма. Заказываем легкое кахетинское в бутылках по 800 граммов и по шашлыку. За разговорами о театре, о ролях, о постановках время шло незаметно, и так же незаметно сменялись яства. Наступило насыщение, но победитель не выяснен. Заказываем еще, если не ошибаюсь, по четвертой бутылке и по четвертому шашлыку. Взмокли, дышим тяжело. Каждый хочет победить. Я с невероятными усилиями допиваю и доедаю все поданное. Михаил Михайлович не справляется с последним, как назло самым жирным, куском шашлыка. И проигрывает, выдохнув из себя:

— Не могу, не могу больше. Проиграл, плачú...

Через двадцать минут мы были уже на ипподроме, где проводились рысистые испытания, которыми очень увлекался Яншин, и не без успеха: иногда даже выигрывал в тотализатор. Оставив меня у забора, отделявшего зрителей от беговой дорожки, в состоянии, когда уже свет не мил и хочется только спать, он отправился в кассы делать ставки. Прошло два заезда, то есть 40 минут. Яншин подходит ко мне и говорит:

— Я немножко выиграл. Пойдемте, Женечка, в ресторан, я угощу вас замечательной соляночкой! Мне, пардон, стало плохо.

Позже, услышав от меня пересказ всей этой эпопеи, один из лучших друзей Михаила Михайловича Андрей Петрович Старостин — знаменитый футболист, обаятельный и мудрый человек — сказал мне:

— Вы плохо знаете Яншина. Съеденное им в ресторане «Баку» — легкая закуска перед обедом на бегах. Он специально проиграл вам соревнование, чтобы освободить вас от оплаты. А чтобы это выглядело красиво и чтобы вы внутренне торжествовали победу, сыграл вам этот этюд «объевшегося человека».

Через несколько месяцев я случайно оказался с Михаилом Михайловичем за столиком в буфете театра. Нам подали кофе и по паре бутербродов. Все было быстро поглощено, но, в отличие от Яншина, я оставил в чашке глоток кофе, а на тарелке остаток бутерброда. Когда буфетчица подошла к нам за расчетом, я сказал: «Получите с меня, — а повернувшись к Яншину, небрежно бросил: — 1:1, ничья».

Яншин, как и многие, время от времени занимался озвучиванием героев мультфильмов. В одной сценке Михаил Михайлович должен был говорить за огурчик-корнишончик. На вопрос режиссера, понравилась ли ему роль огурчика, Яншин ответил:

— Очень сложно действовать в образе огурчика. Нужно нам договориться, какой у него характер, знает ли огурчик, что его съедят. Потому что если знает — это один жанр, если нет — другой. Он может быть замкнутым, мало слов произносящим — в первом случае и болтливым, легкомысленным,

звонким — во втором. Потом, ведь очень важно, каким вы будете рисовать для экрана этот огурчик? Если он перележал на грядке — это одно, если только-только завязался на корню — другое, если он сорван и находится в руке сорвавшего — третье, если лежит в ведре в компании других огурчиков — четвертое. Важно еще и то, где в ведре он лежит: если сверху — я буду говорить свободно и легко, потому что свободно и легко дышу, а если где-то в середине или на дне ведра — поди поговори бодро, придушенный своими же собратями, — это драма, Освенцим какой-то...

Что это? Чужачество? Нет, эта история дорога каждому истинному профессионалу как образец отношения к труду.

Я знаю по рассказам работников студии, что в каждом мультфильме, в котором текст разыгрывался до появления на свет рисованных героев, персонажи, исполнявшиеся Яншиным, всегда выходили у художников очень похожими на полненького Михаила Михайловича. И были всегда такими же обаятельными, как он.

ДОСТАТОЧНО

1989 год. Руза, дом отдыха СТД.

Мы с женой облюбовали скамеечку, на которой часто сиживали, читая книги или просто болтая о том о сем... За кустом, спиной к нам, как по расписанию, перед обедом и часто после устраивались уже знакомые А. и В.; негромкие их беседы невольно становились достоянием наших органов слуха. Один из фрагментов их диалога:

А. Вот сейчас, в наше время, что такое Бог? А?

В. Что значит — сейчас? А вчера, а завтра?

А. Бог — непостоянное явление, он зависит от... тебя. И от обстоятельств.

В. Объясните.

А. Короче: вот сейчас вам хорошо на душе, да?

В. Ну, в общем, прилично... Мне всегда нравится с вами встречаться, болтать, фантазировать...

А. Вот! Это и есть — Бог! Вам хорошо — это Бог; вам нравятся, как вы сказали, наши разговорчики — это Бог! И еще любовь... Да, да — там, где Бог, там и любовь...

Поклонение на мою жизнь

В. А когда вы забираетесь в заумные дебри — мне не нравится...

А. Значит, Бог отлучился куда-нибудь или заснул — он ведь тоже человек!

В. Сложно... сложно... не знаю... не знаю. Легче выпить...

А. Правильно. Разумное желание — это тоже Бог! У меня с собой граммов триста есть, во фляге.

В. А у меня термос с подходящей крышкой. Наливайте.

(Выпили.)

А. Еще?

В. Достаточно. Спасибо!

А. Опять «достаточно»? Не могу этого слова слышать... Утром по радио слышал из уст какого-то туза, да еще образованного: «Достаточно недостаточно».

В. Я тоже замечал... ужас... кошмар какой-то, эпидемия! У нас эти эпидемии часто случаются: то «консенсус», то «адекватно», то «процесс пошел»...

А. Да... а вот теперь — «достаточно». «Достаточно среднедостаточно» или «достаточно малодостаточно»... Когда вы сейчас отказались еще выпить и сказали «достаточно», это — туда, это правильно, значит, вам хватит: это я понимаю... Но «достаточно недостаточно» — это маразм.

В. Ой, вспомнил! Режиссер Н. как-то сказал: «Достаточно приятный герой и достаточно талантливая героиня, но качество их игры недостаточно!»

К сожалению, А. и В. решили прогуляться, — литературный спектакль окончился.

НЕ НОЖА БОЙСЯ, А ЯЗЫКА...

Подмосковье. Диалог сорока-пятидесятилетних мужчин:

Первый. Поток нецензурных слов, в котором то-нули редкие нормальные русские слова. Пропорция примерно такова: 85 процентов — мата, 15 процентов — русских слов.

Второй. Тот же поток, но в более скромной пропорции: 50 на 50.

Первый (слезливо). Мат, мат, слово, мат, слово, мат.

Второй (успокаивая собеседника). Мат, слово, слово, мат.

Первый (вытирая слезы). Мат, мат, мат, мат, слово.

Второй (приободряя собеседника). Слово, слово, мат, мат.

Первый (пожимая руку второму). Мат, мат, слово, мат.

Второй (обнимая собеседника). Слово, слово, мат, мат.

Поклонение на мою жизнь

На втором этаже открывается окно. Появившаяся в нем женщина на нормальном русском языке обращается к мужчинам.

Первый. *(отвечая женщине).* Гут! *(Отвечая себе-седнику).* Мат, мат, мат...

Второй *(удивленно посмотрев на окно, собеседнику).* Слово, мат, слово, мат...

Из окна женщина повторяет сказанное.

Первый. О'кей! *(И собеседнику).* Мат, мат, мат.

Второй. Мат, слово, мат, слово... *(Жмет руку первому.)* Консенсус! *(Подмигнул, посмотрел на окно и ушел.)*

Первый *(кричит, глядя на окно).* Зинуля! Иду, хорошая моя! Всё гут!

НЕ НАДО! НЕ НАДО!

1972 год. Аэропорт города Мурманска. За столом ресторана двое, считая меня. Официантка с карандашом и маленькой записной книжечкой ждет заказа.

Первый (*немного взнервленный, разглядывает меню*). Солянка мясная есть?

Официантка. Есть, пожалуйста...

Первый. И рыбная?

Официантка. Пожалуйста.

Первый (*с сожалением и легким вздохом*). Не надо. А рассольник с огурчиком, с каперсами и куриными потрохами есть?

Официантка. Есть, есть... Придется минут двадцать пять подождать — блюдо заказное... Записать?

Первый (*энергично*). Нет-нет. Не надо, не надо! А вот тут написано: «Филе по-суворовски с кровью с жареным луком» — неужели есть?

Официантка. Да, это наше фирменное блюдо. Пожалуйста.

Первый (*нервно, громко*). Не нужно! Не нужно! А блины с маслом, со сметаной, с селедкой, с икрой черной и красной — неужели все есть?

Официантка. Обязательно. Эти блюда подаются через пять минут. Все готово...

Первый (почти кричит). Не надо, красавица, не надо!.. А вот ухи из стерляди наверняка нет?

Официантка. Из свежей есть. Есть еще жареная, на пару, есть даже строганина из замороженной стерлядки.

Первый (умоляет). Не убивайте! Не надо! Не надо! (Кладет огромный, толстый «том» меню на стол, вытирает салфеткой вспотевшее лицо.) Не сердись, русалочка моя дорогая, и дай мне в одну глубокую тарелку три порции винегрета без соли, без уксуса, без селедки и свежего лука. Вот тебе деньги и купи себе три большие плитки шоколада в подарок от меня. Не сердись и заранее тебе за все спасибо. Извини! Только что от врача. Запретил категорически что-нибудь есть, кроме отварных овощей... Повару привет, вот еще денег возьми, купи ему бутылку водки — скажи: от народного артиста СССР Бориса Федоровича Андреева!..

ЗАЧЕМ ВЫ ПЬЕТЕ ВОДКУ?

Этот вопрос я задавал на рыбалке, на охоте, в санатории, в гараже разным людям, нередко толковым специалистам в своем деле, мастеровым, умельцам. И посмотрите, сколько индивидуальностей, характеров в ответах:

1-й. Пьется... Зажда... Вот и пью.

2-й. А я как народ... Я русский...

3-й. А что еще делать? Скукотища!

4-й. Трезвый я ужасен!

5-й. Меня бабы любят пьяного!

6-й. Батя умер, деньги оставил. Ну? А что еще делать? Поминаю... батю... Ну?

7-й. Я только пьяный с правительством согласный...

8-й. В роду все пили. Продолжаю наше дело.

9-й. А хрен его знает... Я как все! Патриот!

10-й. А кто такое... вам? Такое про... такое насвистал? А? Гад! Кто, а?

11-й. Ты лучше спроси, почему не плотют. Тут, брат, запьешь.

Поклонение на мою жизнь

12-й. Трезвый могу жену убить, а пьяный — люблю ее!

13-й. Сторож я — вот и пью. А чего делать?

14-й. Не понимаю вашего вопроса. Угостите — отвечу.

15-й. Как вам не стыдно приставать! Я раненный в душу!

16-й. Очень все хорошо, душа радуется, музыки просит — вот я и чокаюсь, чокаюсь, чокаюсь...

17-й. Говорят, слон, волк, заяц — все водку любят. И попугай тоже алкоголик... А я что? Хуже, что ли?

18-й. Удивительное дело: у меня зрение после граммов этак трехсот лучше делается. Вынужден!

19-й. Пушкин пил, Достоевский пил, Есенин пил, Твардовский пил, Сталин пил, сосед мой пьет, а я что? Я ведь тоже стихотворения сочиняю, и неплохие...

*Лета мои немалые,
Куда летите вы?
Уж брови у меня лохматые
И краски просят — хны!*

Честно написано, откровенно, без вранья! Ваше здоровье! *(Выпил.)* Эх-хе-хе-хе-хе...

*Водка чистая, хорошая,
Не бывает водочки плохой.
Эх, хорошая моя и милая,
Жисть была б у всех такой...*

(Икнул.) А вообще-то говоря, дрянь порядочная, эта водка проклятая... Ваше здоровье *(выпил)*. Фу, дрянь... Но... Хороша, собака!

20-й. Я не систематически... Я периодически.
Не всегда... я. Не систематически...

21-й. Приветствую работника статистического
министерства охраны природы и здоровья трудя-
щихся. За вас! Присоединяйтесь. Не хотите? Ваше
дело... кушайте кисель... Ваше здоровье!

22-й. Не трогайте меня, я нервный. Я за себя не
отвечу, если кое-что... Отойди. От греха отойди.
Еще раз спросишь — напишу...

ПОЧЕМУ, ПОЧЕМУ, ПОЧЕМУЧКА-ПОЧЕМУ...

Начало пятидесятых годов. Щельково. Рыбалка. Река Кукеша. 6 утра. Рядом со мной, за большим кустом, двое мальчишек — сыновья моих знакомых, местных работников Дома творчества. Одному шесть с половиной лет, другому — семь с половиной. Разговаривают почти шепотом, сильно окая...

Второй. Папка сказал: японцы нашу рыбу ловят... в море советском. Жулики они... Это наша рыба, понял? Они всей рыбе животы режут и отгудо все-все вкусное кушают... Папка еще говорил: они себе тоже животы умеют резать... Это называется знаешь как... Хори... нет... рики... нет... хорики — вот как.

Первый. А почему себе режут?

Второй. От скуки, вот почему... Видал, как Федька позавчера по дворам пьяный ходил? Кричал-то как — слышал? Собаки все-все рычали и лаяли... Он потом всем говорил, что от скуки напился... А японцы от скуки животы режут.

Первый. А ты можешь себе живот, а? Можешь? Резать, а?

Второй. Это японцы только могут... Мне не надо резать...

Первый. А почему не надо?

Второй. А нам зочем? Нам не надо... И мне не надо...

Первый. И я не буду... Нам не надо... А рыбе я могу... И мамка может, и папка может... А себе не могут... Не хотят... И я не хочу... И не надо... Нам не надо...

Окунь с ладошкой поклевал и затих. Оба смолкли. А минут через десять спали.

В другой раз поход на другую речку — Сендегу (в которую впадает Кукеша) подарил следующий диалог-шедевр.

Первый. А кто русский язык выдумал?

Второй. Ленин.

Первый. А еврейский?

Второй. Ленин.

Первый. А почему?

Второй. Так партия велела — она всему голова.

Первый. А почему мы, волжские, тутошные, все на «о» окаем, а москоли-то не окают?

Второй. Так довно еще Иван Сусанин велел окать...

Первый. А почему велел-то?

Второй. Для москировки! Понял, пенек?

Первый. Понял. А чего он делал-то, Сусанин-то?

Второй. Как чего? Фашистов по лесам бил.

Первый. А Ленин-то, кто он? Ленин-то?

Второй. Вот пенек! Ленин и есть Ленин! Понял?

Первый. Ага. А он, Ленин-то, дедушко?

Второй. Дедушко.

Первый. А работал кем Ленин-то?

Второй. Он освобожденный был от работы...

Первый. А почему его на работу не хотели пускать?

Второй. Болезненный сильно был...

Первый. А чем он болезновал-то?

Второй. Всем, что есть. Ранетый он был и контужетой сильно был, потому героем был в войну...

Первый. А в кокую войну-то?!

Второй. Как в кокую, пенек, — в Отечественную, вот в кокую!

Первый. А кто за болезненным смотрел-то?

Второй. Сталин, тоже герой и дедушко и отец родной...

Первый. А чей дедушко и чей отец-то?

Второй. Нам всем! Всем нам он отец и дедушко...

Первый. А он тоже контужетой был?

Второй. Вроде тоже, как и дедушко Ленин. И оба вроде герои были, отчаянные...

Словно нарочно, поклевки одновременно у обоих философов прервали замечательный диалог, но после того, как пойманные пескарик и окунек-матросик были сняты с крючков и устроены в садок, он — диалог — (слава Всевышнему!) возобновился, к моему великому наслаждению! Так как содержание его было уж больно мудреным, приведу лишь маленький фрагментик, заслуживающий, с моей точки зрения, внимания.

Первый. А дедушко Ленин во время Отечественной войны кем — летчиком был? А?

Второй. Пенек! Он коворелистом служил, на лошадах скокал. И он был лысый-лысый!

Первый. Почему?

Второй. Волосы, папка говорил, от переживаний и нервов вылезают и еще оттого, что ума много-много в голове находится... они тоже вылезают из головы.

Однажды и я попал в сферу их рассуждения и любопытства.

Второй. Дядь Жень... А ты кем воевал?

Я. Я в артиллерии на фронте был. Командиром взвода, а потом и батареи стопятидесятидвухмиллиметровых пушек-гаубиц...

Первый. А стрелял-то? Или нет, а?

Я. Приходилось.

Первый. Попадал?

Я. Попадал.

Первый. А в кого? В кого попадал-то?

Второй. Ну, пенек! В кого, в кого! В фашистов, вот в кого. Правильно, дядь Женя?

Я. Правильно.

Второй. А их много еще осталось? Фашистов-то?

Я. К сожалению, кое-где есть маленько... Пора домой, философы. Потопали. Поймали прилично! С таким уловом не стыдно будет перед людьми!

За время моего пребывания в Доме творчества «Щельково» молодые мои почемучки-рыбачки задавали множество самых разнообразных вопросов. Вот несколько «выдающихся».

Первый. Дядь Жень. Наша учителька говорит, что все говорят, что кто рожденный ходить по земле не могут полететь по воздуху. А вот папкин брат на самолете в город Омский летал! Значит, могут летать-то! А брат папкин как ходячий родился! Значит, могут летать! Верно, дядь Жень, а?

Второй. Дядь Жень, тороканы от кого родились? От птичек или от клопов? А, дядь Жень?

Первый. Дядя Михей, папанин дружок, говорил, тороканы от змей старинных родились, а когда выпьет здорово — говорит, они от мух развелись, потому, говорит, что есть тороканы, которые с крыльями и летают. Правдо это, а, дядь Жень?

Второй. Говорят: учиться будешь — дураком помрешь, и если не будешь учиться, все одно дураком помрешь... Как же это?.. Значит, и я, и ты, дядь Жень, — всё одно дураки оба? А учителька наша тоже дурак? А вот за границей люди тоже дураки? А, дядь Жень, ну, скажи... Неужто все дураки, а?

Мне казалось, что в моих объяснениях ребята что-то для себя находили полезное, потому что всегда после бесед наших задумывались, вздыхали от умственного перенапряжения, очаровательного и смешного!

ДУМЫ ВЗРОСЛЫХ

Родители моих «компаньонов» тоже очень любопытные люди. Один папка — механик МТС, другой — шофер Дома творчества.

Первый отец (за столом, накрытым снедью и горячительным). Я вот слышал, что слоны стаями живут и очень они умные. Говорят, слонихи только одного мужа любят и никогда никого больше не полюбят... И вот об чем думаю я: если мужа слонихи незаметно унести куда-нибудь и спрятать, как же это она обноружит, что мужа ейного нет... Они ведь все на одно лицо! Чудно как-то! Как же это она различает, что к ней хоботом не муж родной ластится, а чужак какой ни есть, а? Чудно, право!

Второй отец. Вот ты мне, Яковлевич, вот что скажи... Пошто говорят и пишут, что глаза у человека больше говорят об нем, о его повадках и особенностях, чем все лицо и внешняя одежда? Правильно ли это сказано?

Вот к нам в Щелыково приезжает бабий врач для осмотра женского пола... Вид у него, ну я тебе, Яковлевич, скажу, — просто мудрец святой с бородкой, глаза голубые, чистые-чистые, а сам олкаш, кокого свет не видивол, и рвач: бабу осмотрит, догола розденет и еще денег давай ему. Два вечера принимает: один вечер трезвый и злой, а на другой вечер — уже хорош и добрый-добрый... Потом после этих двух рабочих дней еще дней пять-шесть пьет по-черному, пропивает все, что бабы ему зоплотили. Пьет на квартире у кого-нибудь из баб, которая одинокая, или которая сома выпивоха, или у гулящей кокой... Через три месяца снова приезжает, и глаза опять чистые-чистые, ну, святой, да и только!

А вот наш Колька, щелыковский, который на домотдыховской телеге зопровляет — грузы разные возит, — нос у него кривой, глаза злющие — ну, баба-яга, да и только, или домовой, черт кокой-нибудь ужасный; смотрит он на тебя и вроде бы убить хочет, а сам, поверишь, Яковлевич, непьющий, ни капли не берет, даже пива, всем добро делает, помогает и сам с телегой своей с лошодьми холеными — сам их кормит, сам стрижет, сам умывает! Ребятня его любит не хуже отца с матерью... Вот кокая колбоса получается! Почему ж токая разница — врач и Колька? Значит, по глазам нельзя оценку довать? Так, что ли? А, Яковлевич?

Забавные вопросы... Очень интересные люди... А главное — все умельцы! У всех руки золотые! Все не глупее городских, но зато смекалистее любого «сильных мира нашего»... больноватого и болтоватого!

Дай им Бог здоровья и радости от труда своего!
Дай им Бог! Если он есть!

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

15 января 1955 года.

А.Д. Папанов, В.Д. Доронин, Р.А. Александров и Е.Я. Весник после бурного застолья, посвященного дню рождения последнего, расселись в такси и решили продолжить празднование в квартире Доронина, но уже средствами благородными — чаепитием и тортопоеданием. Останавливаем таксомотор у гостиницы «Националь» с желанием купить в ресторанном буфете хороший торт. Возвращаемся в авто, видим милиционера, разговаривающего с водителем, узнаем, что стоянка здесь запрещена и за нарушение страж порядка требует штраф. Мы, разгоряченные застольем, убеждаем стража в том, что виноваты мы, а не водитель. Слово за слово... мы грубим... страж ожесточается и приказывает водителю следовать за его мотоциклом... Через минуту наша четверка — в комнате дежурного по отделению милиции на улице Герцена.

Мизансцена: за перегородкой — дежурный капитан милиции и наш мучитель — старший лейте-

нант, перед ними — справа налево: Доронин, Весник, Папанов, громко, настырно защищающие права нашего водителя, крайний левый «нападающий» Родион Александров, сникший, мечтающий, очевидно, о кровати, интеллигентный, голубых кровей, высокий, статный мужчина с очень добродушным, совсем размякшим личиком, не произносящий ни единого звука...

Капитан:

— Тише! Все нетрезвые! Тише! Не хочу с вами разговаривать. Вот берите пример с вашего товарища, — показал на Александрова, — сразу видно — воспитанный человек! Вот с ним я буду разговаривать... Как все произошло, товарищ?

Крепко вцепившись руками в перегородку, но тем не менее чуть-чуть пошатываясь, Родион спокойно говорит:

— Фаши-фашисты... ва-вашу ма-мать!

Александров получил пятнадцать суток ареста и тут же был помещен в КПЗ, водитель был оштрафован, торт мы съели вместе с милиционерами. Кусок отнесли в камеру собутыльнику! Его заканчивали стричь наголо...

БРАВО, МАРЧЕЛЛО МАСТРОЯННИ!

У меня, право же, есть некоторые основания попытаться написать легкий «акварельный» эскиз моих впечатлений от общения с одним из лучших в мире артистов — Марчелло Мastroянни, так как навряд ли кто-либо из нашего русского актерского братства так серьезно «прочувствовал» и «продегустировал» нюансы его ювелирных творческих перевоплощений в многочисленных сложнейших ролях, как я, скрупулезно, из кадра в кадр, следовавший за ним по «тропинкам» его неожиданных артистических средств.

Я имел честь «озвучивать», то есть дублировать мастера в таких заслуженно нашумевших фильмах, как «Брак по-итальянски», «Развод по-итальянски», «Вчера, сегодня, завтра», в которых он исполнил главные роли совершенно не похожих друг на друга пятерых мужчин. Пятерых — потому что в последнем фильме, состоящем из трех, никак не связанных между собой сюжетом новелл, он сыграл соответственно три роли... и преподавал уроки перевоплощений, причем минимальными средствами артистических выражений...

Я утверждаю, что решающий инструмент в процессе перевоплощения всегда — наблюдательность.

Первая новелла: физически изможденный мужчина, с взъерошенными волосами и впалыми глазами, жена которого за спекуляцию сигаретами должна быть судима и посажена в тюрьму, но беременна, поэтому, согласно закону, — неприкосновенна. Задача мужа: непрерывно, в течение многих лет поддерживать ее неприкосновенность! Тип: уставший неврастеник, на грани нервного срыва. Говорит чуть не плача, отрывисто...

Вторая новелла: журналист, с прилизанными волосами, покрытыми лаком, и с ровно-ровно выложенным пробором. Сдержан, аскетичен, малословен, холоднодушен — сама индифферентность... Говорит тихо, медленно...

Третья новелла: стокатированно-синкопированный, капризно-температурный, глуповато-восторженный, слегка курчавенький и подзавитый провинциал. Говорит быстро-быстро...

Прически, качества темпераментов, разные темпоритмы речи — вот основные средства гениальных метаморфоз!

Пользуется Мastroянини этими средствами осторожно, маленькими дозами, легко, ненавязчиво — настоящая психологическая и техническая эквилибристика! Чувствуется, что фильм задуман специально для демонстрации великим артистом возможностей человеческих перевоплощений!

Браво, мастер!

Вторя ему на дубляже, идя за ним след в след, признаюсь, я обогащался артистическим опытом!

Спасибо, мастер!

Несколько «акварельных» мазков к эскизу:
Мастроянни начинал в театре.
Влюблен в чеховскую драматургию.
В Италии играл Соленого в «Трех сестрах».

Москва. Гостиница «Метрополь».

Я в гостях у мастера. В соответствующей комнате в «калейдоскопе» туалетных принадлежностей не обнаруживаю зубной щетки... Через переводчица спрашиваю — почему нет ее?

Ответ мастера: «Вредно... Ломтиками лимона надо чистить зубы».

Очень, очень и очень знаменитая французская киноактриса — «секс-бомба» — решила покорить сердце гениального итальянского артиста!

Предложила партнерство в кинобоевике. Мастер прибыл в Париж, был приглашен в кинопавильон и самой «секс-бомбой» устроен в удобное кресло, дабы внимательно просмотреть сцену, где он должен будет лежать в постели.

Мадам в полутьме сыграла всю сцену обольщения с воображаемым партнером... Зажгли свет... «Секс-бомба», уверенная в своей неотразимости, неоднократно с успехом проверенной, ожидала услышать аплодисменты гостя, но... взглянув на Марчелло, обомлела, возмутилась и буквально вылетела из павильона... Мастер, чуть похрапывая, СПАЛ!

Обольщение не состоялось. Партнерство — тоже. Хорошо знавшие Мастроянни утверждали, что и похрапывание, и сон были им сыграны!

Еще раз браво, мастер!!!

ТРАНЗИСТОР НА ТАРЕЛКАХ

1963 год, Театр Сатиры на гастролях в Париже.

Жорж Сория, наш продюсер, переводчик, драматург, проповедник русского искусства во Франции, наградил гастролировавших до нас артистов Московского цирка транзисторами. Нам транзисторов не дарил, но угостил завтраком: такого мы не видели!

О! Это был тот же «транзистор», но с еще большим количеством диапазонов! Такого по транзистору не поймаешь!

Короткие волны (15—20 минут):

1. Виски с содовой, водка, пунш, портвейн — под орехи и кукурузные хлопья с сыром.

2. Сырые шампиньоны — тоненько-тоненько нарезанные, в сладком уксусе яйца под майонезом, посыпанные тертым зеленым сыром; сухое вино.

3. Помидоры, огурцы, стручки зеленого горошка — под белое вино, салат, салат (листья), сухое вино.

4. Артишоки, маслины зеленые и черные соленые, миндаль, салат, салат (листья).

Средние волны (20—25 минут):

1. Горячая ветчина с жареной картошкой и зеленым горошком под красное вино салат, салат (листья).

2. Запеченное в тесте белое-белое, нежное-нежное мясо — то ли курятина, то ли индейка — с четырьмя сортами горчицы и пятью — сыра, сухое вино.

Длинные волны (1—1,5 часа):

1. Виноград, персики, груши, бананы, апельсины, сливы, абрикосы, гибриды слив и абрикосов, шампанское, белое и красное вино.

2. Кофе с коньяком, ликером, мороженое.

У-у-у-у!

Георгий Менглет имел неосторожность спросить, что было подано на «средних волнах» под пунктом «два». И получил чистосердечный ответ: «Это прекрасные, специально выращенные, экологически чистые лягушки!» Менглет был вынужден покинуть трапезную и расстаться со всеми волнами и пунктами! Остальные отнеслись к экстравагантному блюду лояльно, а я даже, как сейчас помню, хотел было намекнуть на то, что был бы не прочь еще раз «прослушать» опус № 2 на средних волнах. К сожалению, официанты так быстро крутили ручку настройки волн, а смена «мелодий» происходила так энергично и часто, что я не успел даже рта раскрыть, как вместо второй лягушки на столе появились гибриды слив и абрикоса и все остальное, уже упомянутое выше.

ПОКУШЕНИЕ НА МОЮ ЖИЗНЬ

1979 год. Крым. Санаторий «Форос». Приехал. Поселился. Показывают мое место за столиком в столовой. Знакомлюсь со вторым «пилотом» стола — оказался главврачом одного из ленинградских роддомов. Лет ему, на глазок, около семидесяти. Почему-то все время улыбается: ест, смотрит на меня — улыбается, здоровается — улыбается, если раньше меня встает из-за стола, желает приятного аппетита — опять улыбается... Встретились на пляже. Лежим в тенечке, дышим, музыка легонькая шелестит, умиротворяет. И вдруг...

Доктор. А я, уважаемый Евгений Яковлевич, на вашу жизнь как-то покушался... *(Улыбается.)*

Я. Не понял? Когда? Где? За что?

Доктор. Вы в живых чудом остались... *(Улыбается.)*

Я. Не пугайте!

Доктор. Если бы я не пошел мыть руки и не подарил вам тем самым несколько минут, то не лежать бы вам на этом песочке... *(Улыбается.)*

Мне становится немного не по себе.

Я. Не томите...

Доктор. Напомните мне дату, месяц и год вашего появления на свет Божий... (Улыбается.)

Я. 15 января 1923 года.

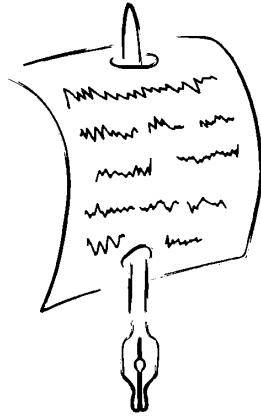
Доктор. Вот, вот, вот... А в каком часу изволили обрдовать человечество?.. (Улыбается.)

Я. Мама рассказывала, что в пять утра...

Доктор. Вот... вот, вот... Матушка ваша трое суток мучилась, не могла вас подарить нам. Она рассказывала, каким тяжеленьким вы на свет явились?

Я. Пятнадцатифунтовым, то есть шестикилограммовым! Маленький изверг!

Доктор. Вот, вот, вот... тяжело было вашей маме. Состояние ее становилось критическим. А в коридоре метался ваш бедный папа и грыз ноготь. Я подошел и задал вопрос, поставленный самой природой: «Или мать, или дитя?» Ваш папа еле-еле слышно выдохнул: «Мать...» И я пошел мыть руки. Уже готовился надеть хирургические перчатки... И тут мы вдруг услышали энергичный крик и плач того, который теперь называется Евгением Яковлевичем Весником. И было это, как вы совершенно справедливо заметили, в пять часов утра 15 января 1923 года, в роддоме на Выборгской стороне, в городе Ленинграде. Когда стукнула двадцатая минута вашей драгоценной жизни, кончилось мое ночное дежурство... Потом мама с сыночком сладко заснули, спал в коридоре на стуле и заметно осунувшийся папа. На его правой руке кровоточил наполовину съеденный ноготь большого пальца, что бесспорно свидетельствовало о большой любви вашего отца к вашей маме и теперь уже и к вам!

Из записных
книжек
артиста

1967 год. Нижеследующий диалог мне подарила билетерша Малого зала Кисловодской филармонии...
Зрители.

Первый. Первый раз я здесь и не могу себе объяснить происхождение названия города Кисловодска...

Второй. Если я не ошибаюсь, один из архитекторов, создавших город, носил фамилию не то Кислов, не то Кислых или чуть ли не просто Кислый, точно не помню. Вы уж, ради Бога, извините...

Первый. Ну что вы... Большое вам спасибо. А то смешно — Кисловодск, Кисловодск... и не знаю, почему так, а теперь вот все ясно... Спасибо, спасибо...

Я спросил у билетерши: «Что же вы их не просветили?» Она ответила: «Постеснялась. Уж больно солидны оба были. Сразу видно: большие люди! стыдно их поправлять!»

* * *

Шестидесятые годы. Самарканд.

Приехали на съемки. Десять часов утра. Вышел из гостиницы, ищу, где можно перекусить. Нашел шашлычную. Очередь из шести человек. Стою. Из-за стойки высовывается человек.

— Больше там не становись. Тебе не хватит.

Делаю вид, что не понял. Стою. Подходит моя очередь.

— Я тебе сказал, что не хватит!

— Пожалуйста... Я приезжий... Артист. Снимаем в ваших местах кинофильм. Есть хочу.

Продавец насторожился.

— Слушай, ты откуда, из Москвы?

— Да.

— Ты знаешь товарища Косутонова?

— Кого?

— Ко-сугонова.

— Косыгина? Председателя Совета Министров СССР?

— Да.

— Нет, не знаю.

— А у тебя есть такая человека, которая знает товарища Косутонова?

— Да, есть.

— О, ты мне нужна. Заходи черный ход.

Захожу. Вино. Шашлыки... Всё есть... Изобилие!

— Садись. Мне нужно передать товарищу Косутонову, что есть один неправильный закон. Каждый человек у нас имеет право иметь двадцать шесть баранов. Почему двадцать шесть? Я не могу сам кушать двадцать шесть баранов. Я делаю для людям счастье, мясо. Понимаешь? Кости, клей...

Все идет, все надо. Кишки надо. Правда, у нас каждый человек есть больше барашков. Не важно, есть указ, нет указ. У мене штук девятьсот баран есть.

— А где же вы их держите?

— Держим в високогория. Высоко в горах, никто не знает. — Мечтательно: — Вот сейчас такая погода, может, новые рождаются барашков. Надо сказать, чтобы увеличение делать количество барашков на человека. Закон должна быть!!

— За вами следят, наверное?

— О-ой, следят. Нюхают-нюхают.

— А кто?

— На мотосыхле. Обэхэсэс едет-едет, истит-истит, нюхает...

— Находит?

— Не-ет, он не находит. Потому что высоко. Он едет по тропинке на мотосыхле. Тропинка кончается, он дальше не едет, не может ехать, у нас выше барашки ходят.

— Но он может сойти с мотоцикла, пойти пешком?

— Не-нет, нет! Он пешком не может дальше идти.

— Почему?

— Это наше дело... Секретная... Тебе не нужна запчасти? Там «Ижевец» есть, другая мотосыхли, «Ява» есть... любые запчасти! Там целый склад есть. Хочешь — пожалуйста. Я для людям счастья делать всегда рад!

* * *

Очень нарядный бульвар в центре города Бишкека, тянущийся с легким подъемом вверх. Где-то посередине — бюст человека киргизской национальности.

Я. Девочка, как тебя зовут?

Девочка (лет двенадцати, русская, в школьной форме). Лена.

Я. Ты не знаешь, кто изображен на этом постаменте?

Девочка. Извините, не знаю. Мы здесь всего месяц живем. Извините. (Уходит.)

Я (приближающейся киргизской девочке того же возраста). Ты не знаешь, кто изображен на этом постаменте?

Вторая девочка. Ой! Не знаю! Стыдно, правда? Ой! (Ушла.)

Я (приближающемуся старшему лейтенанту милиции — киргизу). Скажите, пожалуйста, кто изображен вот здесь?

Старший лейтенант (отдав честь, на ходу). Меня это не интересует!

Но самое некрасивое в этой истории — то, что автор этих строк уехал из города, так и не узнав, кто на постаменте. А мог бы быть понастойчивее! Поэтому: «Неча на зеркало пенять, коли рожа крива».

* * *

Я. Дедушка, скажите, пожалуйста, как раньше назывался ваш город?

Дедушка. Ленинабад. Всегда была Ле-ни-на-бад.

Я. И до революции был Ленинабад?

Дедушка. Ленинабад всегда была Ленинабад.

Я. И пятьсот лет тому назад — Ленинабад?

Дедушка. Всегда, всегда, и тысяча лет назад — Ленинабад!

Я. Спасибо.

Дедушка отходит от меня на несколько метров. Останавливается, поворачивается.

Дедушка. Э-ээ-э! Приходи сюда! — Я подхожу. — Сейчас на базаре я слышал, что новые власти хотят новое имя дать Ленинабаду, кажется Ходжент.

Я. Спасибо, спасибо, дедушка. Дай Бог тебе здоровья.

Дедушка ушел.

Слава Аллаху — гора с плеч. Ходжент, конечно Ходжент. Город, связанный со славой Александра Македонского.

Резюме народного артиста РСФСР Никиты Подгорного: «Самое смешное то, что ты разговаривал с самим Александром Македонским!»

* * *

Перед спектаклем стараешься не есть: на пустой желудок играть легче. И естественно, после спектакля очень хочется сесть за обильный стол.

Малый театр на гастролях в Тбилиси.

Буквально за пятнадцать минут до закрытия влезаю в кафе на четырнадцатом этаже гостиницы «Иверия».

— Ради Бога, извините, что так поздно... Только что закончился спектакль.

— Что ви, что ви! — успокаивает официант, молодой красавец грузин. — Ви дорогие наши гости. Вот вам меню, выбирайте, пожалуйста, что хотите. Пожалуйста...

— У вас какая-нибудь зелень есть?

Смеется:

— Зелень — это трава, она растет на земле, а здесь четырнадцатый этаж.

— Понятно. Тогда дайте кусочек сыру.

— Ой-ой-ой, дорогой! У нас не гастроном: пришел, взвесил, скушал. У нас был во-о-от такой кусок сыра утром, ваши скушали за завтраком.

— Тогда, если можно, традиционный шашлык!

— Ой, и-и! Вам не везет! У нас давно мангал не работает...

— Тогда дайте, пожалуйста, жалобную книгу!

Никаких записей я делать в книге не собирался. Решил сострить: дескать, съем на ужин эту книжку. Официант шутки не понял. Он на какое-то мгновение чуть опешил... Но довольно быстро нашелся:

— В таком случае один шашлык я вам, наверное, найду... Как-нибудь...

— Тогда вы, может быть, и сыр найдете?

— Конечно! Большой кусок возьмем — маленький отрезем!

— Ну, вот видите. Значит, у вас наверняка и зелень есть?

— Конечно! Во дворе растет. Сметанкой польем, дорогой мой друг!

— Оказывается, у вас всё есть?!

— В Грузии всё есть! Жалобной книги нет у нас!

— А что, если попадется вам недобрый клиент и действительно напишет жалобу на вас?..

— Нет, этого не может быть. Мой папа врач. Он говорит: «Не надо кушать на ночь, это вредно... Так всем и говори, а если клиент будет скандалить — пожалуйста, дай ему покушать, что хочет — дай. Пусть сам себя убивает. У тебя совесть чиста будет — ты предупредил...» Так что? Принести вам шашлык?

— Нет, не надо. Мне салатик — и всё. Жить хочу... Привет папе!

* * *

Тбилиси. Пожилой грузин продает цветы.

— Сколько стоят ваши чудесные цветочки?

— Три рубля дэсяток.

— Нет, нет, сколько стоит один цветок?

— Одын цветок в Грузии ничего не стоит.

— Можно взять?

— Нэльзя!

* * *

Скорый поезд Тбилиси—Москва. Возвращаемся с гастролей. В моем купе — трое мужчин и миловидная дама. Выхожу в коридор покурить. У окна — милиционер.

— Товарищ милиционер, у нас в купе трое мужчин и одна дама. На почве ревности могут разгореться страсти, может дойти до поножовщины. Вы вмешаетесь?

— Нэт.

— Почему?

— Я в отпуску.

* * *

Шестидесятые годы. Латвия. Дзинтари.

Местный житель знакомит меня и артистов Малого театра Бориса Горбатова и Геннадия Сергеева с достопримечательностями чудесного курорта: «Это дача знаменитого писателя, вы видите забор с национальным орнаментом, ему уже 120 лет, это очень красиво, правда? Мы очень гордимся такими

красотами — это наше, национальное! Вот костел старинный — это типично наше...»

Подходим к железнодорожному вокзальчику: «Этот вокзальчик типично нашей архитектуры... А вот ларечек с национальным орнаментом на крыше... Это все наше... И пиво в ларечке... вкусное-вкусное... наше пиво!»

Наливают нам по кружке пива. Заходим за ларек, чтобы не мешать другим... На земле валяются обгрызанная вобла, несколько рыбьих голов, равные пакеты, окурки, пустые пачки из-под сигарет и даже использованный резиновый противозачаточный «препарат»... Наш гид холодно сказал: «А это — ваше...»

* * *

Михаил Семенович Щепкин (1788—1863), русский актер: «Твоя судьба зависит от подмостков... Священнодействуй или убирайся вон! Настоящий актер должен ходить, говорить, мыслить, чувствовать, плакать, смеяться, как хочет автор, чего выполнить, не уничтожив себя, — невозможно!»

Замечательные слова! Одна только мысль «сущит мозг и бицепсы»: почему гениальный Щепкин не сыграл ни одной роли в пьесах Островского на сцене «Дома Щепкина и Островского»? (Информация из книги Н. Эфроса «М.С. Щепкин», Петербург, «Светозар», 1920.)

* * *

Смешная пантомима, пародия, джаз, фокус, как правило, требуют высоких темпоритмов.

Драма, основанная на внутренних катаклизмах, требует точного психологического переживания,

которое не терпит суеты, ускорений... Актер всегда должен существовать в предлагаемых сценических обстоятельствах по закону «так нужно», а не по антизакону «мне так удобнее». «Так удобнее» должно добиваться, но в логике требований «так нужно». Если внутренняя логика жизни человека-роли не мотивирована, не выстрадана тобой и не приносит тебе удовлетворения, не лишена наружности — роль не сыграна. Это — брак!

* * *

Идет спектакль. Пьеса серьезнейшая. На сцене знаменитого театра — знаменитейшие артисты. Я на самой галерке — места студентов. Один из главных героев вызывает раздражение зрителей: ну ничего непонятно из того, что он говорит! Другие говорят внятно — все слышно. Он же то ли не в форме, то ли болен, то ли зубы болят — ну ничегошеньки не понятно... И представьте себе, он, именно он заслужил самую энергичную, одобрительную реакцию зрительного зала. Случилось это в самом конце спектакля, когда он, положив шляпу на стол, вышел почти на авансцену и, четко выговаривая побуквенно каждое слово, печально произнес: «Меня никто не понял!!» (Это — по роли.)

* * *

Помимо экзаменов по самым различным дисциплинам в театральном училище имени Щепкина при Малом театре практиковался еще и ряд зачетов, в том числе по речи — художественному слову.

На один из таких зачетов приехала из Киева мама моего однокурсника Володи Бенюмова — пол-

ная, пышная женщина, и была допущена в зрительный зальчик.

Села она в первый ряд, впереди педагогов. Настал черед ее сына.

— «Стихи о советском паспорте» Маяковского, — объявил он.

Мама выдохнула тихо, восхищенно: ой!

— Я волком бы выгрыз бюрократизм... — начал Бенюмов.

— Ой! — снова сказала солидарная с сыном и автором, мама.

— К мандатам почтения нету...

— Ой! — сочувственно подтвердила мама.

— К любым чертям с матерями катись...

— Ой! — испуганно сказала мама...

— Любая бумажка, но эту...

— Ой! — бодро сказала мама.

Бенюмов вдруг крикнул:

— Замолчи, мама!

В зале хохотали. Бенюмову поставили зачет.

* * *

Гастроли Малого театра в Новосибирске.

Свободный вечер. Смотрю спектакль местного, весьма солидного, театра... Рядом в кресле очень беспокойный сосед, он постоянно (правда, шепотом) критикует происходящее на подмостках, обращаясь то ко мне, то к самому себе...

— Плохо, плохо, плохо... и это никуда... никуда... провинция... Про-вин-ция! А дикция, а дикция... Ну, ужасно... Господи, разве можно так в театре говорить! Кошмар! Каша во рту. Позор... — Обращается ко мне: — Посмотрите на декорации, а?!

Ну что? Видите? Обшарпанные, рваные... Стыдно, ей-ей. Господи, и это государственный театр! На дотации... И немалой! А музыку вы слышите? Ну совершенно, совершенно не вяжется со сценическими событиями! Ну никак! Плохо... Плохо... Эх-хе-хе... мастера... заслуженные, разнородные... нельзя так, господа! Нельзя... Плохо... плохо... плохо... плохо...

Слава Богу! — после антракта место рядом со мной было пусто и тихо... Спектакль мне понравился!

Снова свободен от репертуара, снова подался в театр, но в другой, менее известный — приезжий, гастролировавший параллельно с Малым...

Очень слабый премьерный спектакль, в котором почти всех артистов было не слышно, многие явно переигрывали, кривлялись или впадали в другую крайность, то есть вели себя неоправданно вяло, вне требований предлагаемых сценических обстоятельств. Спектакль был принят холодно, но все же жиденьких аплодисментов хватило на то, чтобы два раза вызвать на поклон артистов, а потом еще и постановщика. Во взлохмаченном, со счастливой улыбкой и светящимися глазами режиссере я узнал своего соседа по спектаклю в местном театре.

* * *

Радиостудия. Запись спектакля «Шельменкоденщик». Участникам спектакля от тридцати до сорока пяти лет. Ждем опаздывающего исполнителя главной роли, уже старенького Леонида Осиповича Утесова... Появляется... Начинаем запись... Все в очках... И только Утесов без них. Объяснил он этот феномен так:

— Вы все не поете и не читаете, нет. Вы читаете газеты, а буквы сушат, в них нет тона. — И лукаво добавил: — Жить надо, дорогие мои соотечественники, напеваючи и все свободное время — особенно свободное от политзанятий — проводить на природе, на море, например в моей родной Одессе!!!

Я спросил:

— Простите, но ведь вы уже давно — москвич?

— Да, но я не хожу на политзанятия, и поэтому я дальнзоркий — у меня собственное видение мира и общества, я независим от чужой «оптики», поэтому я и хожу по жизни без увеличивающих стекол, то есть — без очков! Генуг трепаться, очкарики, давайте работать!

* * *

Всякий театральный курьез или накладка, как мы называем любое непредусмотренное нарушение хода спектакля, киносъёмки, репетиции, радиозаписи или концерта, всегда, честно признаться, подспудно желаемы! Да, да — желаемы! О, это милое безобразие!! И чем оно милее и безобразнее, тем более прочное место занимает в огромной копилке актерских баек! Если это безобразие велико (но в пределах, естественно, допустимого), оно входит в классику этого жанра и может являть собою странички театральной истории.

Ну как, например, забыть начинающего конференсье, не решавшегося на многословное объявление: «Выступает лауреат Сталинской премии, лауреат конкурса мастеров художественного слова, орденоносец, артист Государственного ордена Ленина Академического Малого театра Союза Совет-

ских Социалистических республик, заслуженный артист РСФСР Всеволод Аксенов» — и просившего разрешения сократить перечисление титулов... Сначала попросил убрать один, затем другой и успокоился, получив право сказать только: «Заслуженный артист РСФСР Всеволод Аксенов»... И вот настала пора выступать Всеволоду Николаевичу. Молодой конференсье бодро вышел к микрофону и так же бодро объявил: «Антон Шварц!!!» (Он тоже имел звание заслуженного артиста РСФСР и мастера художественного слова и был популярен не менее Аксенова.) Но, повернувшись в сторону не решавшегося выйти на публику артиста, понял свою оплошность и добавил, чуть-чуть побледнев: «Шварц не будет выступать, он заболел. Вместо него...» Далее ничего не пришлось говорить, так как Всеволод Николаевич, выручая новичка, появился на сцене. Раздались бурные аплодисменты публики, приветствовавшей своего любимца, который, задержав молодого конференсье, подвел его к микрофону и сказал, обращаясь к нему: «Не волнуйтесь, ради Бога! К сожалению, не все знают, что сегодня в вашей жизни большое событие — первый концерт на столь ответственной площадке, как Колонный зал Дома союзов, и никто не знает, что сегодня же на дневном концерте во Дворце культуры завода имени Ильича вы уже объявляли фамилию выступавшего артиста Шварца, так что не грех и оговориться (аплодисменты). Я абсолютно убежден в том, что вы не забыли мою настоящую фамилию — Качалов!» Гомерический хохот зала превратил эту сцену в милую шутку, в милое «безобразие»!

* * *

Театр имени Станиславского.

Режиссер X (*маститый, очень знаменитый*). Чеховских «Трех сестер» должно ставить в наши дни... несколько иначе... в отличие от прежних трактовок. Нужна... новая партитура философ...ских да и быто...вых акцентов. И... это... позво... (*Засыпает. Пауза.*)

Один из артистов. Икс Иксович! (*Кашлянул.*)

Режиссер X (*проснулся*). Второй акт может состояться, так сказать, в традиционном звучании, так как оснований... для переосмысли...вания нет... Он... не на...до (*Засыпает. Пауза.*)

Другой артист (*тихо*). Икс Иксович... (*Кашлянул.*)

Режиссер X (*проснулся*). А финал совершенно ясен, тут мудрить не нужно... Ну, как вам новая трактовка? Ничего не раздражает?

Премьера имела большой успех!..

* * *

В Театре имени Станиславского работал артист, страдавший kleptomанией. Во время спектаклей то у одного, то у другого артиста пропадали деньги — пятерки, десятки. Если человек сразу обнаруживал пропажу, он шел к нему и спрашивал:

— Ты взял?

— Да, — всегда признавался несчастный и возвращал деньги. Разумеется, если не успевал их потратить.

Ведущий артист театра К. после спектакля, сняв игровой костюм и облачившись в свой, обнаружил, что у него из кармана исчезли двести рублей. Он

тут же пошел к «больному» артисту и, не деликатничая, в очень грубой форме спросил:

— Это ты у меня взял двести рублей? Надоело, черт возьми! Сколько можно, я тебя спрашиваю? Ты у меня взял деньги?

Клептоман посмотрел на него грустными глазами, понял, что ему не отвертеться, и тихо сказал:

— Да.

— Возвращай.

— У меня нет.

— Идиотизм! В ближайшую получку чтобы вернул! Безобразия!

Вернул... Окончился сезон. Около двух месяцев спустя начался очередной. И на первом же спектакле (игралась та же пьеса) артист К. вдруг находит свои двести рублей во внутреннем кармане игрового костюма.

Он тут же пошел, вернул деньги клептоману, извинился и спросил его:

— Почему сразу не сказал, что не брал денег?

— Ты бы не поверил!

* * *

Не было случая, чтобы при встрече с Петром Алейниковым — знаменитым киноартистом — мы не обменялись бы смешными историями из жизни.

— Дело было, значит, в Донбассе. Мы там часто, я тебе скажу, делали кино. Живем, значит, в одной гостинице, — начал Петр, — снимался народ замечательный: Бэ-Фэ — Борис Федорович Андреев, значит, Крючок — Николай Афанасьевич Крючков — и многие другие. И я между ними кручусь, значит. Молодые были, заводилы!

Однажды встречалась наша киногруппа с коллективом какой-то, не помню, шахты. Принимали нас, ну скажу тебе, дружок, прямо по-царски. Поросята, жаренные целиком, на столе, — это, оказывается, традиционное шахтерское блюдо, как у американцев — индейка. Выпить — ошалеть можно было, кому хотелось, конечно... Я, честно говоря, пригубил маленько, и так ласково внутри все захошило, так мило стало все кругом... Подарили нам по ручке-самописке — они тогда только-только в моду входили — и к ним по бутылочке чернил, чтобы впрок, надолго... синих-синих... И еще, зачем не знаю, по бутылке тройного одеколона. Флакончики друг на друга похожи, ну, как родные, и пробочки закручивающиеся — тоже как сестры. Поспасибовали мы шахтеров и веселенькие пришли в гостиницу. Разошлись по номерам. Духота — жуть. Днем 36 градусов было. А вода, как назло, из кранов не течет, и электричество отключено! Совсервис! Ночь — темная-темная...

Настало утро. По расписанию выезд на съемку назначен на шесть часов утра. Все собрались, кроме Бэ-Фэ. Значит, ждем-ждем, нет и нет его. Отправились мы с ассистентом режиссера — симпатичной молодой девицей — в номер пропавшего. Стучим в дверь нежно-нежно... Ответа нет... Посмелее стучим. Молчок. Я кулаком стучу — немота. Нажимаю на ручку двери — открыто! Входим! Под простыней «фигура» храпит.

— Борис, подъем! Ждем тебя, подъем!

Зашевелилась «Кутафья башня», простынку сбросила, села. Девица моя хлоп в обморок и повисла на моих руках. А у меня ноги затряслись. «Башня» вста-

ла, посмотрела на себя в зеркало, ухнула, крякнула и на пол от страха села. Я и Борис, клянусь тебе, одновременно посмотрели на пустую бутылочку с синими чернилами и завыли от смеха. Дама в себя пришла и говорит, что вчера подругам рассказала, как бабушка ее помирал и синим-синим сделался, ну вот, говорит, точь-в-точь как Борис Федорович. Он — Бэ-Фэ-то, правда, не весь синий сделался, у него белых мест на туловище немного, но осталось, поэтому он очень был похож на лошадку-зебру, вставшую на задние ноги. Понял все? Нет?.. Ночью ведь темно было, воды нет, а духота страшная — вот наша «Башня» дорогая, поросеночком объевшаяся, проснулась ночью и освежиться решила... одеколончиком. Нащупала бутылочку, да не ту, ну и все... Посинел, значит. Всюду посинел — под мышками, лицо все, волосы с синевой, живот, коленки, все-все синенькое... Вот это да-а-а! Аттракцион! Это знаешь что? Это, если по-русски сказать, настоящий монтебенкс!!

* * *

Съемки кинофильма «Трембита» проходили в 1968 году в селе Пелипец Хустовского района, недалеко от города Мукачево.

В свободный от съемок день Иван Переверзев и я поехали посмотреть на знаменитый мукачевский рынок. Увидели чудесные соски для грудных. В Москве такие найти было трудно (все для государства, и почти ничего для человека), а у меня и Ивана Федоровича — сыновья-младенцы. Купили по три штуки. Хорошие, красивые, заграничные сосочки! Мукачево — пограничный город, поэтому на рынке много иностранных товаров.

Ходили, глазели, проголодались. Решили зайти в закусочную. Обнаруживаем, что в карманах сосок нет! Исчезли... Сели за столик, настроение испорченное. Популярного Переверзева сразу узнали, кто-то прислал нам бутылку шампанского, мы попытались отказаться, но... оказались окруженными компанией мукачевцев и разговорились...

— Шо цэ вы якие-то мрачноватые?

— Да как-то не до веселья: купили детям соски по три штуки, а их украли. Противно! Соски воровать — это уж, знаете... — отвечает Переверзев.

— Айн момент...

Один из собеседников убежал... Минут через десять вернулся и принес шесть сосок! Как мы ни уговаривали, денег с нас не взял.

— Звыняйте! У нас туточки одын фраер е, так вин на сосках заробляе. У него дvi подруги-продавщици соски гоняць по 15 карбованцов, а фраер ходэ за покупцямi, соски у ных выкрадае и обратно подругам отдае, а воны знову их продають... Пиды докажи, що воны ти, яки вкралы! Так цiлий день вкруговэртъ и торгують, — объяснил наш благодетель.

— Мда-а-а! Любопытный образ: вор сосок! А? — подвел итог случившемуся Переверзев. — Человек зарабатывает на ворованных сосках... Живет сосками... весь в сосках... А младенцам, беднягам, нечем себя обмануть и не удастся заснуть. Мда-аа... Забавно!

— Хотел бы сняться в такой роли? — спросил я.

— Если бы вор крал соски не у купивших, а у продавщиц, перепродающих их в двадцать раз дороже, и посылал бы их, ну, скажем, в ясли поселений Крайнего Севера или в семьи бедных, если бы он был таким суперменом, обличающим несо-

стоятельность государства в деле производства сосок, да еще если бы он на старости лет написал книгу под названием «Мы и соски», или «Государство, мы и соски», или «Грудные всех стран, соединяйтесь!», или «Грудные! Утопим в слезах всех воров сосок!» — тогда с удовольствием сыграл бы...

— За чем же дело стало? Сценарий у вас готов... — подзадорили все будущего героя.

И только вернувшись «домой» в село Пелипец, Иван Федорович вдруг спросил:

— А откуда наш благодетель взял шесть сосок? Не он ли и украл их у нас? А, маенькая моя? (И к мужчинам, и к женщинам он обращался одинаково — «маенькая моя».)

* * *

В селе Пелипец собралась большая компания по поводу... не помню чего... С нами застолье разделила очень симпатичная мадьярка — «подруга» местного священнослужителя, уехавшего на несколько дней в Ужгород.

Засиделись, захмелели. Подруга тоже... Расходился Иван Федорович, на которого «жарко» весь вечер смотрела гостья, на прощание столь же «жарко» поцеловал ее в губы... Подруга — раскрасневшаяся, почти задыхавшаяся — выскочила на крыльцо и на всю деревню запела: «Бога немає»...

Вернувшись в село, батюшка сменил подругу.

* * *

Ялта. В двухкомнатном люксе три артиста: И.Ф. Переверзев, я и артист... не могу вспомнить его фамилию, извините. Звали его Васей.

Я. Иван Федорович, улетаю в 6 часов утра.
До встречи в Москве.

Переверзев. Ты знаешь, маенькая моя, я тебя провожу. Сейчас поспим, да? Ты, когда утречком совсем уж соберешься, толкни меня, я быстренько умоюсь — и айда... Я тебя провожу и с удовольствием ем по Симферополю поброжу.

В 4 часа утра встаю, собираюсь. Вася и Иван Федорович сладко спят. В 4.20 — бужу Переверзева.

— Перестань, ну перестань, дай поспать... Вася! Отстань! Ну отстань, Вася... Я устал, дай поспать... Я только что Весника до аэродрома проводил...

В Симферополь я уехал один. Жаль мне было седого «ребеночка» тревожить, — уж больно сладко спал «малыш»...

* * *

«Для своего времени он совершил работу Данте, работу Шекспира и Микеланджело, а иногда он ставлял вспоминать и о пророках. Он стоит на тех высотах, которые господствуют над вершинами, расами и странами. Нельзя сказать, откуда он происходит, так как родина его весь мир! Его можно объяснить, только приняв во внимание самопроизвольность и широкую независимость гения».

«Умереть для него значило — творить».

«Достигать величия в спокойствии — в этом сущность античного искусства, достигать величия в характеристике — в этом сущность христианского искусства. Если бы Рембрандт не был гением, его считали бы безумцем... Впрочем, гений и есть до некоторой

степени безумец! Творчество Рембрандта — сверхчеловеческого порядка... Он загадка... Он — вне времени... Он отдал в миллионы раз больше, чем взял!! В глазах толпы Рембрандт был уродом».

* * *

Мой сольный концерт ведет режиссер Малого театра Леонид Заславский. Концерт проходил в Доме культуры какого-то завода. Когда Заславский на сцене — я за кулисами, и наоборот. Жду, когда Заславский объявит мой выход, но вместо этого вдруг слышу:

— Товарищ, вы пьяны! Выйдите из зала! Вы мешаете зрителям и нам. Выйдете!..

И объявляет меня. Я пробыл на сцене минут тридцать-сорок, объявил антракт и ушел за кулисы. Вижу смеющегося Заславского. В чем дело?

— Пьяного выгнал из зала. Ты слышал? Сейчас с ним здесь объяснились. Приходит, шатается, лыка не вяжет: «На каком основании вы позорите меня перед залом?» Я ему отвечаю: «Зачем же, дорогой товарищ, во весь голос разговаривать, да еще в верхней одежде?» — «Это не ваше дело, — возмущается он, — вы мне за это ответите! Ответите за оскорбление!» — «Давайте, — говорю, — представимся друг другу, а потом будем продолжать разговор. Я — режиссер Малого театра Леонид Заславский». — «А я, — говорит пьяный, — художественный руководитель этого ДВОРЦА культуры!»

* * *

Заседание художественного совета Театра эстрады. Большинство талантливых членов — еврей-

ской национальности. Собрались для того, чтобы прослушать новую пьесу молодого автора адекватной национальности Евгения Аграновича и решить ее судьбу.

Автор бледен, волнуется... Художественный руководитель Николай Павлович Смирнов-Сокольский — патриарх русско-советской эстрады, автор многих книг, библиофил — успокаивает его:

— Женечка! Возьмите себя в руки. Вы написали прекрасную пьесу. Читайте смело, бойко, и пусть вас не смущает, что я представляю здесь национальное меньшинство!

* * *

Шестидесятые годы. Пожарный Театра Сатиры — солидный, интеллигентного вида человек, лет семидесяти—семидесяти пяти, очень крепкого телосложения, любитель «употреблять» и «укусно закусить», очень добрый, разговорчивый, открытый, говорящий с легким одесским акцентом...

Я. Пожары-то бывают? А то ведь без них, наверное, скучно вам?

Пожарный. Бывают, частенько бывают, а шо делать... бывают.

Я. Что-то за многие годы не видел и не слышал, чтобы в нашем театре сгорело что-нибудь.

Пожарный. А вам и не надо видеть и слышать. Зачем? Шо, вам это поможет грать лучше? Нет, конечно. Это же наше дело, чисто профессиональное дело, и зачем нам еще вас в него упутывать? Когда вы все уходите, я иногда шо-нибудь немножечко так, знаете, легонько подожгу и сам же потушу.

Вызову кого трэба, акт потихоньку, без паники составим. Потом премию получим... И все замечательно! Мы материально прилично живем, лучше артистов!

* * *

В пятидесятых годах в газете «Советское искусство» появилась статья «Гиперболизм и преувеличение». Помню фамилию автора — Назарова.

...Вечером на спектакле ко мне за кулисами подошел тот же пожарный.

Пожарный. Хотел бы прояснить один вопросик. Целый день слышу у театре «гипербола», «гиперболизм» — это шо, игра какая-то? Гипербол? Да?

Я. В каком-то смысле можно сказать — да, игра...

Пожарный. А где играют?

Я. Бывает, на сцене пользуют...

Пожарный. Наверное, на оперной? У нас тут никогда не играли, не видел...

Я. Да, на оперной чаще гиперолой пользуют...

Пожарный. Надо сходить посмотреть. Мячик большой или как теннисный?

Я. Это зависит от гиперболизации.

Пожарный. Игра западная или азиатская?

Я. Международная, всемирная, интернациональная...

Пожарный. А нам-то зачем вона? Городки, и те забросыли! Вот их надо на сцене пропагандировать, а не гипербол какой-то. Может, кому-то просто слово нравытся — гипербол! Да назовите вы нашу лапту — лаптбол — и успокойтыся. А то весь день по театру — «гипербол», «гипербол». Протывно! Низкопоклонство пэрэд Западом!

* * *

1958 год. Ленинград. Гастроли Театра Сатиры.

Заслуженный артист РСФСР Александр Петрович Денисов и я на ночном Невском проспекте...

Денисов. Вы знаете, Женя, здесь ночью бывает неспокойно... Не грех иметь для защиты какое-нибудь оружие. Не знаю, как вы, но я никогда не бываю невооруженным, да еще по ночам, где бы я ни был! Это у меня — закон!

Я. И сейчас вооружены?

Денисов. Непременно. Смотрите... *(Долго что-то ищет в карманах, находит.)* Вот.

В руках у него маленький перочинный ножичек с лезвием в длину не более пяти сантиметров. Глаза горят! Айвенго!

* * *

В одной из телевизионных передач «Бомонд» ведущий Матвей Ганапольский спрашивал меня, был ли я октябренком, пионером, комсомольцем, членом компартии, и, получив на все отрицательный ответ, воскликнул: «Так вы же чисты перед государством!» А по окончании эфирного времени с любопытством спросил: «А играть коммунистов доверяли?» — «Было дело», — ответил я и поведал ему историю создания роли освобожденного парторга крупного завода по пьесе Алексея Симукова «Девуцы-красавицы» в Театре имени Станиславского.

Играл и имел большой успех... Почти все московские газеты поместили рецензии на спектакль, и во всех мою игру называли «новым решением образа партработника». Мне кажется, успех пришел от моего желания сломать заштампованную много-

значительность актерского поведения в этих «партийных» ролях. Правда, в моем послужном списке есть роли партийцев, в которых я тоже пользовался красками многозначительности, но в проявлении безапелляционности, тупости, ограниченности, самоуверенности и только для того, чтобы на сцене действовал человек недалекий. А вот прототипом парторга в вышеупомянутой пьесе стал мой отец — коммунист-фанатик, скромнейший человек, занимавший очень большие и разные посты и в Гражданскую войну, и в пору индустриализации страны, неоднократно награжденный и «благополучно», в порядке «поощрения», расстрелянный в тридцать седьмом году. Мое исполнение стало как бы мечтой о благородном облике коммуниста. Это сейчас трудново себе вообразить, а в то, отцовское, время такой облик был явлением само собой разумеющимся. На письменном столе моего парторга вместо нескольких телефонных аппаратов стоял один, бутылка кефира, ваза с домашними пирожками, которыми я угощал всех, приходивших ко мне в кабинет. Сидел я за столом в рубашке, без галстука, пиджак был повешен на спинку стула...

Спектакль игрался в самом начале пятидесятых годов, и легко себе представить, какое впечатление на зрителей производили мои движения навстречу входившим в кабинет, угощение собеседника чаем, заваренным самим парторгом!! Вот такое простое, нормальное, лишенное партийной «многозначительности», человеческое поведение и вызвало буквально шквал положительных отзывов! И называлось во многих газетах — «новаторским»! Ха-ха!

* * *

По окончании театрального училища имени Щепкина я дважды заполнял анкету для вступления в труппу Малого. Не взяли — «сын врага народа». То, что воевал, что награжден двумя медалями «За отвагу», орденами Красной Звезды и Отечественной войны, то, что демобилизовался в звании гвардии лейтенанта, — не в счет! Главное — «сын врага народа»!

* * *

Директор Театра Сатиры Михаил Семенович Никонов вызвал к себе заведующего столярным цехом Напалкова, обаятельного волжанина.

Никонов. До меня дошли слухи, что частные заказы по изготовлению сложнейшей мебели из красного дерева ты выполняешь за десять-пятнадцать дней, а декорации к спектаклям делаешь месяца полтора-два. Как это понимать?

Напалков (окая). Тут понимать-то нечего, Михаил Семенович... Ты мне деньги хорошие плати, я тебе, дорогой, всю пятилетку в четыре ночи выполняю... Вот и все понимание!

* * *

Наша актриса, оглядывая гробницу Тутанхамона:

— Живут же люди!

Она же, увидев впервые в 1990 году супермаркет в Тель-Авиве:

— Ну почему мы такие несчастные?

* * *

После сольного концерта среди вышедших на сцену с цветами в руках — трое ребяташек. Целую

головку мальчика лет семи, затем девочки лет шести, наклоняюсь к самому маленькому и слышу: «Я — лилипут!»... Не решился поцеловать, сказал, растерявшись: «Спасибо, маленький!»

За кулисами местный администратор сказал, что лилипуту сорок четыре года и зовут его Максимом Гербертовичем.

* * *

Жена очень известного артиста и моего большого друга, исчерпав все свои педагогические способности в благородном деле отвлечения мужа от возникающих порой потребностей поговорить с «зеленым змием», решила на крайние меры: «Я тоже решила встать на пагубный путь: назло тебе начинаю пить водку!»

Сказано — сделано. Купила бутылку водки, всю выпила, слегла и занемогла... вызвали «скорую». Отравление. Интенсивные меры очистили организм разными «путепроводами»! Еле-еле пришла в себя и подарила человечеству словесный шедевр сострадания: «Толя! — она посмотрела на мужа любящими, полными сочувствия глазами. — Бог мой! Как вы, оказывается, мучаетесь, бедняжки!»

После случившегося муж переродился: стал внимательнее относиться к тем проблемам, которые волновали жену, и грешил все реже и реже, все невиннее и невиннее...

* * *

В 1967 году единственный раз в жизни я был избран в местном Малого театра... Старательно высиживал все заседания, наблюдал, как сложно, но за-

ботливо решались проблемы распределения десяти-пятнадцатирублевых загадочных премий, как столь же непонятно уму моему каким-то образом выявлялись победители только сейчас, на заседании, обнародованных социалистических соревнований, ранее многим неизвестных, и как предельно горячо, с увлечением, достойным быть примером в процессе творческих мучений при создании очередной роли, обсуждался чей-то незначительный дисциплинарный проступок. Количество ролей, к сожалению, резко уступало количеству заседаний месткома, не говоря уже об объемах текста этих редких ролей! Если бы объемы текстов, произносимых членами месткома на заседаниях, соответствовали объему сценических текстов, — весь местком вошел бы в число выдающихся, предельно творчески загруженных мастеров мировых подмостков.

Все это я с интересом наблюдал на каждом профсоюзном сборе, робко поднимал руку, получал слово с просьбой быть очень лаконичным, просил уделить хоть десять минут творческим проблемам театра, то есть обсудить качество спектаклей, вопросы недостаточной занятости артистов, их житейской неустроенности, поддержки талантливых людей и их работ, но «каженный раз на ентом самом месте» выслушивал один и тот же ответ: «Да погоди ты... Сейчас не до этого!» При перевыборах членов месткома мое поведение на заседаниях было квалифицировано как отвлекающее от серьезной, активной общественной работы и не соответствующее членству в месткоме театра! Слава Аллаху! За то, что мое «несоответствие» обнаружили через год, а не два или три!.. Большое спасибо им за это

и за то, что лишний раз подарили мне возможность по-доброму, но сочувственно улыбнуться и, конечно, чуть-чуть кое о чем задуматься.

* * *

— Женя, заедем сначала ко мне на две-три минуты, а потом я тебя отвезу домой, — сказал мой московский дружок.

Едем. Дружок продолжает:

— Сегодня, между прочим, понедельник, и это для меня самый счастливый день. Да, да, для евреев понедельник — самый счастливый день.

И тут машина проваливается в какой-то люк. Голова дружка в крови. С помощью прохожих вытаскиваем машину, сажусь за руль и везу дружка в институт имени Склифосовского...

Встречаемся мы теперь редко, но тем не менее всякий раз задаю ему один и тот же вопрос-пароль: какой самый счастливый день для евреев? И всегда слышу: «понедельник»! И всегда в это мгновение чуть-чуть багровеет маленький шрам на лбу моего дружка!!!

Между прочим, его фамилия — Субботин!

* * *

Я как артист учился у детей в большей степени, нежели у взрослых! Мой партнер по кинофильму «Хочу, чтоб он пришел» пятилетний Женечка Авечкин мог бы быть примером высочайшего мастерства для маститых артистов, особенно для тех, кто переоценивает свое дарование! А таких артистов большинство! Претензий больше, чем таланта! Бог мой, как слушал Женечка меня, партнера, как

он доверял мне, верил мне, как искренне плакал! Фантастическая непосредственность! Я никогда не отказывался от фильмов, в которых участвовали дети! Я учился у них!

* * *

Театр должен быть коллективом единомышленников, которые по своей воле (в сарае ли, в подвале или в парке — неважно) объединяются вокруг Лидера, Личности и честно служат общему делу. Если в коллективе начинаются разногласия, неприязнь друг к другу, интриги, эту группу нужно распускать и набирать другую. Театры нельзя искусственно поддерживать, содержать или реанимировать!

* * *

Мне всегда были по душе те роли, которые создавались в творческом конфликте с режиссерами... «Отвоеванная» мною трактовка роли (или пусть даже одна фраза) делала их для меня особенно дорогими.

* * *

Ночь. Великий артист будит старенькую домработницу Ньюшу.

— Пойдем в кабинет.

Вошли. Темно... Артист на ощупь усаживает Ньюшу в кресло...

— Сиди... Сейчас я устроюсь за своим столом и зажгу настольную лампу... Ты посмотришь на меня... Если тебе станет страшно, скажешь «ой», если нет — пойдешь досыпать...

Сел. Зажег лампу.

— Ну как?

— Чаво ты меня разбудил, фулиган... Ну тебе... — Ньюша ушла.

Следующая ночь. Все повторяется... Ньюша недовольная промолчала и ушла досыпать...

Третья ночь. Лампа зажигается. Ньюша тихонечко прохрипела: «Ой!»...

Вот таким образом главный режиссер МХАТа великий Николай Павлович Хмелев после настоячивых поисков нашел и утвердил грим для роли Ивана IV (Грозного), к исполнению которой кропотливо готовился.

Скоропостижная смерть не позволила этому сбыться.

* * *

Зрители заметили, что у Николая Павловича во время спектакля все больше и больше, все явственнее отклеиваются, под воздействием собственного дыхания и движения губ, усы. В зрительном зале начались легкие смешки и едкий шепот...

Мастер вышел на авансцену и, буравя свирепым взглядом сидевших в зале, резким движением руки сорвал «взбесившиеся» усы, затем после внушительной паузы, во время которой зрители успокоились и установилась, как говорят, «мертвая тишина», возвратился в установленную мизансцену и как ни в чем не бывало продолжил свою роль...

Влюбленный в Хмелева гример, готовивший его к этому спектаклю, на следующий день на работу не явился... Запил от горя и «позора»...

Телефонный звонок, раздавшийся в квартире гримера, и добрый голос любимого артиста, спра-

вившийся о здоровье «заболевшего», отрезвил и вернул его на работу...

* * *

На сцене — два знаменитых артиста МХАТа и известная артистка...

Первый (второму). Какого ты мнение о нем?
(О ком-то третьем.)

Второй. Поганый человек!

Первый. Ну почему поганый?

Таков текст, написанный автором и всегда из спектакля в спектакль произносимый уважаемыми артистами.

...На очередном представлении этой пьесы второй артист заговорился с партнершей. Уже прозвучал вопрос: «Какого ты мнения о нем?», известная артистка подтолкнула партнера локотком, дескать, не зевай с ответом. Второй артист слегка растерялся и ляпнул: «Э-э-ээ... Говенный человек...» В зале — никакой реакции. Все принимается как должное. Первый решил не повторять оговорку и спросил: «Почему по-га-ный человек?»

Вот теперь все понявший зритель активно среагировал... и откровенно смеялся.

1950-е годы. На Михаила Гаркави, в свое время знаменитого конференсье, в аэропорту Харькова с любопытством долго смотрел дежурный по вокзалу и наконец спросил:

— Гражданин, вы сколько важитэ (весите)?

— Сто сорок килограммов, — ответил Гаркави.

— А вы знаете, шо у нас по инструкции для балансирууки у среднем на пассажира положено всего восемьдесят пять килограммов. И не бильше!

— Ну, отрезайте лишку... — развел руками Гаркави.

— Н-е-ет. Этого безобразия мы делать нэ будэмо, — улыбаясь, сказал дежурный. — Цего мы не допустимо! — Но вдруг изменился в лице и зло добавил: — А вот разныцю доплатытэ! Як за багаж!

1950-е годы. Москва. У Спасских ворот проверяет пригласительные билеты и пропуска на утренник в Кремлевский театр старшина милиции. Огромный, высокий. Перед ним останавливается маленький мальчик и, задрвав головку, спрашивает:

— Дяденька, можно пройти? Я забыл дома пригласительный билет...

— Не пустю!

— Пустите, дяденька, пожалуйста!

— Сказал не пустю, значит, не пустю!..

Мальчик заплакал, ушел...

Следующие за мальчиком — участники концерта актер Михаил Гаркави и певец Гамрикели.

— Гхаркави, Гхаркави... — старшина внимательно сверяет пропуск с документом, удостоверяющим личность, затем изучающе разглядывает артиста. — Проходите...

Берет документ знаменитого певца. Читает:

— Гхамри-ке-эл-ли. — Сверяет, смотрит на обоих, возвращает документ и спрашивает: — Братья?..

Только что прошел дождь. Неподалеку от Дома творчества «Щелыково», у МТС, стоит пьяный «вдрабадан» не то механик, не то сторож. Стоит, качается. Грязный-грязный!! Буквально по пояс в грязи. Сапог из нее не может вытащить.

— Ну что, хорошо тебе? — спрашиваю.

И он (такие лица не часто встретишь) со счастливой, блаженнейшей улыбкой, словно благодаря весь мир, громко, звонко прокричал в небеса:

— За-ме-ча-тель-но-о-оо-о!!!

На небе появилась радуга. Ей-ей! Русь! Неподрожаемая!

Гастроли группы артистов Малого театра в Чехословакии.

Знаю, что в театре города Оломоуц идет спектакль по моей инсценировке «Двенадцати стульев» И. Ильфа и Е. Петрова.

В системе гонораров авторам инсценировок в Чехословакии — я полный профан. Звоню в отдел авторских прав. Так, мол, и так, я — автор спектакля, уже два года идущего в городе Оломоуц. Могу ли я, имею ли право получить гонорар?

Мне отвечает женский голос на очень плохом русском языке:

— Сейчас я узнаю у пана Мертвечека.

Я звонил из телефонной будки, рядом — мои товарищи-артисты. Говорю им:

— Сейчас, очевидно, подойдет Мертвечек, начальник авторских прав, и я обо всем договорюсь...

— Как? Как фамилия?

— Мертвечек.

— Ничего не выйдет, — уверенно говорит один из коллег, — мертвое дело!

— Перестань, а то еще сглазишь, — отмахиваюсь я от него.

— Вы слушаете? — спрашивает женский голос.

— Да, да...

— Завтра в советский посольство прием и банкет в честь ваш театр. Мы тоже там будем, и я, и пан Мертвечек. Я вас с ним познакомлю, и вы решите все проблемы... Документ оформим, и вы получите деньги на следующий день...

— Большое вам спасибо! — Кладу трубку. — Братцы, ура!

На радостях пошли в дорогой ресторан. Денег не жалели, хоть и были они последними...

— И все же, по-моему, Мертвечек — фамилия малообещающая, — снова пугает всех Фома неверующий.

Ночью снилась новенькая «татра» — мечта!!
Моя «татра»!

Вечером в посольстве прием и банкет. С паном Мертвечеком мы познакомились: милейший, очень дружелюбный, предупредительный господин. Объясняем через переводчика-чеха. И вдруг: «Мы немного запутались! Пожалуйста, объясните: вы — Ильф или Петров?»

Пауза. Робко объясняю, что я не Ильф и не Петров, что фамилия моя Весник, что я — автор инсценировки, а не «Двенадцати стульев»...

Пан Мертвечек всплеснул руками, и переводчик перевел его слова: «Ах, какая досада! Мы инсценировщикам не платим! Ведь вы получили гонорар на родине».

Пришлось в посольстве одолжить до Москвы денег, чтобы как-то «дотянуть» до конца наших гастролей.

Во сне — страдал: кто-то украл мою «татру», наверное, пан Мертвечек!

* * *

Малый театр в Греции. Афины.

Если выйти из нашей гостиницы, повернуть налево и пройти метров пятьдесят, внимание обязательно привлечет маленький магазинчик-киоск, стоящий особняком на краю тротуара. Трудно описать разнообразие товаров, продающихся в нем, вернее из него, так как входа в него нет: от жвачки и сигарет до радиоприемников и изделий из золота... Я попросил бутылочку сладкой воды и маленький карманный недорогой, гонконговский, радиоприемничек. Рядом с магазинчиком-киоском-ларьком или лавкой-павильончиком — как угодно! — около входной, только для его владельцев, двери почти всегда, когда я проходил мимо, стояла колясочка с грудным ребеночком, а торговал в ларьке пожилой, очень симпатичный человек-чудо: при огненно-рыжей шевелюре он «носил» черные-черные брови — «плакучие ивы»! (Он мне даже во сне несколько раз приснился.) Феномен! Иногда его заменяли то пожилая женщина, то молодая и за все время нашего пребывания в Афинах только один раз — молодой человек... На «постоянной работе» находился лишь грудной товарищ в коляске, принимая «оздоровительные» процедуры по обработке хрупкого организма выхлопными газами огромного количества круглосуточно шуршавших

вездесущих «автоубийц»... (В Афинах и в ночное время ни насколочко не спадает напряженность на автодорогах.)

Выпив воды и расплатившись за приемничек, я решил «чернобровому» подарить на память пачку сигарет «Столичные» и малюсенький, рублевый флакончик пробных душков «Красная Москва». Он — ни в какую! И жестами, и мимикой давал мне понять, что нет у него денег на приобретение моих сувениров... Я ему тоже руками и физиономией показывал, что презренные деньги тут ни при чем, прикладывая руку к сердцу и выбрасывая ее резко вперед в его сторону — дескать, от всего сердца дарю ему эти пустяки, дарю, а не продаю, — уговаривал принять подарки. Растроганный «рыже-черный» вышел из своего «агрегата», потряс мне руку, глянул на автобусы, нас обслуживающие, прочел на выставленных в их окнах трафаретах на греческом языке «Гастроли Малого театра СССР», пальцем показал на меня, потом на автобусы и, получив в ответ утвердительные кивки, обнял меня и... мгновенно вбежав в свое царство, вынес оттуда еще бутылку воды... Денег не взял. Воду я выпил — и началось!!! Каждый день, проходя мимо его ларька, я обязательно что-нибудь дарил ему — значок, открытку, монетку и прочее, и всякий раз он выносил мне бутылочку вкусной воды и, если я не хотел ее выпить, буквально заставлял меня взять ее с собой. Удивительные слова сказал он мне при нашем переводчике:

— Вы, артисты, счастливые люди, потому что у вас нет своего частного дела, заведения... Оно съедает тебя, семью, внуков с потрохами! Семья

живет вот этой лавкой — в ней, около, вокруг, ради нее... Она — единственный источник жизни!!

Тогда это звучало не так, как сейчас... Что ближе к истине, идеалу, смыслу? Не знаю... Не ведаю... Время покажет. Я помню свой ответ:

— Не знаю, что лучше — иметь или не иметь свое дело! Я знаю только то, что, имея или не имея этого дела, необходимо жить во имя человеческого единения, а силы ума, умения и любви употреблять во имя общечеловеческого блага!

— Да, да, да, — отвечал он, — согласен, согласен. Вот мы с вами подружались, а служим разным целям и идеалам... Мы разобщены! Это очень плохо! Я это знаю! У нас в семье разлад, потому что муж моей дочери не хочет жить так, как мы живем, а мы не умеем и не желаем — как он! Это очень плохо!

Когда мы уезжали в Салоники, чернобровый мой дружок дождался меня, вышедшего из гостиницы, и подарил мне запасные батарейки для купленного у него радиоприемника. Мы расстались, как расстаются родные люди! Нас породнило — Добро!

* * *

Забавные диалоги в 1990 году на встрече со студентами Токийского университета:

— Мне очень нравится русская зенсины... Скажите, пожалуйста, если я приедем к вам в Россию, я могу найти зенсину и зениться на нее сделать, а?

— Конечно. Приезжайте. Девушки наши сами вас найдут.

— А ничего, сто у меня японская глаза, черный волосики?

— Да не думайте вы об этом. Вы очень симпатичный молодой человек.

— Знацит, я ницего? Музцина непротивная?

Через год студент приехал в Москву. Позвонил мне по телефону: «Я зенюсь!» Мы встретились. Невеста — студентка Университета имени Лумумбы — очаровательная... японка! Из города Осака!

Другой студент, энциклопедист-историк, поразил меня тем, что узнал во мне, уже пожилом человеке, исполнителя роли Родриго в фильме «Отелло» Сергея Юткевича. А ведь там, на экране, я — тридцатидвухлетний молодой «лось». Узнал! Приятно. Фильм, оказывается, недавно показывали в университете!

— Вы знаете, поцему у вас такая безобразия бесхозяйственная делается? Потому сто вы всех умных посажали, постреляли, выгоняли и теперь глупое больсиньство командоват умным меньсиньством.

— А у вас?

— А у нас любят умных, талантливых. У нас умное меньсиньство командоват глупым больсиньством.

— Что же нам делатъ?

— Наниматъ правительство.

— Какое?

— Японское!..

* * *

Август. Тель-Авив. Гостиница «Астор».

«Родная» гостиница — жил в ней в 1990 году во время гастролей Малого театра... Горничная и администратор — евреи из Махачкалы Алла и Саша — прекрасно говорят на русском языке. Подружились. Она — учительница, он — инженер. Я первый раз

в жизни за границей с женой! Раньше: «низя», «низя», «низя»... Почему? «Низя, и всё!» Н-и-з-я!!

...Концерты в Тель-Авиве, Хулоне, Хайфе и Рамале прошли, я бы сказал, «в сердечной атмосфере»... Количество зрителей зависело от количества русскоязычного населения: в Тель-Авиве — почти аншлаг, а, например, в Рамале — всего 200 человек, но тем не менее аплодисментов, улыбок и слез было предостаточно...

Больше других запомнились концерты в Хулоне и Тель-Авиве. Первый был посвящен 200-летию Одессы... Атмосфера в зрительном зале, да и за кулисами, где все участники концерта, за очень небольшим исключением, были из бывшего СССР и России и все говорили на русском языке, знали и знают прекрасно Одессу, ее прошлое и настоящее, — так вот, эта атмосфера как бы стерла границы между государствами, дала возможность до боли в сердце лишний раз убедиться в том, что Время никуда не движется — проходим мы, а не Время, природа и ее логика никаким образом людей не разделяют, не разграничивают, а, наоборот, призывают к равенству, единоверию и единению. И эта атмосфера подарила сказочное ощущение нашего — и зала, и артистов — пребывания как бы в самой Одессе!! Но... иллюзии частенько кончаются разочарованиями и слезами. Так было и на сей раз. По окончании вечера за кулисами образовалось столпотворение: пришли знакомые, родственники, друзья, разбитые госграницами «половинки» семей артистов! Дружный хохот зрительного зала на протяжении всего концерта превратился в ручьи слез, омывавших и комичные, и трагичные, и трагикомичные физиономии обнимав-

шихся и целовавшихся, тщетно искавших и Истину, и Счастье беззащитных козявочек-кузнечиков мироздания — человекoв!

Я тоже активно орошал свою физиономию — и обнимаясь со своей школьной подружкой* Зиной Френкель, и успокаивая своего семидесятисемилетнего друга из Кишинева, буквально «разварившего» в слезах свой «фотопортрет», — Михаила Кушкулея, известного юриста, футболиста и знатока оперного искусства, обладавшего незаурядным баритоном... «Я в ловушке! — всхлипывая, шептал он мне. — Я не могу здесь жить, но вынужден... Женя! Евреи, собранные в кучу, хуже хора, состоящего из певцов, лишенных слуха! Я не могу слушать эту вакханалию! Я в ловушке, потому что все мои, все-все: и дети, и внуки, и правнуки — здесь в куче... Мне некуда деваться! Тем более что скоро... — Он совсем сник, закрыл лицо мокрым носовым платком, но все же на прощание рассказал анекдот: — Арона и Самуила посадили в одну тюремную камеру. Самуил без конца ходит взад-вперед. Арон не выдерживает: "Потвоему, когда ты ходишь, ты не сидишь?" Женя, у меня и в жизни, и в работе, и в спорте всегда была цель! Теперь я живу без цели! Женя! Это ужасно!.. Бесцельная жизнь!»

* * *

Гастроли Малого театра в Мексике.

Город Гуано-Хуато. Беседа со швейцаром гостиницы через переводчика:

Я. Что самое лучшее в вашей жизни?

* Московская средняя школа № 15 на Донской улице.

Швейцар. Сладкие сказки.

Я. А самое плохое?

Швейцар. Смерть.

Я. Самый плохой человек?

Швейцар. Безбожник.

Я. Самый лучший?

Швейцар. Умеющий радоваться успехам других.

Я. Самый красивый?

Швейцар. Самый добрый! Он внешне может быть уродом.

Я. Самый некрасивый?

Швейцар. Самый жадный. Он может быть красавцем.

Я. Любимое занятие?

Швейцар. Вспоминать все хорошее!

Я. Самое нелюбимое занятие?

Швейцар. Ругать людей. И еще... смотреться в зеркало. Там видишь не то, что тебе говорят, или не то, что хотелось бы увидеть.

Я. Самое трудное?

Швейцар. Распознать честную, порядочную женщину. Это так же трудно, как на глаз определить вкус груши или сколько твоя собачка принесет щенков.

Я. Самое легкое в жизни?

Швейцар. Ничего не делать и стать бедным.

Я. Что вы думаете о своей стране?

Швейцар. Она — моя мать...

Я. А о себе?

Швейцар. Я ее сын и думаю, как помочь матери и не дать ее в обиду... У нас почти все так думают.

Я. Что такое хорошее правительство?

Швейцар. То, которое предвидит ход событий.

Я. Что такое плохое правительство?

Швейцар. То, которое реагирует на происходящее в стране позже любого прохожего.

Я. Как вы относитесь к американскому кино?

Швейцар. Как к нападению на Бога.

Я. Что вы думаете о России?

Швейцар. У вас новый руководитель всегда ругает прежнего... Значит, вы все в чем-то запутались!

Я. Смотрели наши спектакли?

Швейцар. Два! О! Это прекрасно! Ваши артисты — колдуны! Они тихо говорят, и зал их слушает... Наши артисты орут, кричат, и в зале тоже все орут и кричат... Подсказывают, что артистам делать, на сцену выскакивают... На ваших спектаклях — как в церкви. Спасибо вашему шефу — пропуск дал на все спектакли.

Я. Спасибо за беседу... вам и переводчику.

Швейцар. Вам тоже спасибо... Я сменюсь в одиннадцать вечера. Зайду к вам со своим вином.

Я. Заходите... с переводчиком вместе.

Переводчик (на русском языке). У меня тоже свое вино...

Я. И у меня бутылочка «Столичной» есть... из Москвы...

Мы разошлись в семь утра.

Разговор с директором нашей гостиницы, он же — один из попечителей местного Национального мексиканского театра.

Директор. Ваша делегация очень-очень большая! 50 человек. Очевидно, половина — охрана?

Я. Что вы, что вы! Это дирекция, суфлеры, гримеры, помощники режиссеров, сами режиссеры, врачи, осветители, художники, рабочие сцены, заведу-

ющий постановочной частью, электрики, представители профкома, месткома, парткома, Министерства культуры и прочих разных организаций...

Директор (хохочет). О, богато живете, поэтому вы бедные... Наш театр берет на гастроли только артистов, да и то — хороших и главных. Всех, кто нам нужен, нанимаем на месте гастролей. О! Это намного дешевле, и наши артисты получают больше. Но должен сказать, что спектакли ваши — шедевры.

Поезд Киев—Москва. Двухместное купе. За пять секунд до отхода, к сожалению, появляется сосед: красный, потный, подгулявший. Трогаемся. Сосед накрывает стол. Водка, пиво, сало, чеснок, хлеб, помидоры, соль.

Сосед. Угощаю...

Я. Спасибо. На ночь глядя — тяжело. Спать не буду.

Сосед. Трошки.

Я. Нет, нет, спасибо.

Сосед (приглядывается ко мне). Ой, я вас где-то бачил (видел).

Я. Вряд ли... — отвечаю так, чтобы не спровоцировать дальнейший разговор, очень устал, хочу спать.

Сосед. Не-не-не, бачил, бачил. Ну где, где?

Я. Да не бачили, не бачили...

Сосед. Не-не-не, бачил, бачил, но где?

Я. В тюрьме.

Сосед (обрадованно). У Пскове?

Я. Извините, я пошутил. — и лег спать.

Сосед сник, выпил немножко, молча убрал все со стола. Разделся, тоже лег.

Проснувшись утром, соседа не обнаружил. В Москве через окошко увидел его — он первым вышел из вагона. Стеснительный!

1976 год. Киев. Аэропорт Жуляны. Кафе.

За столом Иван Переверзев, режиссер Артур Войтецкий и я. На столе — прикрытый салфеткой сосуд (емкость — 0,5 литра. Водка)... Времена были «строгие» — распивать в ресторанах и прочих заведениях на территории аэровокзалов — ни-ни!

Вошел страж порядка в сопровождении трех солдат. Все с повязками на рукавах. Патруль... Оглядел присутствующих... Подошел к нашему столику. Бесцеремонно снял салфетку с горлышка сосуда.

— Распиваем?

— Ни в коем случае! Да что вы! Да как можно? Это вода...

Страж спокойно, с улыбкой победителя наливает почти полный фужер водки, медленно выпивает... ставит фужер на место...

— Действительно вода! Молодцы! Дай вам Бог здоровья! Я не скоро сменяюсь, может, еще увидимся...

Повернулся и ушел.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

(Прислано в семидесятые годы в газету «Труд» из Днепропетровской области гражданкой Н. Яровой.)

«Кто встречал козу с облупленным боком и одним рогом, прошу сообщить по адресу: ул. Трудовая, 11.

Если это мужчина, то получит бутылкой! Если женщина — что сама пожелает. Козу кличут Марией Ивановной, масти черной. Скоро должна опороситься».

19.. год. Харьков. Площадь перед оперным театром. Скоро начало очередного концерта.

Жуткая жара, очень хочется пить, кружка пива — спасение. Стоим в очереди. Неподалеку от нас вне очереди — супружеская пара: изнывающий от жары муж и его недовольная чем-то, явно сердитая жена.

Муж (*заискивающе*). Купы кружку пива.

Видно, как судорожно мечется его кадык — вверх-вниз, вверх-вниз. Ну очень ему пива хочется. А жена в ответ:

— Та нэ трэба тоби пива. Ты подывысь на свою харю, мэни стыдно с тобою по вульци ходыть. Нэ трэба тоби пива.

Проходит минут пять.

Муж (*капризно-требовательно*). Ну, купы... Ну, купы ж кружку пива, ну, прошу ж тэбэ, ну шо ты, ей-богу. Купы...

Жена (*злее, чем прежде*). Я казала вжэ, нэ трэба тоби пива. Ты подывысь, подывысь на хар-рю свою. Жалко, у мэнэ зэркала нэмае. Стыдно ж с тобою рядом стояты.

Проходит совсем немного времени.

Муж (*угрожающим шепотом*). Та купы ж кружку-у пива! (*Дальше — мат.*)

Жена буквально летит к очереди, на ходу ласково прощепетав:

— Ну так бы сразу и сказав!!

19.. год. Пельменная в Запорожье.

За столом двое, похоже командированные. Один из них, хлопнув ладонью по столу, строго предупреждает:

— Шо б нэ було, а в трест мы пидэмо.

Напарник удивленно пожимает плечами, как бы говоря: «Что за разговор? Конечно, пойдём. Иначе и быть не может».

Выпили по большой рюмке водки. Посидели, помолчали. Первый вновь предупреждает:

— Шо б нэ було, а в трест мы пидэмо. Чуешь?

Второй повторяет прежнюю реакцию: дескать, а как же! Никаких сомнений!.. Выпили по второй. Посидели, помолчали.

— Ну шо, в трест пидэмо? — как-то неуверенно вопрошает первый.

Второй вяло кивнул. Выпили по третьей. На очередной вопрос первого: «Ну шо, пидэмо в трест?» — второй, потный и разомлевший, отчаянно крутанул головой и воскликнул:

— Да ну его к чертям собачьим!!

На всю процедуру ушло минут тридцать...

* * *

ОДЕССА ЕСТЬ ОДЕССА

(Ни грамма вымысла — «шоб я так жил!».)

— Я видел вас стоять у в трамвае.

— А я видел вас лежать загорать у моря.

— Ой, я видел вас купаться!

— А я видела вас чихать и кашлять. Прошло?
Или сидит ще?

— Я видел вас пить пиво з раками.

— А я видел вас кушать водочку без ничего.

— Будете проходить мимо нашего тира — зайдите проверить глаз — как там зрачок!

— На в нашей танцуплощадке, я вам скажу, большая, настоящая культура быта! У нас в штанах, которые для других, посторонних целей, — нечего делать! Без настоящих штанов не пускаем! Пусть меньше будет клиентов телемпаться, но зато которые культурно приодеты.

— Не, не, не... У нас не бордель, у нас — баня! Не, не, не... Разнополым гражданам в душ сразу вместе — нельзя. Не, не, не... Шо, вам других мест не хватает? Нашли место для крепкой дружбы!! Ха! Не надо, не надо... Развратом занимайтесь на других территориях.

— Смотри на него! Вон из кабинки выходят «он» и «она» — так шо, они одинакового пола? А? Шо ви на это процедите? Ну, ну, cedите, cedите... Философ! Плевако! Оратор! Шо ви примолкли??

— Я вам скажу нелюбезность: ви слепой!

— Я смеюсь с вас! Слепой! Ха! Я кандидат в мастера по стрельбе по летающим тарелкам, а если кто попросит — и в кусочек сахара могу попадание подарить. А ви... «слепой»! Ха! Ха на вас!

— Ви-таки да, слепой. Да! Это вишли из кабины «он» и «она», а значит, разного, женского и мужчинского, происхождения, но смотрите, он же инвалид, у него нет одной ножной конечности! Ви в сахар пулей не попадете!

— Ой, а я знаю, шо ви не дали ему самое дорогое, и правильно, шо не дали... Шо он смеется? Да такой

косы, как у вас, ни в одной районе Одессы не найдете! На метр с гаком висит. И на тебе — ха! Отрезать на парык кому-то лысому! Шо он завесился! Ха! Правильно, шо не дали. Такая коса! Красавица! Парыки лысым шить! Ви видали? Ему заработки, а нам? Ни одного мужика, натурально от Бога обросшего, не пригреешь! Фу! От лысины — лед! Забудешься — цоп! ай! — там ничего, а в руке — парык. Фу! На софе — мужик, а на голове у него — хоть мировое первенство на коньках организовывай.

— Ви напрасно волнуетесь, товарищ Весник! Повэрте моему опыту... Ваш концерт пройдет очень хорошо... Я увэрен. Я видел вас выступать сольно. Очень ничего себе, очень, очень. И знайте наперед: если ви пройдете в Одессе — ви пройдете и в Парыже... Да-а, да-а, да-аааа! Почему я так говорю? Да потому, что в Одессе не смотрите, что она юг, Запада больше, чем во всем мире, пойдите на базар, и ви убедитесь: заграницы столько, сколько нет во всем Союзе!! Соберите весь Союз у нас на пляже, всех, всех, и пустите между ими нашего одессита!! О! Он им всем по всему фору даст: и по западному, и по заграничному, и по умственному, и по што хотите! Ваш концерт пройдет хорошо! Уверяю вас! В вас есть что-то от Одессы! Ах, если бы ви выступали без московского акцента! Бил бы фурор!

— Мазила! Играть не умеет! Откуда он взялся? Этот десятый номер! Калека! С поля!! Тренер, замените вашего десятого! Позор для Одессы! Он такой же футболист, как с моей тещи водные лыжи! О-о-оо! Опять мимо! (*Свистит.*) Мазила! (*Свистит.*) С поля!

— Шо ви орете? Шо ви телемпаетесь? Шо ви свинстите? Ша! Не оскорбляйте человека! Ви же не знаете, как он поет! Карузо! Нежданов!! Собинова!!

После этих слов первый зритель молчал до конца игры, потому что второй был чемпионом Одессы по боксу...

1949 год. Гастроли в Одессе Театра имени Станиславского. Меня поселили по адресу: Канатная, 5, кв. 5.

Спрашиваю хозяйку:

— Как пройти к морю? Где море?

— Морэ, морэ... э-э. — Она растеряно повернулась в одну сторону, потом в другую и вдруг с выражением невероятного испуга в глазах произнесла: — Ой-й... я забила!

Как выяснилось позже, до моря было метров 500—700... А хозяйке было 79 лет...

1949 год. Сталинские времена. Повсюду: в учреждениях, в институтах, на заводах, даже в роддомах — читают лекции по сталинскому «Краткому курсу».

Читали и в Одесском оперном театре. И вот на такой лекции уснула билетерша по фамилии Розенбаум. Как известно, после каждой главы «Краткого курса» шли «Краткие выводы», которые все обязаны были знать чуть ли не наизусть... Поговаривали, что их написал сам «отец родной всех и вся» — Сталин.

Лектор, закончив рассказывать об одной из глав, заметил спящую.

— Розенбаум!

— А? Шо? Слушаю, — встрепенулась испуганная насмерть билетерша.

— Какие выводы вы делаете из лекции?

— Краткие, — не задумываясь и виновато улыбаясь, ответила Розенбаум, чуть-чуть картавя...

Знаменитый рынок Привоз. Продавщица свежей черешни: килограмм — 10 рублей. Рядом продавщица крахмала: один стакан — 50 копеек.

Горожанка. Сколько стоит ваша черешня? Десять рублей? Ого! Везде — восемь, а у нее — десять! Чтоб тебе в одном месте росла эта черешня! Всю жизнь!!

Продавщица черешни. Халда! Хамка! Выдра! Медуза!

Продавщица крахмала. Ой, мне бы такое счастье на всю жизнь! Пусть растет. Я бы с крахмалом не мучилась!!

Зиновий Гердт и я решили порыбачить. Очень трудно было достать для наживки рачков — маленьких креветочек. Нам посоветовали часа в три купить их у браконьера на Привозе. Пошли... В 3 часа 15 минут появляется толстый-толстый человек. Идет ме-едле-нно, сте-епе-нно, тяжело дышит. Типичный одессит. Подбегаю, шепчу: «У вас нет рачков?» Не задерживаясь ни на мгновение, даже не глянув на меня, толстяк хрипло, но громко-громко ответил: «Сейчас пойду наловлю для вас!» И унес свой живот за угол.

Около оперного красавца-театра спрашиваю у прохожего — типичного одессита;

— Почему огорожен театр, разобраны вокруг каменные пешеходные дорожки, а никакой ремонтной работы не видно?

Прохожий. А шо же ви хотите? Должен бил Иосип Брось Тито до Одессы приехать, так начали ремон-

тировать оседавший чуть-чуть наш Оперный... Жидкой стеклой в щели заливали, а тут вдруг узнали, шо Иосип Брось Тито до Одессы не приедет, ну и бросили это занятие. Не приедет — значит, и нечего ремонтировать... Ну и шо ви думаете? Театр наш оказался умней властей: сам прекратил оседать!

Я. А почему он оседать стал?

Прохожий. Я так думаю, что штаты раздули — чересчур большой оркестр, много танцоров и певунов... Как они все разом грохнут... Тут не то шо оседет театр, а шо хотите треснет, или шторм начнется...

Я. Так перестал все же садиться?

Прохожий. Перед приездом Тито сокращение штатов было, нового руководителя назначили, орать, топать, гроыхать стали культурнее, тише, вот театр и успокоился, проваливаться остановился...

Я. А ограждение так и останется?

Прохожий. Конечно! Пока новый какой-нибудь знаменитый Иосип или богатей Мойша не приедет!

1953 год. Москва.

Отец моего партнера по эстрадным выступлениям. Ви оба очень хорошо виступаете... Я не пропускаю ни одного концерта. Очень все хорошо, но говорите ви не совсем чисто по-московскому, с каким-то — не знаю — легким акцентом... Вот слышите, как я говорю... Я всю жизнь живу в Москве, и у меня — слышите? — чистый московский виговор... А ви оба говорите чуть-чуть не по-московскому... Необходимо подработать это дело, и я уверен, что у вас все получится. Ребята, ви — никак нельзя сказать, что без способностей.

Я (робко). Мне кажется, что у вас тоже не идеальный старомосковский говор.

Отец партнера. Ви — профессионалы, всё замечаете, а другие люди не имеют способностей услышать мою маленькую одесскую напевность в акценте. Ничего не поделаешь... До десятилетнего возраста я жил в Одессе, вот она немножко и застряла в меня. А вообще, прислушайтесь внимательно, — у меня настоящий московский виговор.

При следующей встрече.

Отец партнера. Вот ви меня, Женя, часто спрашиваете, на какие деньги я, скромный человек, покупаю то телевизор, то жену приодену, то сам новый костюмчик приобрету... Вам, как другу моего сына, я по секрету объясню эту мелодраму. Ви же знаете, что я работаю по изготовлению пуговиц — и гражданских, и военных. Так вот, удается иногда с собой прихватить партию разных пуговиц и на них немножко жить чуть-чуть выше среднего уровня трудящихся...

Я. Я знаю, что вы — член КПСС. Объясните мне, пожалуйста, как вам видится коммунистическое общество?

Отец партнера. Это очень просто. Когда я буду тайно выносить с работы очередную партию дорогих пуговиц и меня поймают за руку, но не будут придирааться, а скажут, что я их не украл, и отпустят с пуговицами домой, — так вот это и есть коммунизм.

Я. Не совсем понял...

Отец партнера. Ну что же тут непонятного? Этот факт будет означать, что победила Теория Изобилия!

Я. А вообще-то построят коммунизм?

Отец партнера. Обязательно! На улице Горького в Москве... и, может быть, на Дерибасовской в Одессе.

Знаменитого администратора Одесской филармонии, широко известного в театральном мире, вызвали в райком партии:

— Товарищ Н., вы помните, что вы член партии?

— Помню, — ответил Н.

— А вы знаете, что вы два года не платили членские взносы?

— Знаю.

— Что вы можете по этому поводу сказать?

— Вы мне ответьте на один вопрос: марксизм-ленинизм точно всепобеждающая наука?

— Да.

— Так шо мне торопиться? Я успею заплатить.

Время еще есть.

В ресторане гостиницы «Лондонская».

Первый. Ну, чем будем закусывать?

Второй. Хорошо бы свеженьким огурчиком.

Первый (обращаясь к официанту). Будьте добры, два свежих огурчика!

Второй (после того, как налили и первый взял себе огурчик побольше). Эх! Ви весь, весь в этих огурчиках! Вот так ви всюду и во всем: себе обязательно кусок побольше! Типичный одессит!

Первый. А шо бы сделали ви?

Второй. Я бы взял маленький огурчик.

Первый. Так ви же его имеете!

После фильма «Трембита», в котором я играл бывшего лакея Сусика, ребятня не давала мне прохода. К моему выходу из дома готовились, как

к спектаклю! Провожая меня до остановки троллейбуса, они хором кричали: «Сусик! Су-сик!» Не скрою, мне это было приятно, ведь причина их шалости в том, что я им запомнился в фильме, понравился, а это хорошо! Плохо другое: представьте, в каком я оказывался положении перед взрослыми прохожими, не понимавшими, что происходит.

Пряча свою узнаваемую физиономию от людей, я выработал привычку: поднимать воротник пальто, надвигать на глаза кепку — словом, «маскироваться». Но, несмотря на все мои ухищрения, как-то в вагоне метро, битком набитом пассажирами, меня узнал восьмилетний мальчишка и вдруг как закричит:

— Мама, смотри, этот дурачок едет!!

Позор! Ведь пассажиры не знали, в каких я отношениях с его мамой... Черт-те что могли подумать: не беглый ли отец, например...

Двадцать два года спустя врач, на прием к которому я попал в одном из медицинских институтов Одессы, принес мне извинения за нанесенное в метро оскорбление!!!

В 1958 году дежурные одесской гостиницы «Аркадия» в течение восемнадцатидневных гастролей Театра Сатиры обращались ко мне в следующих вариантах моей фамилии: 1. Вестик. 2. Веник. 3. Венике. 4. Вескинов. 5. Винник. 6. Венцик. 7. Веский. 8. Васькин. 9. Веснин. 10. Весеник. 11. Вестник. 12. Весенин. 13. Весик. 14. Весин. 15. Вески. 16. Буревестник!!!

Одна из дежурных:

— Товарищ Вестик, у вас имеется политическое образование?

— Не ахти какое!

— Я вам завидую... Вот ви мне нужны. Объясните, пожалуйста, вот какую проблему.

В 19.. году я первый раз вишла замуж по любви. Мне было мало лет, ему много больше. Вскоре он умэр... Тогда писали: «Руки прочь от Китая».

В 19.. году я знова вишла замуж по большой любви, и знова муж через несколько лет скончался... И тогда писали: «Руки прочь от Китая».

В 19.. году я в третий раз сошлась с замечательной мужчиной. Я любила его больше всех, и он был богаче всех... Товарищ Венике, знаете, что он говорил мне в порыве страсти? Он говорил: «Фира, я люблю тебя за то, что ты утром, уходя от меня, всегда нащупываешь языком самые крупные купюры в плотной пачке денег, когда я открываю ящик стола и говорю: "Бери! Только языком!"» Я вела себя скромно и интеллигентно и всегда молчала, когда он, бивало, не открывал ящик... Я не выкидывала из себя жадность. Вскоре он отравился раками и покинул меня на веки веков. Так вот, товарищ Венцик, несмотря на все это, и тогда писали: «Руки прочь от Китая».

В 19.. году я знова сходила в загс с одним нэпманом — он делал чудесные кастрюли... Их расхватывала вся Одесса моментом, как семачки! На всех он не успел наделать кастрюль, потому что ушел из моей жизни... Ви знаете, товарищ Венцик, его пышно хоронили, и в газетах писали тогда: «Руки прочь от Китая!»

19.. год. Я знова невеста, но женою стать не успела — жениха обвинили в том, что он хотел убить — наложить руки на всю руководящую Москву

и Одессу, и вы сами понимаете, что впереди ничего веселого у него уже бить не могло... Я думаю, что его уже нет в живых; так представьте себе, в те дни тоже писали: «Руки прочь от Китая!»

Эти слова писали и в 19.., и в 19.., и в 19.. годах... Скажите, товарищ Вецкин, — чьи руки?

Морской круиз.

Бармен — одессит: «Вы не смотрите, шо я за стойкой и в лакейской робе... Я, между прочим, очень опытный человек в вопросе доказать неправильность аксиомы: от перемены мест СЛАГАЕМЫХ сумма не меняется... Она таки-да, меняется, ох, как меняется... Я это уже доказал легко и успешно! Двадцать пять лет я скользя и катаюсь на разных судах во многие разные страны и на СЛОЖЕНИИ разнообразных валют и в разных местах доказал, шо меняется, меняется... хорошо меняется».

В доверительном монологе мне было доложено, что «великий математик» — владелец трех, как было сказано, «тачек»: «мерседес» — для глаз и души, «вольво» — для перевозки любовниц, «Нива» — для поездки на базар с «законной половиной» и на рыбалку.

«Слагаемые», признаюсь, взволновали меня, тронули глубиной своей несостоятельности, и я, не сдержав себя, попросил бармена усыновить меня... Его смутила разница в возрасте: ему 51 год, а мне — 73, и он вежливо отказал мне в просьбе, попросив на него не обижаться... Не шутя! Или мне так показалось...

СОДЕРЖАНИЕ

СНЫ

Сон первый	8
Сон второй: трехсерийный	14
Сон третий: «Гав-гав!..»	16
Сон четвертый: сериал «Свистуны»	19
Сон пятый: «Родина»	22
Сны седьмой — восьмой — девятый	25

МАЛЕЕВКА ДЛЯ ФИЛОСОФА

Стол... бумага... карандаш...	29
Сосед за стеной справа	53

ЗАДУШЕВНЫЕ БЕСЕДЫ С РЫБАЧКОМ

Только правда	77
В гостях хорошо, а дома — не хуже!	79
Волны Черного моря	82
В бывшем поместье А.Н. Островского	
Щелькове	91
Креветки	93
«Волга» куплена в Южной Корее	95
Почему, почему, почему?	97
О нецензурных словах	100
«Серебряные» раки	103
Необходимо думать одно, а говорить то же самое	105

ЗООЛИТПАРК

Прости, Рекс!	109
Бугай	123
Шекспириада	125
Сэр Тоби	130
Чернок	134
Харчо	137
А ведь собаки кусаются!	140
Франтик	148

Поцелуй волка	153
Пингвиненок Рабурдэн	155
Рядом целые миры	159
Рассказ-триптих	161
Поклонник кино	165
Вася и лев	167
Ки-ки	169
Малыш и милиционер	171
Сюжет для размышлений	173
ПОКУШЕНИЕ НА МОЮ ЖИЗНЬ	
Новый дружок	177
Новатор	184
Лопух	186
Секретарь горкома	189
«Ауфвидерзеен!»	191
Что сотворил Ионеско!	193
Учитель	197
Социальная помощь совслужащим	202
Зяма	206
Великий Евсей!	208
О Михаиле Михайловиче Яншине	213
Достаточно	218
Не ножа бойся, а языка...	220
Не надо! Не надо!	222
Зачем вы пьете водку?	224
Почему, почему, почему-почему...	227
Думы взрослых	232
День рождения	234
Браво, Марчелло Матроянни!	236
Транзистор на тарелках	239
Покушение на мою жизнь	241
ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК АРТИСТА	243

Литературно-художественное издание

Весник Евгений Яковлевич

Абракадабры

Редактор

Е.Д. Шубина

Младший редактор

А.С. Прохорова

Художественный редактор

Т.Н. Костерина

Технолог

С.С. Басилова

Оператор компьютерной верстки переплета

В.М. Драновский

Оператор компьютерной верстки

А.Г. Иванова

Корректоры

А.Ф. Уланова, А.М. Кочетова

Подписано в печать 15.11.2006

Формат 84х108/32

Тираж 5000 экз.

Заказ №6143

ЗАО «Вагриус»

107150, Москва, ул. Ивантеевская, д. 4, корп. 1

E-mail: vagrius@vagrius.com

Отпечатано в ОАО «ИПК

«Ульяновский Дом печати»

432980 г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 14

ЗАТРИУС

**Новая книга известного и всеми любимого
актера Евгения Весника названа весело
и непринужденно – «Абракадабры».
Искрометный юмор соседствует
в ней с философскими рассуждениями;
воспоминания о «делах давно
минувших дней»
с точными афористичными зарисовками
из нашего сегодня; портреты коллег
по цеху (будь то актеры или писатели) –
с проникновенными рассказами
о «братьях наших меньших» –
с ними у автора сложилось в течение
его долгой жизни полное
взаимопонимание...**

ISBN 978-5-9697-0340-7

9 785969 703407 >